

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

А.Г. Вазерова, Л.А. Королева, Н.В. Мику

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ XX ВЕКА**

Пенза 2015

УДК 947.083.71

ББК 63.3(0)53

В13

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Р.З. Бареева (Московский государственный университет имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) Пензенский филиал); кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия» Е.А. Макеева (ПГУАС)

Вазерова А.Г.

В13 История и культура Пензенского края XX века: моногр. / А.Г. Вазерова, Л.А. Королева, Н.В. Мику. – Пенза: ПГУАС, 2015. – 192 с.
ISBN 978-5-9282-1305-3

Монография посвящена исследованию истории и культуры Пензенского края в XX веке.

Подготовлена на кафедре «История и философия» и предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется вопросами истории и культуры Пензенского края.

ISBN 978-5-9282-1305-3

© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2015

© Вазерова А.Г., Королева Л.А.,
Мику Н.В. 2015

ВВЕДЕНИЕ

Развитие культуры невозможно ограничить территориальными рамками. Тем не менее, Пензенский край является весьма подходящим для исследования регионом, так как позволяет учесть различные факторы, так или иначе влиявшие на культурную политику и культурную жизнь.

На территории края живут представители разных народов и народностей, представители разных культур. Край поистине многонационален, кроме того здесь представлены различные конфессии.

Культурное развитие и культурная жизнь края являются характерными для страны в целом, поэтому регион, выбранный для исследования, дает возможность выделить ценностные ориентации, нормы поведения, систему эстетических образцов характерные для культуры советской эпохи.

Провинциальная культура гораздо ближе к истокам российской жизни, к народности, чем художественная жизнь столичных городов. Во все времена уровень развития культуры определял степень развития общества. В настоящее время сохраняется параллельное существование двух миров, двух уровней жизни, двух культур – столичной и провинциальной. Это определяет актуальность исследований культуры на региональном уровне, культурной жизни типичных для России краев и областей, каким, собственно, и является Пензенский край.

При подготовке монографии были использованы материалы фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Были привлечены также материалы фондов Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ), Государственного архива Самарской области (ГАСО) и Государственного архива Пензенской области (ГАПО), а также Национального архива республики Татарстан (НА РТ).

Помимо архивных документов, при подготовке монографии были использованы материалы центральной и местной периодической печати, воспоминания современников.

Архивные материалы, периодические издания, опубликованные документы, воспоминания современников, привлеченные к исследованию, способствовали объективному освещению изучаемой проблемы. Следует отметить, что многие документы и материалы впервые вводятся в научный оборот.

1. История и культура Пензенского края в 1920-1930-е годы

Понятие «Пензенский край» является в достаточной степени условным, в силу того, что статус и границы края многократно менялись, особенно в первой половине XX века. В сложившихся еще в XVIII веке границах, Пензенская губерния просуществовала до 1928 года. Затем административно-территориальные границы неоднократно менялись. В 1928 году территория бывшей Пензенской губернии была разделена на Кузнецкий, Мордовский и Сызранский округа, подчиненные Средне-Волжской области. В 1930 году Пензенский округ был упразднен, а района, которые в него входили, стали подчиняться Самаре. Через семь лет статус края вновь изменился. В 1937 году эта территория вместе с Пензой вошла в состав Тамбовской области, а уже через два года – в 1939 году была образована Пензенская область с новыми границами. С тех пор статус края и его границы не менялись. Подобные изменения не всегда благоприятно отражались на сфере культуры. Первый нарком просвещения А.В. Луначарский, посетивший Пензу в 1929 году, писал: «В Пензе много старых губернского типа зданий: она типична именно как губернский город, имеющий, на первый взгляд, своеобразно солидный, почти комфортабельный характер. Между тем, Пензенский округ – один из самых бедных, если не самый бедный в РСФСР. В бытность свою губернией он был даже еще темнее, ибо, пожалуй, самая глухая часть отрезана теперь и превращена в самостоятельный Мордовский округ с центром в Саранске.

Губернский центр Пенза безжалостно впитывала в себе все, что могла впитать из губернии. Она оставила в высшей степени темными свои уезды. Это сказывается еще и сейчас. Пенза имеет при 90000 жителей семь больших и разнообразных техникумов. Ее главнейшие школы расположены в удобных зданиях. Она имеет громадный театр. За исключением Большого и Экспериментального театра, Москва не знает ни одной такой большой театральной залы.

Здесь надо подчеркнуть глубокую ошибку, сделанную одновременно с районированием Средневолжской области, которую необходимо исправить. Пензенская губерния, как чрезвычайно бедная, имела в последние годы дотацию около полутора миллионов рублей. После районирования Пензенскому округу жестким и несправедливым образом не дали ничего. Очевидно, ждали, что поможет вся область. Но область молодая и помочь не смогла, и в результате районирования все, например, численные показатели по бюджету народного просвещения катастрофически упали. Сам округ сделал необходимое усилие, поднял долю народного просвещения в своем бюджете с 31 до 35 процентов, тем не менее и без того низкие расходы по народному просвещению на душу еще снизились. Еще обиднее

сморщилась и почернела и без того невзрачная постановка культурной работы в районах и деревнях»¹.

Бахтин М.М. писал: «Не должно представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в культурной жизни ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает.

И в этом смысле мы можем говорить о конкретной системности каждого явления культуры, каждого культурного акта, об его автономной причастности – или причастной автономии.

Только в этой конкретной систематичности своей, то есть в непосредственной отнесенности и ориентированности в единстве культуры, явление перестает быть просто наличным, голым фактом, приобретает значительность, смысл, становится как бы некоей монадой, отражающей в себе все и отражаемой во всем»².

Пензенский край расположен на Восточно-Европейской равнине, занимая среднюю и западную часть Поволжской возвышенности. Рельеф местности равнинный, слегка холмистый. Территория края располагается в лесной, лесостепной и степной зонах. Край преимущественно сельскохозяйственный, поскольку основным богатством являются черноземные почвы.

На территории края живут представители разных народов и народностей, представители разных культур. Край поистине многонационален. Помимо русских, составляющих большинство, здесь испокон веков проживают татары, мордва, чувашаи и т.д. Многие из них проживают компактно. Например, мордва, относящаяся к этнической группе эрзя проживает, в основном в восточной части Пензенского края, а этническая группа мокша – в западной части. Мордва живет преимущественно в Шемышейском, Сосновоборском, Бессоновском, Камешкирском Белинском, Городищенском и Пензенском районах. Местами компактного проживания татар являются Городищенский, Кузнецкий, Неверкинский, Сосновоборский и Лопатинский районы, а чувашей – в Неверкинский район. В самой Пензе проживают представители всех национальностей.

Культура Пензенского края в дореволюционные годы во многом была связана с дворянскими усадьбами, которые являлись своего рода культурными центрами. Архитектурную ценность представляли сами усадьбы и

---

¹ Луначарский А.В. Месяц по Сибири и Среднему Поволжью. Л., 1929. С.132.

² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.25.

парки, существовали крепостные и домашние театры, оркестры. Пензенский край неразрывно связан с историей русской литературы, достаточно вспомнить имена А.Н. Радищева, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, Н.С. Лескова, А.И. Куприна. С Пензенским краем связаны Всеволод Мейерхольд, киноактер Иван Мозжухин, изобретатель П.Н. Яблочков, историк В. Ключевский и многие, многие другие, без которых в настоящее время нельзя представить русскую культуру и науку.

В дореволюционные годы в Пензе и губернии работали как духовные, так и светские учебные заведения. С 1837 года функционировала первая публичная библиотека, а в 1892 году была открыта общественная библиотека имени М.Ю. Лермонтова.

В 1874 году в Пензе была открыта учительская семинария. Это было первое среднее специальное учебное заведение с трехгодичным сроком обучения. Ежегодно оно выпускало 17–20 учителей в год для начальных школ Пензенской губернии

После установления советской власти ситуация изменилась. Сфера культуры оказалась подконтрольной партийным и советским органам власти. При этом все учреждения культуры оказались под достаточно жестким идеологическим контролем партийных органов. В 1920-е годы этот контроль был еще не столь жестким, он существенно усилился после 1928 года.

В середине 1920-х гг. прошел ряд дискуссий, и были приняты решения, определяющие отношение власти к культуре и искусству. В мае 1924 г. были одобрены резолюции Отдела печати ЦК и XIII съезда партии. 18 июня 1925 г. – резолюция ЦК «О партийной политике в области художественной литературы». В ней провозглашалось, что «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы». ЦК высказывался «за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области»³. Однако, осудив пролетарских писателей за изысканность, бестактность, нетерпимость, власть в итоге встала на их сторону, отвергая принцип невмешательства в искусство. В том же, 1925 году, на встрече с советской интеллигенцией Н.И. Бухарин откровенно заявил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике»⁴. Через некоторое время, в 1928 году, Н.И. Бухарин утверждал, что коммунисты «самым быстрым образом, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную человеческую массу вперед по культурной дороге, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну, вызывают к жизни не отдельные бриллиантовые ручейч-

³ О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954. С.346.

⁴ Бухарин Н. И. Судьбы современной интеллигенции. М., 1925. С. 27.

ки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства»⁵.

В мае – июне 1928 года прошло Всесоюзное совещание при ЦК ВКП(б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства, которое ознаменовало начало «идеологизации» всех сфер жизни советского общества. Была выработана линия на всемирное усиление классового начала, классовой борьбы на идеологическом и культурном «фронте», на усиление влияния партии «в делах культуры»⁶. «Пролетариат приходит к гегемонии в теории и искусстве не путем мирного взаимопонимания и сожительства социально различных и антагонистических идеологий, а путем неуклонной, напряженной борьбы против враждебных социальных тенденций, путем преодоления иных социальных идеологий», – отмечалось в журнале «Печать и революция»⁷.

В январе 1930 года в ЦК были созданы отдел культуры и пропаганды – Культпроп и отдел агитации и массовых кампаний. В обкомах, горкомах и райкомах партии также появились культпропы. В 1934 году в крайкомах и обкомах партии они были реорганизованы, в результате были созданы четыре инструкторские группы, в соответствии с основными отраслями работы – народного образования, партийного просвещения, печати и здравоохранения. Каждый инструктор был прикреплен к определенным районам и проводил в них работу по своей отрасли. В 1935 году на основании постановления ЦК «О пропагандистской работе в ближайшее время» в обкомах вместо культпропа были созданы три отдела: партийной пропаганды, агитации и печати; школ и вузов; культпросветработы.

В период с 1920 и до конца 1930-х годов в крае существенно возросло количество культурно-просветительских и образовательных учреждений. В 1918–1922 годах в Пензе работал театр оперы и балета. В ноябре 1918 года была открыта Пензенская народная консерватория. В 1919 году при отделе народного образования Пензенского губисполкома был организован подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины⁸. В 1924 году было принято постановление бюро Пензенского губкома РКП(б) о создании комиссии по выявлению исторических памятников. Комиссия должна была заниматься выявлением на местах (бывших имениях) музейного или культурного значения того или иного памятника старины⁹. Тем не менее, в 1925 году заведующий историческим отделом Пензенского краеведческого музея Б.Н. Гвоздев писал: «Каждый край имеет свою историческую судьбу, наш Пензенский край не может похвалиться какой-то особенной древностью, но тот путь, который им пройден, оставил

⁵ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С.372.

⁶ КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. документов. М., 1963. С.170-184.

⁷ Печать и революция. 1929. №4. С.3.

⁸ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.3. Л.106.

⁹ ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д.805. Л.67-67об.

глубокие следы, они застыли навсегда в своеобразных, полных исторического смысла памятниках. Необходимо также отметить, что в этом отношении губерния мало изучена. Это последнее обязывает нас особенно бережно относиться к ним. К глубокому прискорбию, в действительности наблюдается иное. Есть сведения, что в уездах производятся самочинные раскопки, уничтожаются старинные парки (парк Огарева в Старом Акшине и др.), калечатся богатые помещичьи дома, расхищаются книгохранилища, истребляются надгробные памятники; городские здания, взятые на учет музейным подотделом, ремонтируются без соблюдения установленных правил...»¹⁰. Гвоздев Б.Н. отмечал, что «музейная комиссия» при губполитпросвете была лишь «совещательным органом». Ее деятельность выразилась «в составлении далеко не исчерпывающего списка памятников старины, каковая работа производилась за счет и силами исторического отдела областного музея, и к настоящему моменту не закончена даже регистрация памятников старины, вторая же и главная задача комиссии – охрана памятников старины, поддержание их в известной сохранности – совершенно неосуществима при прежнем положении дела. Для действительного проведения мер по охране памятников старины необходимо организовать губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и быта, так называемый губмузей, который должен состоять из специального штата со своей канцелярией»¹¹.

В 1918 году была открыта государственная студия драматического искусства, насчитывающая до 119 человек¹². Пензенский художественный музей был основан еще в 1898 году. В 1920-е годы музей располагался в здании художественного училища, занимая специально оборудованный третий этаж. «При развеске картины были разделены на отделы иностранных и русских художников. Иностранные художники размещены по школам: итальянская, голландская, фламандская, французская, немецкая. Как в иностранном, так и в русском отделе при развеске соблюдался хронологический порядок. Фарфор, бронза, оружие и пр. занимают небольшую комнату, а также помещены в отдельных витринах посреди зал»¹³. Собрание музея было составлено, главным образом, «из пожертвований лиц (Селиверстов, создатель художественного училища, пожертвовал весь иностранный отдел, 141 картину, Боголюбов 20 картин и др.), обществ (Товарищество передвижных выставок, общество им. Куинджи, Московский кооператив), казенных учреждений (Академия художеств, отдел по охране памятников искусства и старины), а также и из средств, ежегодно отпускаемых (до 1918 г.) художественным училищем, и в 1921 г. на средства, от-

---

¹⁰ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 1. Д.3281. Л.331.

¹¹ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 1. Д.3281. Л.340об.

¹² ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.289. Л.13.

¹³ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.1120. Л.60.

пущенные из Центра...»¹⁴. Согласно отчету за 1923 год, музей работал бесплатно. Его посетило 12087 человек. Сотрудники провели 41 экскурсию¹⁵. В 1938 году Пензенская картинная галерея пополнила свое собрание. Комитет по делам искусств при СНК СССР распределил между крупнейшими музеями страны различные произведения искусства, приобретенные Государственной закупочной комиссией. В результате, собрание Пензенской картинной галереи пополнилось 30 полотнами выдающихся мастеров живописи. Это были «Портрет Философовой» работы Серова, три этюда маслом – В. Маковского, «Вах» – Флавицкого, «Натурщица» – Кустодиева, «Портрет Худякова», «Женская головка» – К. Маковского. Из произведений фламандской школы поступают две работы неизвестного художника XVII в. «Аполлон, Венера, Вах и Амур», оцененная в 2500 руб., и натюрморт «Фрукты», а также шесть картин работы представителей других западноевропейских школ: итальянской, голландской, генуэзской»¹⁶.

Открывались новые клубы и дома культуры. Например, рабочий клуб в кинотеатре «Олимп», Дворец труда, Народные дома в селах Рамзай, Новые Черкасы, Архангельское и др. В 1926 году на территории губернии функционировало около 50 клубных учреждений. В 1934 году в Пензе было построено здание Дома культуры велозавода. Особенно сильно увеличилось количество клубных учреждений в тридцатые годы: с 287 в 1927 г. до 1224 в 1940 г.¹⁷ К 1940 г. в Пензенской области насчитывалось также 11 музеев, 217 киноустановок¹⁸. В 1939 году был открыт музей-усадьба М.Ю. Лермонтова.

Увеличилась и сеть библиотек. В 1920 году в Пензе было 6 библиотек для взрослых. «Лучшей библиотекой считается библиотека им. Белинского, она содержит 15000 книг, имеет 1700 подписчиков; служащих 10 человек, из них половина с высшим образованием»¹⁹. Районных библиотек для подростков и молодежи было 4, а для детей действовало 10 библиотек, хотя предполагалось 17²⁰. «В библиотеках ведутся чтения, беседы, иллюстрированные рассказы, устраиваются вечера, выставки, при одной библиотеке имеется сад, летом бывают экскурсии. Библиотеки нуждаются в помещениях, некоторые – в неотложном ремонте»²¹. В 1921 году, согласно отчету детского отделения Пензенской центральной губернской библиотеки, количество ее читателей колебалось около 2000, «т.к. периодически приходится закрывать запись читателей ввиду невозможности удовлетво-

¹⁴ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.1120. Л.60 - 61.

¹⁵ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.1120. Л.61.

¹⁶ Рабочая Пенза. 1938. 16 сентября.

¹⁷ Пензенская область в цифрах и фактах. Приволжское кн. изд-во, 1977. С.126.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАПО. Ф. р-429. Оп. 1. Д.19. Л.64.

²⁰ Там же.Л.64.

²¹ Там же. Л.65.

ритель книгами всех желающих записаться...»²². В читальне «велось рассказывание детям сказок и рассказов из реальной жизни. Всего было проведено 25 рассказываний. Выбор произведений преследовал педагогические цели: развитие гуманистического мировоззрения и развитие эстетического чувства. Вальтер Скотт и Диккенс рассказывались для популяризации их среди читателей, т.к. дети мало берут эти старинные ценные книги; кроме того, они имеются в библиотеке в плохом старом издании. Рассказывание Диккенса было приурочено к юбилею писателя»²³. Кроме того, в библиотеке ставились спектакли, устраивались экскурсии и выставки. Свою задачу работники библиотеки видели в том, чтобы «отвлечь детей от улицы и дать им здоровые идеалы трудовой общественной жизни...»²⁴.

Центральная губернская библиотека организовывала передвижки. Например, за период с 1 июля 1924 по 1 января 1925 г. она организовала 67 передвижек, из которых 40 % направлялось в деревню²⁵.

В 1925 году насчитывалось 45 библиотек различных категорий и видов в Пензе, 13 – в уездных центрах и 147 – в волостях. В 1928–1929 годах в Средневолжском крае действовало 770 изб-читален, 143 рабочих клуба, 262 библиотеки, 73 киноустановки²⁶. Число массовых библиотек только на территории Пензенской области возросло с 212 в 1927 г. до 831 в 1940 г.²⁷.

Предпринимались определенные шаги и по благоустройству города, созданию мест досуга и отдыха. В 1932 году, 18 августа в Пензе открылся новый летний цирк «Красногвардеец». Здание цирка было построено в течение 18 дней, благодаря участию в работе членов местного Общества бывших красногвардейцев и партизан²⁸.

В 1934 году был открыт дом культуры завода им. Фрунзе. Начало его строительства пришлось на 1931 год. Возведение этого здания обошлось примерно в 2 млн руб. Корреспондент «Рабочей Пензы», называя его дворцом, писал, что завод направил в Москву «специальную бригаду, которая ознакомится с работой лучших московских клубов и произведет закупку зеркал, картин, статуй, ковров, занавеса для сцены...»²⁹. 2 декабря 1934 года на общем собрании завода им. М.В. Фрунзе было принято решение о присвоении дому культуры имени С.М. Кирова³⁰.

---

²² ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.290. Л.51.

²³ Там же. Л.52.

²⁴ Там же. Л.55.

²⁵ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.1315. Л.47.

²⁶ Куйбышевская область: Историко-экономический очерк. Куйбышев: Кн. Изд-во, 1983. С.135–136, 138.

²⁷ Пензенская область в цифрах и фактах. Приволжское кн. изд-во, 1977. С.125.

²⁸ Рабочая Пенза. 1932. 22 августа.

²⁹ Рабочая Пенза. 1934. 29 октября.

³⁰ ГАПО. Ф.440. Оп.1. Д.204. Л.129.

В 1936 году был создан сквер на улице Московской, напротив драмтеатра³¹.

Немало внимания уделялось и повышению уровня бытовой культуры. Правда, осуществлялось это, как правило, административными мерами. Согласно докладу начальника Пензенского городского совета, милиция следит не только за санитарным содержанием дворов, но и театров³². В 1920 году Пензенский городской совет издал постановление в котором говорилось следующее: «В целях искоренения творимых безобразий в театрах, кинотеатрах и других увеселительных местах как-то: хулиганство, курение табаку в неуказанном месте, грызение зерен, бросание окурков на пол и других проступков, связанных с нарушением общественной тишины и порядка, а также с антисанитарным содержанием общественных мест, отдел Управления горсовета доводит до сведения всех граждан города Пензы, что со дня опубликования настоящего обязательного постановления всякие проступки, влекущие за собой нарушение тишины и порядка, и антисанитарное состояние общественных мест будут пресекаться самыми строгими мерами. Виновные в неисполнении сего обязательного постановления подвергаются аресту на один месяц или штрафу в 3000 рублей»³³.

В 1929 году газета «Трудовая правда» были опубликованы правила для граждан, посещающих общественные парки, скверы и бульвары. Гражданам запрещалось, в числе прочего, «производить всякое засорение дорожек, газонов, клумб и цветников (семечками, орехами, объедками и т.д.); появляться в нетрезвом виде и т.д.»³⁴. Виновные должны были быть привлечены к административной ответственности.

Много делалось для развития народного образования, особенно в связи с тем, что одной из основных задач культурной революции являлась борьба с неграмотностью. Даже в трудном 1919 году планировалось открыть 144 новые школы. Были открыты также народный университет, краткосрочные педагогические курсы (1918), институт народного образования. Пензенский народный университет был открыт в ноябре 1917 года по инициативе Б.В. Иссинского, Н.В. Севостьянова и С.В. Иссинской³⁵. В июле 1918 года при университете открылись краткосрочные курсы, организованные на средства Пензенской уездной коллегии народного образования, отпустившей на это 1000 руб. Курсы привлекли около 160 слушателей. При курсах были организованы выставка детской литературы, показатель-

---

³¹ Факты. События. Свершения: К 325-летию города Пензы/Авт.-сост. Т.М. Артемова, В.С. Годин, В.А. Озерская, С.Л. Шишлов. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1988. С.109

³² ГАПО. Ф.р-453. Оп. 1. Д.75. Л.98.

³³ Там же. Л.9.

³⁴ ГАПО. Ф.р-453. Оп. 1. Д.464. Л.61.

³⁵ Культурное строительство в Пензенском крае. 1917–1938 гг.: Документы и материалы. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. С. 15.

ная школа и педагогическая библиотека-читальня³⁶. В 1920 году сердобская газета «Серп и молот» сообщила об открытии народных университетов в г. Сердобске и с. Бекове³⁷.

В первые годы советской власти были учреждены школы взрослых для рабочих, крестьян и красноармейцев. К 1925 году в крае действовало около 1500 школ различного типа, которые охватывали примерно 120 тыс. учащихся. При этом были открыты также 120 татарских и 120 мордовских учебных заведений. Уже в годы первой пятилетки в Средневолжском крае количество учебных заведений выросло до 17 вузов и втузов, в которых обучалось 7 тыс. студентов, насчитывалось 142 техникума с 43 тыс. учащихся³⁸. Только на территории Пензенской области, образованной в 1939 году, число общеобразовательных школ всех видов увеличилось с 1635 в 1914/15 гг. до 1856 к концу рассматриваемого периода 1940/41 гг., а численность учащихся возросла с 128,8 тыс. до 301,1 тыс. человек³⁹. К 1940 году в Пензе было 2 высших учебных заведения. Число средних специальных учебных заведений увеличилось с 3 в 1914/15 гг. до 24 в 1940/41 гг., а число учащихся возросло соответственно с 0,6 тыс. человек до 7,9 тыс.⁴⁰.

На базе учительской семинарии, основанной еще в конце XIX века, в 1916 году был открыт учительский институт, преобразованный в 1919 году в Пензенский институт народного образования, а в 1921 году – в Пензенский практический институт народного образования. Согласно уставу Пензенского института народного образования за 1921 год институт имел следующие отделы: «1) дошкольный – для подготовки работников по дошкольному воспитанию, 2) отдел для подготовки работников I ступени единой школы, 3) отдел подготовки работников II ступени единой школы, 4) внешкольный – для подготовки работников по внешкольному просвещению...»⁴¹. «При Пензенском институте народного образования имеются опытно-показательная школа I и II ступени, педологический институт, библиотека, химико-минералогическая лаборатория, кабинеты и лаборатории, учебные мастерские...»⁴². В 1921 году институт получил свое здание, бывшую 1-ю мужскую гимназию. В 1923 году на его основе был создан Педагогический техникум им. Карла Маркса, а в 1936 году – Педагогическое училище. Оно было реорганизовано в 1939 году в учительский институт. В Педагогическом техникуме было три секции: русская, мордовская и татарская. С 1927 года мордовская секция была переведена в Саранск, а та-

---

³⁶ Культурное строительство в Пензенском крае. 1917 – 1938 гг.: Документы и материалы. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. С. 17.

³⁷ Серп и молот. 1920. 19 декабря.

³⁸ Коммунист. 1932. №1-2. С.19-22.

³⁹ Пензенская область в цифрах и фактах. Приволжское кн. изд-во, 1977. С.124.

⁴⁰ Там же. С.124–125.

⁴¹ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.372. Л.16.

⁴² Там же. Л.16.

тарская – с начала в Кузнецк, а затем в Ульяновск. Количество учащихся возросло с 226 в 1928 году, до 540 в 1937-1938 годах⁴³.

В 1922 году в Пензе был организован рабфак. Он был вечерним и рассчитан на 180 мест⁴⁴.

При всех положительных моментах нельзя не отметить, что сфера культуры, и прежде всего образования и просвещения была предельно идеологизирована и немалое место в работе учреждений культуры и образования отводилось пропаганде.

Задача, стоящая перед учреждениями культуры, заключалась не только в том, чтобы «нести культуру в массы», активно занимаясь просветительской деятельностью и организацией досуга населения. Первостепенное значение приобретает проводившаяся ими идеологическая работа. В «социалистическом строительстве» культура была не просто «высшей задачей строительства», но и «основным его средством»⁴⁵. Призывы «усилить борьбу за качество культурной работы», одновременно сопровождались требованиями усилить «бдительность на идеологическом фронте, давая отпор классовым врагам, так как социалистическое наступление трудящихся сопровождается классовой борьбой не только в области политики, но и в области идеологии»⁴⁶.

Отдавая приоритет в своей работе политическому воспитанию, учреждения культуры, по сути, превращались в центры политической агитации и пропаганды. В 1925 году в отчете Политпросвета Пензенского губернского отдела народного образования говорилось, что «политпросветительская работа на должной высоте стоит лишь в Центральной губернской библиотеке. Все революционные события, литературные юбилеи и кампании отмечались книжными выставками с соответствующим подбором книг. Изготавливались рекомендательные списки книг, плакаты, альбомы газетных вырезок, альбомы писателей и т.п. Словом, широко применялась пропаганда книги. Работа с читателями выражалась в проведении громких чтений и бесед и в работе кружков – литературного, переплетного и друзей книги... В уездных библиотеках 50 процентов библиотекарей ведут ту же политико-просветительскую работу, что и в Центральной губернской библиотеке...»⁴⁷.

Клубы, избы-читальни рассматривались, прежде всего, как «государственные политико-просветительские учреждения»⁴⁸, центры «массово-политической и воспитательной работы»⁴⁹. Как правило, в них обязательно

---

⁴³ ГАПО. Ф. р-926. Оп.1. Д.3ж.

⁴⁴ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.554. Л.1, 6.

⁴⁵ Волжская коммуна. 1936. 15 января.

⁴⁶ ГАПО. Ф. р-429. Оп.1. Д.184. Л.74об.-75.

⁴⁷ ГАПО. Ф. р-253. Оп.1. Д.1315. Л.47 – 49об.

⁴⁸ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.117. Л.11.

⁴⁹ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.94. Л.4.

действовали политкружки и антирелигиозные кружки⁵⁰. Даже строившийся в Пензе в 1934 году парк культуры и отдыха должен был по окончании строительства превратиться в такое место, где «можно было бы сочетать широкую политическо-воспитательную работу с культурным отдыхом трудящихся»⁵¹.

В библиотеках в обязательном порядке проводились беседы и читки. Исключением не стали и детские библиотеки и читальни. Там тоже «ежедневно проводятся громкие читки, беседы в связи с проводимыми хозяйственно-политическими кампаниями, революционными праздниками и событиями международной жизни»⁵². Согласно отчету о работе Центральной городской библиотеки за период с января по июнь 1933 года «в подшефных детдомах проведено 16 громких читок. В антирелигиозном музее проведено 80 громких читок»⁵³. В 1935 году согласно распоряжению крайкома ВКП(б) следовало «установить для каждой избы-читальни следующий обязательный минимум работы за зимний период: не реже одного раза в пятидневку проводить коллективные читки газет и книг, прочитав за зиму с колхозниками не менее трех художественных и политических книг»⁵⁴.

В связи с этим культмассовые и культурно-просветительские учреждения обязательно проверялись «с точки зрения укрепления политического влияния» в их работе⁵⁵, ведь «было бы преступлением перед революцией считать, что раз мы победили, можно больше не агитировать за партию, за коммунизм»⁵⁶. Отсутствие культмассовых учреждений, особенно в селах, по мнению властей, содействовало распространению антисоветских настроений, особенно среди молодежи. Например, в селах Ленино и Старая Каменка, где нет «ни клуба, ни красного уголка... молодежь ходит с гармошкой по улицам, по посиделкам, распевая хулиганские похабные песни»⁵⁷.

Тем не менее, приходилось констатировать и тот факт, что «партийные комитеты и парторги, особенно в сельской местности, за редким исключением недооценивают работу клубов и мирятся с развалом культработы. Комсомольские организации, в подавляющем большинстве, совсем не помогают клубам. Не уделяют должного внимания культработе и профорганизации»⁵⁸. В плачевном состоянии находились и некоторые сельские библиотеки. Например, в 1933 г. Пензенский облсовет в одном из циркулярных писем приводил следующие данные: «Сельские организации оппорту-

---

⁵⁰ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93. Л.162.

⁵¹ Рабочая Пенза. 1934. 7 апреля.

⁵² ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.33-37.

⁵³ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.33-37.

⁵⁴ Волжская коммуна. 1935. 17 января.

⁵⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.9.

⁵⁶ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.477. Л.22.

⁵⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.965. Л.30-33.

⁵⁸ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93. Л.124.

нистически относятся к этому мероприятию (культпоходу – Н.М.) и допускают доведение библиотек до безобразия: книги свалены в кучу в беспорядке, без всякого учета, расхищаются (Терновка, Лебедевка и др.)»⁵⁹. Исправить положение должны были следующие меры, предложенные облсоветом: «Всю имеющуюся литературу в колхозах разобрать по отделам и установить в должном порядке в запираемом шкафу, составить инвентарную опись и сдать по акту избачу или другому ответственному лицу. В случае отсутствия избача сдать или заведующему клубом или заведующей школой. Литературу старых годов издания (до 1923 г.), вызывающую сомнения с точки зрения идеологической выдержанности, отложить отдельно, воздерживаясь от выдачи ее для чтения – впредь до проверки ее с точки зрения идеологической выдержанности... Организовать красные уголки с газетами и библиотеками в бригадах»⁶⁰.

В 1923 году в отчете Пензенского губкома РКП(б) говорилось: «В количественном отношении клубов стало больше, но качественное поднятие работы подвигается медленно. Так, по г. Пензе работает около 30 клубов, но они работают с перебоями. По постановке своей работы они представляют из себя тип обыкновенных клубов. В клубах развивается кружковая работа. В уездных городах работают профессионально-партийные клубы, общее количество их 14. За исключением пензенского партклуба, уездные клубы работают слабо. Причина – отсутствие материальной базы и работников. В сельских клубах работа еще более слабая»⁶¹. Подготовка сотрудников была либо слабой, либо вовсе отсутствовала. Например, согласно отчету Политпросвета Пензенского губернского отдела народного образования за период с 1 июля 1924 по 1 января 1925 года, «подготовка библиотечных работников города происходит через прохождение в течение трех месяцев практикума в Центральной губернской библиотеке под руководством опытных и квалифицированных библиотекарей. Подготовка библиотечных работников в уездах не практикуется»⁶².

Нередко работники культмассовых учреждений обвинялись в том, что не уделяют достаточного внимания просветительской работе, ограничиваясь по большей части танцами и киносеансами⁶³. По мнению властей, то обстоятельство, что «значительное место в массовой работе клубов занимает кино и постановки, связанные с коммерческими расчетами», приводило к тому, что в их работе наблюдался «отрыв от производственной жизни, от бытовых вопросов рабочих»⁶⁴. А главное, что «антирелигиозной

---

⁵⁹ ГАПО. Ф.823. Оп.1. Д.2. Л.4 - 5.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.622. Л.38-38об., 39 – 39об..

⁶² ГАПО. Ф.р-253. Оп.1. Д.1315. Л.44.

⁶³ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93. Л.6, 98, 109, 122, 124.

⁶⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.89.

пропаганде, добровольным обществам, борьбе с алкоголем, с антисемитизмом, не уделяется почти никакого внимания»⁶⁵.

Одним из основных направлений в работе культурно-просветительских учреждений была «борьба с прошлым». Люди в 1920-1930-е годы считали, что они создают историю, новую историю, которая начинается только с них. По словам Д. Бедного, «сейчас в нашей истории наступил богатырский период» и «мы идем от победы к победе, идем к роскошной культурной жизни»⁶⁶. И несмотря на то, что коммунизм еще не построен, жизнь уже «изменилась до неузнаваемости»⁶⁷.

Отсюда, от этого размежевания с прошлым, от этого разрыва в исторической традиции шло негативное или равнодушное отношение к старине. Это было обусловлено футуринаправленностью советской идеологии и присущим ей радикальным размежеванием с прошлым. К тому же, именно «выходцы из прошлого» составляли основной массив врагов. Поэтому, следовало создать соответствующий образ, представление об историческом прошлом, о периоде до 1917 г.

Исполнение этой задачи, прежде всего, возлагалось на музеи, которые стали частью идеологического механизма по обработке массового сознания. Экспозиции музеев должны были выполнять пропагандистские функции, отсюда тенденциозность в отборе и подаче материала. Период до 1917 г. должен был восприниматься как своего рода «ад», как «темное прошлое», в которое страну пытаются вернуть враги. Считалось особенно необходимым создать негативный образ прошлого в глазах молодежи, для того чтобы она могла «лучше оценить настоящее, чтобы еще яснее представляла себе все величие заслуг и подвигов большевистской партии»⁶⁸. Именно поэтому, «наша молодежь, знающая только по книгам и рассказам, чем ей угрожала костлявая рука палачей самодержавия, должна знакомиться с прошлым»⁶⁹.

Музейные экспозиции были политизированы, построены на противопоставлении прошлого, взятого в негативном ключе, и настоящего, представленного исключительно с положительной стороны. «Нужно, чтобы молодое поколение советской деревни знало, что представляла собой старая деревня с церковью на самом видном месте, с лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с полуразваленными избами крестьян. А рядом покажите новую колхозную с ее знатными людьми, ... с общественными постройками, клубами, радио, кино, школами, библиотеками, яс-

---

⁶⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.89.

⁶⁶ Волжская коммуна. 1935. 14 февраля.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Комсомольская правда. 1938. 5 августа.

⁶⁹ Там же.

лями, тракторами, комбайнами, автомобилями», – давала инструкции по поводу организации экспозиций газета⁷⁰.

Однако, с наследием прошлого боролись не только музеи. Своеобразную форму эта борьба принимает в работе библиотек. Они своей работой тоже должны были не только «удовлетворять запросы трудящихся книгой», но и «воспитывать массы в духе коммунизма»⁷¹. Освобождение от негативного влияния прошлого осуществлялось путем чисток книжных фондов от идеологически невыдержанных и устаревших книг⁷². В первую очередь изъятию подлежала литература «старых годов издания...»⁷³. Библиотекам следовало «продвигать марксистско-ленинскую и сталинскую литературу», а также «своевременно закупать литературу о решениях партии и правительства»⁷⁴. В 1931 году центральная библиотека Пензы произвела чистку книг. «В результате чистки выделено рабочее и нерабочее ядро библиотеки. Из нерабочего ядра книги выдаются более подготовленному читателю: рабочему активу, партийному советскому профактиву, педагогам, врачам, агрономам»⁷⁵. В статье, посвященной работе библиотек, сообщается, что «положение на книжном фронте тревожное», а книги именуются не иначе как «могучее оружие культурной революции»⁷⁶.

Драмкружкам при клубах следовало внимательнее отнестись к «протаскиванию на сцену идеологически устаревшего, а порой и чуждого репертуара», «изгнать аполитичность и любительщину»⁷⁷. В начале 1920-х годов к репертуару еще не предъявлялись столь жесткие требования. Согласно докладу временного заведующего Пензенским театром им. А.В. Луначарского губисполкому в репертуаре театра было много пьес мировой и отечественной классики. В театре ставили А.Н. Островского, Б.Шоу, В. Гюго, Шиллера, Гамсуна, Ибсена, Шекспира, Софокла, Фонвизина, Грибоедова и многих других⁷⁸.

Избирательное, потребительское отношение к собственному историческому и культурному наследию, к которому подходили исключительно с утилитарных позиций, в конечном итоге воспитывает в обществе лишь цинизм и безразличие. В результате такого отношения многое из культурного наследия было безвозвратно утеряно⁷⁹.

Нельзя не отметить тот факт, что в этот период, появлялись не только самодеятельные драмкружки, но открывались и новые театры. В частно-

---

⁷⁰ Сталинское знамя. 1939. 12 сентября.

⁷¹ ГАПО. Ф.1589. Оп.1. Д.2. Л.48.

⁷² ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.33.

⁷³ ГАПО. Ф. р-823. Оп.1 д.2. Л.7.

⁷⁴ ГАПО. Ф.1589. Оп.1. Д.2. Л.48.

⁷⁵ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.33.

⁷⁶ Средневожский комсомолец. 1933. 11 декабря.

⁷⁷ Рабочая Пенза. 1933. 8 января.

⁷⁸ ГАПО. Ф. р-253. Оп. 1. Д.290. Л.6 - 8.

⁷⁹ Волжская коммуна. 1936. 5 июня.

сти, в 1930-е годы начинают открываться, так называемые, колхозно-совхозные театры. В РСФСР в течение 1934 года открылось около 60 подобных театров⁸⁰. Например, в 1934 году Малый театр открыл в Земетчино свой колхозно-совхозный филиал. Открытие театра было обставлено торжественно. На него «прибыли в Земетчино ответственные работники области во главе с секретарем областного комитета партии т. Варейкисом, из Москвы – ряд делегаций от литературно-художественных организаций и представители большинства центральных газет и журналов, начальник управления театрами Наркомпроса т. Аркадьев, из соседних районов – делегации колхозников, лучшие ударники, ответственные работники партийных, профессиональных и советских организаций, политотделов совхозов и МТС»⁸¹. Празднование растянулось на три дня.

Журнал «Колхозный театр» писал по поводу открытия в селе Земетчино колхозно-совхозного филиала Малого театра: «Малый театр организовал свой филиал в Земетчино солидно и основательно. В отличие от многих других колхозно-совхозных театров, комплектующих свои кадры из второстепенных, набранных из разных мест актеров, коллектив был составлен из основных актеров Малого театра. Коллектив возглавляет в качестве художественного руководителя один из основных режиссеров Малого театра, заслуженный деятель искусства И.С. Платон. В спектаклях Земетчинского филиала будут принимать участие народные и заслуженные артисты республики. Некоторые новые пьесы будут идти здесь впервые. Сам репертуар Земетчинского филиала ничем не отличается от репертуара московского театра, и спектакли здесь идут так же, как и на московской сцене. Колхозно-совхозный филиал Малого театра действительно предстает перед колхозным зрителем как часть знаменитого московского театра, без того снижения качества, какое мы еще наблюдаем кое-где в театрах, приспособляющихся к деревенским условиям»⁸².

Автор статьи, посвященной земетченскому филиалу писал, что «Малый театр должен сохранить за собой первенство и в смысле содержания, и эффективности своей массовой работы. используя свои спектакли как поводы для плодотворных обсуждений, расширяющих политический и культурный горизонт колхозника, используя свое пребывание для содействия фундаментальному культурному строительству в районе, перестраивающему сознание колхозных масс, Малый театр выполнит взятое на себя историческое обязательство и в свою вековую историю внесет новую, славную страницу»⁸³.

---

⁸⁰ Валерин С. Почин старейшего театра // Колхозный театр. 1934. №7. С.42.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 46.

⁸³ Там же. С. 46.

Филиал работал в полную силу, в репертуаре были «Ревизор», «На бойком месте», «Егор Булычев», «Бедность не порок». За полтора года было дано 115 спектаклей на постоянной площадке, и еще 60 – в колхозных и совхозных клубах.

На базе этого филиала создавались и кружки художественной самодеятельности, которыми руководили актеры филиала. Однако, филиал просуществовал недолго. В 1937 году случился пожар, в результате которого сгорело общежитие актеров и весь реквизит, после чего Малый театр закрыл земетченский филиал.

Следующим направлением в культурно-просветительской работе было ведение «классовой борьбы на культурном фронте». Оно подразумевало, прежде всего, политическое просвещение, в рамках которого проводились собрания и митинги «с постановкой политических докладов, а также докладов по наиболее волнующим рабочим вопросам»⁸⁴. Массовая разъяснительная работа должна была предотвратить «проникновение кулацкой агитации и муссирования контрреволюционных слухов среди рабочих»⁸⁵. Культурно-просветительская работа должна была быть нацелена «на повышение классовой бдительности пролетариата /борьбу со шпионажем, вредительством и т.д./»⁸⁶. В целях содействия политпросвещению работали и кружки по изучению истории партии. В ходе занятий члены кружков обязательно должны были твердо усвоить, что «марксизм-ленинизм вырос, окреп и победил, прежде всего, в борьбе с меньшевиками и эсерами»⁸⁷. Крайне важным было изучение «послеоктябрьского периода истории партии». Согласно постановлению Куйбышевского Краевого Комитета ВКП(б) от 11 августа 1935 года, серьезным недостатком в работе кружков было то, что «в ряде случаев изучение вопросов истории партии этого периода не увязывается с фактами классовой борьбы в различных ее формах на современном этапе социалистического строительства...». В результате этого, «слушатели слабо ориентируются в существующей связи современных оппортунистических течений и контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы с теми группами и течениями, борьбу с которыми партия вела на предшествующих этапах своего развития»⁸⁸.

Культурно-просветительские учреждения устраивали коллективные читки и доклады, призванные разъяснить суть политических процессов, проходивших в стране. Согласно распоряжению секретаря Крайкома Шубрикова, в связи с началом процесса по делу Промышленной партии, необходимо было немедленно провести «разъяснительную работу» среди широких трудящихся масс. Кроме того, в первый день процесса следовало ор-

---

⁸⁴ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.266. Л.57.

⁸⁵ ГАПО. Ф.37, оп.1. Д.266, л.71.

⁸⁶ СОГАСПИ. Ф.9388. Оп.14. Д.27. Л.182.

⁸⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.424. Л.43.

⁸⁸ Там же.

ганизовать демонстрации. Возложив при этом руководство ими на представителей парткомов. Основными лозунгами должны были стать: «На вылазки классовых врагов, иностранных интервентов, белой эмиграции, вредительства кулаков, ответим беспощадной расправой с агентами военных интервентов, развернем наступление социализма по всему фронту нашего хозяйственного строительства»⁸⁹.

В 1937 г. Терновский с/совет отчитался о проведении трех чток по троцкистско-зиновьевскому блоку⁹⁰. По разъяснению этого процесса в с.М. Валяевка проводились читки-беседы⁹¹, а в Кривозерье был прочитан доклад на тему «Изменники нашей страны»⁹². В с. Николаевка, наоборот, вовремя не было проведено в избе-читальне «разъяснение о троцкистском контрреволюционном центре»⁹³. В 1938 году ЦК ВЛКСМ рекомендовал проводить в избах-читальнях и парках силами комсомольского актива беседы на следующие темы: «О методах и приемах шпионско-диверсионной работы иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры», «Значение советской разведки в борьбе с врагами народа»⁹⁴.

Культурно-просветительские учреждения широко использовали в своей работе показательные-наглядные методы: общественные суды, инсценировки, карнавалы и т.п.⁹⁵ На некоторых из них случались и казусы. Например, на одном из бал-маскарадов, состоявшихся в Пензенском городском театре 24 октября 1935 года, отмечен «проступок» члена ВКП(б) слесаря завода им. М. Фрунзе К.И. Романова, который носил «ярко выраженный контрреволюционный характер»⁹⁶. Контрреволюционность состояла в том, что он изображал колхозника и при этом имел вид «растерзанный и угнетающий»⁹⁷. Его костюм состоял из старых лаптей, старых онуч, старых холщовых штанов и такой же рубахи, подпоясанной пояском, на котором луковица и половинка моркови. При этом на вопрос о значении луковицы и моркови на его костюме, Романов заявил, что это означает то, что осталось у колхозника после госпоставок»⁹⁸.

В рамках подготовки празднования дня Октябрьской революции музеи готовили выставки, не только «отражающие ход Октябрьской революции», но и освещающие ход «классовой борьбы» в данной местности за годы,

---

⁸⁹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.244. Л.84.

⁹⁰ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.248. Л.18.

⁹¹ Там же. Л.15об.

⁹² Там же. Л.21об.-22.

⁹³ Там же. Л.3об.

⁹⁴ Комсомольская правда. 1938. 12 августа.

⁹⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.90.

⁹⁶ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.439. Л.44.

⁹⁷ Там же. Л.44об.

⁹⁸ Там же. Л.45.

прошедшие с момента революции»⁹⁹. Проведение праздника 1 Мая также тщательно организовывалось с учетом задач текущей политики, как внутренней, так и внешней. Например, во второй половине 1920-х годов общество опять находилось в ожидании войны, в ожидании неминуемого нападения на страну капиталистических держав. Эти тревожные настроения подпитывались официальной пропагандой. Журнал «Большевик» писал по этому поводу: «Многое говорит за то, что «передышка», которую Советские республики получили с конца 1920-х годов, когда был разбит последний ставленник контрреволюции – генерал Врангель и была закончена русско-польская война, – что эта «передышка» близка к концу и что рабочему классу Советского Союза предстоит новый период тяжелых испытаний»¹⁰⁰. «В центр международных событий», – говорилось далее, – «вновь ставятся планы создания единого фронта капиталистических стран и нового крестового похода на СССР»¹⁰¹. В 1928 году согласно плану проведения праздника 1 Мая, следовало в рамках его подготовки осветить международное положение, в том числе рост «ненависти международной буржуазии, особенно Англии к Советскому Союзу», а также в связи с этим усилить и внимание к делу военной обороны и укрепления связи с Красной Армией»¹⁰².

В 1928 году для организации проведения праздника создавались специальные комиссии. В состав комиссий входили представители парткома, профсоюза, комсомола, рабочих и крестьян. Комиссии должны были, в том числе, заниматься «внедрением проведения праздника 1 Мая в быт рабочих и крестьян»¹⁰³. В рамках разъяснительной работы следовало: «а) не позднее 20 организовать выставки литературы, отвечающей задачам 1 мая 1928 года; б) выпустить стенную газету с библиографическим материалом к 1 Мая; в) организовать два художественных вечера для коллективного чтения художественной литературы; г) проверить домашнюю подготовку читателей в проведении праздника 1 Мая»¹⁰⁴. Избы-читальни должны были провести не менее трех бесед на темы: «История праздника 1 Мая и наши задачи» и «Праздники поповские и пролетарские». И, самое главное, необходимо создать среди населения «настроение ожидания большого праздника»¹⁰⁵.

Советские праздники подчеркивали и мессианскую роль, которую был призван сыграть Советский Союз. Праздникам придавалось международное значение. В частности, праздник 1 Мая провозглашался «боевым смот-

---

⁹⁹ ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.77. Л.5.

¹⁰⁰ Большевик. 1925. №15. С.3.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.1671. Л.130.

¹⁰³ Там же. Л.130 - 134.

¹⁰⁴ Там же. 130 - 134.

¹⁰⁵ Там же. Л.130 - 134.

ром революционных сил международного пролетариата»¹⁰⁶. В рамках подготовки к празднику специально проводимые беседы, должны были осветить роль 1 Мая в капиталистических странах¹⁰⁷. Международному значению праздников не зря придавалось такое большое значение. Это в очередной раз должно было подчеркнуть «избранность» страны, первой вступившей на путь «строительства коммунизма», и поддержку ее если не всем человечеством, то, по крайней мере, лучшей его частью, ведь «СССР – Отечество мирового пролетариата»¹⁰⁸.

В период проведения выборов клубы, избы-читальни, красные уголки являлись «подлинными очагами и центрами массово-политической и культурной работы»¹⁰⁹. При этом редакции районных газет должны были «оживить клубную работу, поднять ее до уровня великих задач строительства коммунизма в нашей стране»¹¹⁰.

В рассматриваемый период широко практиковались массовые мероприятия: культпоходы в театр, на просмотр кинофильмов, массовые прогулки и т.д.¹¹¹

Работа культурно-просветительских учреждений вызывала массу нареканий (см. материалы газеты «Сталинский клич» за 1938 г.). Особенно это касалось клубов и изб-читален, расположенных в сельской местности¹¹².

Резкой критике подвергалось как поведение, так и работа «культурников», зав. клубов, местных комсомольцев¹¹³. Очень часто они обвинялись в бездействии и пренебрежительном отношении к работе¹¹⁴.

Все это, а также однообразие форм работы¹¹⁵ и излишняя политизация, которая касалась даже развлечений, приводили к тому, что посещаемость неуклонно падала, а иногда и совсем прекращалась¹¹⁶. Прямым результатом плохой работы культмассовых учреждений считались «уличные «развлечения» молодежи, азартные игры, пьянство, хулиганство»¹¹⁷. В селах молодежь устремлялась в так называемые «кельи», где и проводила досуг¹¹⁸, а в селе Мачи в 3-х верстах от г. Чембара поп Осокин «отвоевал от избы-читальни всю молодежь и вызывает на диспут всех партийцев»¹¹⁹. «Кельи» власть всячески стремилась искоренить, считая, что они «исполь-

¹⁰⁶ Большевик. 1935. №8. С.6.

¹⁰⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.174.

¹⁰⁸ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.301. Л.180.

¹⁰⁹ Сталинское знамя. 1939. 10 августа.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Рабочая Пенза. 1936. 23 мая.

¹¹² ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93. Л.114; д.94. Л.16,29-30,31,37,40,41,45,49; д.95. Л.6-7,13, 18-19,23.

¹¹³ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93,л.117; Сталинский клич. 1938, 5 февраля, 15 августа, 20 августа, 11 сентября.

¹¹⁴ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д. 93. Л.105.

¹¹⁵ См.: ГАПО. Ф.р-1381,оп.1,д.93. Л.162.

¹¹⁶ Колхозный клич. 1939. 17 февраля.

¹¹⁷ Сталинский клич. 1938. 22 августа.

¹¹⁸ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.93. Л.6; 10, 26, 29, 124.

¹¹⁹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.35.

зовались кулаками в агитационных, идеологических целях»¹²⁰. В связи с этим неоднократно ставилась задача «добиться полной ликвидации келий на селе как являющихся очагом хулиганства, пьянства и разврата молодежи»¹²¹. Однако, в то же время приходилось признавать тот факт, что «ке-льи» в селе существуют потому, что ни сельсовет, ни правление колхоза не заботятся о культурно-массовой работе»¹²².

Плохая работа культурно-просветительских учреждений в Среднем Поволжье рассматривалась как результат целенаправленного вредительства. Оставлявшее желать лучшего, состояние клубов Николо-Пестровского района объяснялось тем, что «бывшие руководители района, ныне разоблаченные как враги народа, старались всячески затормозить культурный рост трудящихся»¹²³. Они добивались этого тем, что «ставили таких зав. клубов, которые умышленно старались сорвать культурное обслуживание масс»¹²⁴. В 1928 г. отмечалось, что музеи оказались «засоренными контр-революционным элементом /в смысле рядовых работников и руководителей»¹²⁵. По мнению Федорова-Давыдова, в музеи «шли работать люди наиболее аполитичные, люди старого мировоззрения, не связанные и не хотевшие связывать себя ни с классовой борьбой, ни с боевыми задачами дня. Музеи, музейная работа были способом как бы ухода от жизни, выбором в революционной действительности менее всего революционного, наиболее старозаветного уголка»¹²⁶. Вследствие этого, «засорение» кадров было неизбежным. Работе Пензенского антирелигиозного музея в 1936-1937 гг. препятствовал «Куйбышевский крайсполком, который «по приказам орудовавших там врагов народа, совершенно снял музей с бюджета, предложив сдать экспонаты в краеведческий музей. И с 1 марта 1937 г. музей согласно горноно был сокращен как самостоятельная единица и штат уволен». Однако, уже в октябре 1937 г. «музей был восстановлен как самостоятельная единица»¹²⁷.

Состояние библиотек тоже не было удовлетворительным. Сказывалась и скудность библиотечных фондов, и то, что библиотеки часто размещались в помещениях, непригодных как для хранения книг, так и для обслуживания читателей¹²⁸. Причины всего этого усматривались в том, что в библиотеках активно действовали «книжные вредители», что «кадры библиотечных работников засорены чужаками, чиновниками, людьми, не

¹²⁰ Средне-Волжский комсомолец. 1935. 16 января.

¹²¹ ГАПО. Ф. р-1381. Оп.1. Д.93. Л.10.

¹²² Там же. Л.6.

¹²³ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.95. Л.53.

¹²⁴ Там же. Л.53.

¹²⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.47.

¹²⁶ Федоров-Давыдов Принципы строительства художественных музеев// Печать и революция. 1929. №4. С.65.

¹²⁷ ГАПО. Ф. р-1976. Оп.1. Д.7. Л.7-14.

¹²⁸ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.33.

понимающими и не желающими понимать требования нового читателя»¹²⁹. Газеты предупреждали о том, что «библиотека – это тоже фронт», что «классовый враг орудует книжными фондами»¹³⁰. Классовый враг «подобрался к обобществленной книге в ряде библиотек и открыто использует ее в своих вредительских целях»¹³¹. Враги «подсовывают контрреволюционную оппортунистическую книгу. Изымают из библиотек под видом политически вредной литературы произведения т. Ленина, Сталина, решения партсъездов, произведения Шолохова, Панферова и др.»¹³². Газета призвала партийную и комсомольскую организации обратить внимание на «обострившуюся классовую борьбу на культурном фронте»¹³³. В докладной записке секретарю Пензенского ГК ВКП(б) говорилось о неблагоприятном состоянии дел в Пензенской психолечебнице и, в частности, о состоянии ее библиотеки. Главный врач, Олейникова Зинаида Иосифовна обвинялась в том, что «прививала в психолечебнице и среди выздоравливающих книги религиозного содержания»¹³⁴. А заведующая библиотекой Евграфова «находилась под влиянием врача Олейниковой». Результатом их совместной «враждебной деятельности» стало то, «что больные день и ночь служили обедню, всенощную, молились на Олейникову и целовали ей руки»¹³⁵.

Особое место в работе культурно-просветительских учреждений отводилось антирелигиозной пропаганде. Н.А. Бердяев, анализируя коммунистическую идеологию, писал, что «коммунизм есть исповедание веры, веры, противоположной христианству»¹³⁶.

Советская власть видела в религии и церкви не просто символ уходящего прошлого, но и вполне реального врага, идеологического конкурента. Религия стала считаться одним из нежеланных «остатков прошлого» и в печати постоянно появлялись предостережения о том, что «под маской служителей религии – классовый враг»¹³⁷. Духовенство, верующие, религиозные организации и органы церковного управления зачислялись в разряд противников социализма, «ибо в своем составе имеют враждебный элемент: торговцев, бывших царских чиновников, полицейских, кулаков и т.д.»¹³⁸. Церковь считалась «единственной легальной действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы», которой предъявлялись обвинения в мобилизации реакционных и малосознатель-

¹²⁹ Средневожский комсомолец. 1933. 25 октября.

¹³⁰ Средневожский комсомолец. 1933. 11 декабря.

¹³¹ Средневожский комсомолец. 1933. 11 декабря.

¹³² Средневожский комсомолец. 1933. 12 декабря.

¹³³ Средневожский комсомолец. 1933. 11 декабря.

¹³⁴ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.965. Л.50.

¹³⁵ Там же. Л.50-55.

¹³⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.391.

¹³⁷ Трудовая правда. 1930. 11 января.

¹³⁸ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2378. Л.15.

ных элементов в целях «контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартии»¹³⁹.

Помимо того, что духовенство само объявляется врагом советской власти, оно обвиняется также и в поддержке «эксплуататорских классов», а также в проповеди повиновения этим классам.¹⁴⁰ Поэтому в 1930-е гг. борьба с религией и духовенством очень часто шла рука об руку с борьбой с другими классовыми врагами и, прежде всего, с кулачеством. В связи с этим, печать помещала призывы «увязать наступление на религию с ликвидацией кулачества как класса»¹⁴¹. Верующие также оказывались причисленными к этому враждебному лагерю, поскольку в церковь «шли те, кто не с нами, кто отмечен Октябрем в сторону»¹⁴².

Особое внимание уделялось антирелигиозной работе в деревне, поскольку жители деревень были более религиозны, нежели горожане. В 1929 году лектор антирелигиозник Гусынин писал в отчете о своей поездке в Лунинский район, что «новый быт в деревню не проник. Антирелигиозных работников в селах нет. Антирелигиозная литература в селах совершенно отсутствует. Духовенство распространяет молву о гонениях на церковь и служителей культа. Своими тлетворными стонами вызывает и сочувствие и поддержку со стороны отсталых и кулацких слоев деревни, которые не только хорошо платят за «требы», но и награждают попов землей по норме трудового крестьянства (например, с. Анучино)»¹⁴³. На территории Пензенского края помимо христианства широко распространен ислам. Его исповедует татарское население края.

В 1920–1930 гг. партия активно вступила «в борьбу с самым пожалуй в данный момент опасным для трудящихся всего мира врагом и прямым другом буржуазии и ее прихвостней – религиозным фетишем, верой невежд в ничто»¹⁴⁴.

При этом официальная пропаганда предпочитала широко афишировать свои успехи в деле борьбы с религией. Ведь одним из наиболее распространенных лозунгов был следующий: «Борьба с религией – борьба за социализм»¹⁴⁵. Следовательно, проиграть эту борьбу, означало потерпеть поражение в борьбе за социализм. Поэтому в печати сообщалось о многочисленных победах: «Союз воинствующих безбожников укреплял свои ряды «новыми сотнями и тысячами борцов с контрреволюционной сивухой»¹⁴⁶.

---

¹³⁹ Цит. по: Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917 – 1938). М.: Знание, 1991. С.33 – 34.

¹⁴⁰ Рабочая Пенза. 1937. 5 июня.

¹⁴¹ Трудовая правда. 1930. 11 января.

¹⁴² Трудовая правда. 1930. 8 января.

¹⁴³ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.29.

¹⁴⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2378. Л.44об.

¹⁴⁵ Трудовая правда. 1930. 5 января.

¹⁴⁶ Трудовая правда. 1930. 5 января.

Еще одним символом победы становятся закрытия церквей, что обязательно находило свое отражение в прессе. «Трудовая правда» писала о закрытии церкви: «Еще одна крепость мракобесия и обмана рухнула перед непреклонной волей рабочего и крестьянина», «Волей рабочих дом темноты будет превращен в дом культуры»¹⁴⁷. В 1931 году на президиуме Пензенского горсовета решался вопрос о закрытии сразу нескольких церквей города. Основанием послужило «ходатайство рабочих организаций велозавода, фабрики «Маяк революции», Московско-Казанской железной дороги, швейной, бисквитной фабрик, фабрики «Красный пролетарий», кирпичного завода, лесопильного завода, промсоюза, ЖАКТа (ЖАКТ – жилищно-арендные кооперативные товарищества), школ и техникумов о закрытии в г. Пензе Петропавловской, Рождественской, Преображенской, Покровской, Боголюбской и Мироносицкой (деревянной) церквей и синагоги и передачи [их] под культурно-общественные учреждения»¹⁴⁸. Было принято решение о закрытии всех перечисленных церквей, тем более, что «более ста тысяч населения города испытывает крайний недостаток в помещениях для культурного их обслуживания и для размещения значительного числа студентов, учащихся и рабочих, в связи с открытием и расширением ряда высших, средних учебных заведений и ФЗУ и большим ростом промышленности»¹⁴⁹. Тем не менее, можно найти достаточно примеров сопротивления населения закрытию церквей. Например, в 1929 году в Кузнецке конференция школьных работников приняла решение о закрытии собора и использовании его в дальнейшем в качестве дома культуры. Однако, «верующие устроили нелегальное собрание, затем у собора собралась толпа, был пущен подписной лист, направленный к призыву не допустить закрытие собора»¹⁵⁰. Причиной этого считалась слабость антирелигиозной работы.

В 1930-е годы была развернута настоящая кампания по снятию колоколов с церквей. Газета «Волжская коммуна» писала по этому поводу: «На многих церковных колоколах изображены царские портреты и специальные агитационные надписи. Своим звоном колокола мешают работе и не дают трудящимся спокойно отдыхать»¹⁵¹. В 1930 году Президиум Пензенского Окрисполкома постановил, «учитывая острую необходимость в цветном металле для нужд индустриализации страны и считаясь с тем, что церковные колокола не являются имуществом, необходимым для отправления культа решение Пленума Пензенского горсовета о снятии колоколов со всех церквей города утвердить»¹⁵².

---

¹⁴⁷ Трудовая правда. 1930. 11 января.

¹⁴⁸ ГАПО. Ф.р-453. Оп.1. Д.691. Л.229об.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.26.

¹⁵¹ Волжская коммуна. 1930. 3 января.

¹⁵² ГАПО. Ф.р-453. Оп.1. Д.467. Л.69.

В конце 1920-х годов заметно активизирует свою деятельность Союз безбожников. В июне 1929 года состоялся его II съезд, на котором было провозглашено, что «борьба с религией – есть борьба за социализм»¹⁵³, а сам он был переименован в Союз воинствующих безбожников. Он должен был организованно вести «идейную борьбу с религиозными предрассудками», оставшимися в наследие от прошлого. Ем. Ярославский заявлял: «Перед нами налицо громадное антирелигиозное движение, идущее снизу. Нам нужно прямо сказать, что мы организационно этого движения не охватываем...»¹⁵⁴.

Особенно пристальное внимание начинает уделяться расширению численного состава Союза воинствующих безбожников. Увеличение организации рассматривалось как важная победа на «антирелигиозном фронте». В 1932 г. «Трудовая правда» сообщала об успехах Пензенской организации «Союза воинствующих безбожников» на этом поприще: «Горсовет «Союза воинствующих безбожников» на 1 января имеет 58 ячеек. После смены руководства и проведенного штурмового двухдекадника, организация увеличилась на 3000 человек»¹⁵⁵. В начале марта 1938 г. в Пензе уже насчитывалось 77 ячеек и действовало 26 антирелигиозных кружков¹⁵⁶. К 15 мая 1938 года, согласно отчету Пензенского горкома ВКП(б) о состоянии антирелигиозной пропаганды, в Пензе действовала 81 первичная организация Союза воинствующих безбожников, в которых состояло 4438 человек. Кроме того, при первичных организациях было создано 34 кружка «с охватом 1139 чел.»¹⁵⁷.

Не оставалась без внимания проблема подготовки кадров для ведения антирелигиозной работы. На заседании секретариата крайкома ВКП(б) для «подготовки антирелигиозного актива предложено немедленно приступить к организации областных курсов на 100 человек»¹⁵⁸. В 1930 году в Пензе был открыт двухгодичный вечерний рабочий антирелигиозный университет. Газета «Трудовая правда» писала: «Задача университета – подготовить квалифицированный безбожный актив для рабочих предприятий. Слушатели университета получают общее образование в размере школы-семилетки и большую теоретическую и практическую зарядку. Вливая на предприятия новые силы, вооруженные знаниями науки и безбожия, университет заполнит брешь на антирелигиозном фронте»¹⁵⁹. В 1930 году на первый курс планировалось принять 54 слушателя, в основном рабочих с производства. Занятия планировалось проводить «через день по 3 часа в сутки, с

¹⁵³ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. С.292.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф.5407. Оп.1. Д.44. Л.83-84.

¹⁵⁵ Трудовая правда. 1932. 7 января.

¹⁵⁶ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.703. Л.12.

¹⁵⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.668. Л.1, 81.

¹⁵⁸ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.4.

¹⁵⁹ Трудовая правда. 1930. 17 ноября.

7 часов вечера. Преподавателями в университет выделены лучшие педагоги г. Пензы»¹⁶⁰. В 1933 году Пензенский горсовет СВБ подвергся критике за недостаточное внимание, уделяемое деревенским ячейкам. Было заявлено о необходимости «в ближайшее время организовать краткосрочные курсы подготовки секретарей деревенских ячеек»¹⁶¹.

Следует отметить, что союз расширял свои ряды, прежде всего путем привлечения учащихся. Отчет Пензенской городской организации СВБ отмечал, что из имевшихся на 10 марта 1932 г. 57 ячеек, большинство были школьными. При организации ячеек на предприятиях, союз зачастую сталкивался с определенными трудностями. Далеко не всегда необходимость проводить антирелигиозную работу вызывала желаемый энтузиазм на местах. СВБ часто жаловался «на недооценку антирелигиозной работы со стороны предприятий: «По заявлению Пензенского горсовета СВБ «фабрика «Маяк революции» ограничивается «посулами» о выдаче средств к «Пасхе», «рождеству» и т.д.¹⁶². В Пензе ячейки СВБ отсутствовали Велозаводе, Бисквитной и Швейной фабриках, а также на ряде других производств¹⁶³. На мебельной фабрике председатель фабкома «клятвенно заверил горсовет СВБ помочь в налаживании ячейки и выделить организационную тройку. Чуть не божился парень, и что же? Забыл и до сего времени не вспомнил»¹⁶⁴. В 1932 г. была поставлена задача вовлечь в СВБ 1300 рабочих и повысить количество женщин в СВБ до 40 %, поскольку «этого требуют интересы переделки сознания трудящихся»¹⁶⁵. В 1933 году Пензенский горсовет СВБ отчитался о наличии 192 ячеек, из которых 170 были городскими, 22 деревенскими, а 78 из них функционировали при школах и техникумах¹⁶⁶.

Большое значение придавалось привлечению к антирелигиозной работе интеллигенции. Пензенский окружной совет Союза воинствующих безбожников отмечал, что ему удалось привлечь к работе «на антирелигиозном фронте» учителей и научных работников. Однако, «совсем почти не ведут работы агрономы и стоят в стороне врачебные силы»¹⁶⁷. Имели случаи и отказы от участия в антирелигиозных мероприятиях, что однозначно получало негативную оценку. Например, «в антирелигиозную компанию врачи Серегин, Карпов отказались вести работу не только в рабочих районах, но даже и у себя в клубе Медсантруд, хотя бы на темы «могут ли воскреснуть мертвые»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁰ Трудовая правда. 1930. 17 ноября.

¹⁶¹ Рабочая Пенза. 1933. 6 января.

¹⁶² ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.7-11.

¹⁶³ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.385. Л.7.

¹⁶⁴ Там же. Л.12.

¹⁶⁵ Рабочая Пенза. 1932. 14 марта.

¹⁶⁶ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.260. Л.7-11.

¹⁶⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.12.

¹⁶⁸ Там же.

В 1932–1933 гг. Пензенская организация СВБ открыла в одной из церквей Дом безбожника, считая это «особенно большим достижением» в своей работе¹⁶⁹. Этот антирелигиозный музей был основан еще в 1925 году «кружком безбожников», но лишь к 1933 году он окончательно обосновался в здании бывшей Никольской церкви¹⁷⁰. Согласно «книжке для записи отзывов, пожеланий и критики работы Пензенского городского антирелигиозного музея» сотрудникам музея к 1933 году удалось «собрать много ценных материалов, создав мощную базу антирелигиозной пропаганды, что далеко имеется не в каждом городе»¹⁷¹. В музее посетителям читали лекции на темы: «Религия и оборона страны», «Классовая сущность религии» и т.д.¹⁷² Основными посетителями, судя по книге записей, были допризывники, дети, школьники, члены антирелигиозных кружков в школах, учащиеся техникумов, слушатели различных курсов¹⁷³. Согласно отчету музея за 1939 год, он имел 10 отделов. Помимо познавательных отделов, таких как «Строение и развитие солнечной системы», «Происхождение человека», имелись и такие как: «Происхождение и классовая сущность христианства», «Фашизм и католичество», «Религия и контрреволюция»¹⁷⁴. Вся экспозиция музея была признана многочисленными проверяющими «соответствующей целям и задачам антирелигиозной пропаганды», поскольку представляет собой исторически-последовательное и вполне идеологически выдержанное наглядное пособие к антирелигиозной научно-популярной пропаганде». Сотрудники музея не ограничивались работой лишь в стенах музея. Они проводили выставки в парке культуры и отдыха, читали доклады в клубах и на предприятиях¹⁷⁵.

«Рабочая Пенза» информировала читателей о том, что «антирождественская кампания мобилизовала безбожников на выполнение задач производственно-культурного похода им. 17 партсъезда»¹⁷⁶. В открытом письме Пензенскому горсовету от «двенадцатитысячной армии воинствующих безбожников Пензы» содержится обязательство оправдать «свое звание воинствующих безбожников на фронте борьбы с религией, борьбы за социализм»¹⁷⁷.

В 1920–1930-е годы появляется еще один способ снизить влияние церкви среди населения. В качестве привычных религиозных обрядов, сопровождающих важнейшие моменты жизни человека, была предпринята попытка предложить некую альтернативу, например, красные свадьбы и

---

¹⁶⁹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.385. Л.11.

¹⁷⁰ ГАПО. Ф. р-1976. Оп.1. Д.7. Л.7-14.

¹⁷¹ ГАПО. Ф. р-1976. Оп.1. Д.3. Л.3-19.

¹⁷² Там же. Л.3-19.

¹⁷³ Там же. Л.3 – 19.

¹⁷⁴ ГАПО. Ф. р-1976. Оп.1. Д.7. Л.1-5.

¹⁷⁵ Там же. Л.1-5.

¹⁷⁶ Рабочая Пенза. 1934. 7 января.

¹⁷⁷ Рабочая Пенза. 1932. 19 февраля.

октябрины, которые должны были заменить обряд крещения. Например, в плане работы бытовой секции Пензенского горсовета «в целях увязки работы с ЗАГСом», значилось принятие участия «в устройстве красных свадеб и октябрин»¹⁷⁸. Устраивать красные свадьбы и октябрины следовало «для изменения быта»¹⁷⁹.

В архивных документах, а также в периодической печати того времени можно найти примеры того, как организовывались подобные мероприятия. Например, февралем 1924 года датировано заявление жительницы с.Кривозерья Пензенского уезда Марфы Александровны Ереминой в Пензенский губотдел профсоюза химиков с просьбой организовать красные крестины ее новорожденному сыну. Текст заявления следующий: «Прошу губотдел союза химиков, т.к. я состою членом такового, принять участие в крестинах моего сына, которого я прошу принять под шефство союза химиков. Вовсе нет желания опьянить его голову в воде поповского дурмана. К сему и подписуюсь. За неграмотную расписалась Короткова»¹⁸⁰.

Благодаря газете «Смычка» города Городище, мы можем составить представление о том, как именно проходили октябрины в июле 1925 года в селе Кардафлей Пичелейской волости Городищенского уезда. В заметке рассказывается следующее: «12 июля в нашем селе были октябрины. Представители от укома, уездного женского отдела, рабкома, администрации Литвиновской фабрики и рабочих провели торжественное заседание. Перед заседанием духовой оркестр Литвиновской фабрики исполнил «Интернационал», во время которого ребенка держали на руках перед собранием восприемники. Имя ребенку было дано КИМ, и восприемники его дали обещание воспитывать ребенка в коммунистическом духе. Был сделан доклад «Старый и новый быт» на мордовском языке. В заключение отец ребенка перед собранием дал торжественное обещание воспитывать ребенка честным борцом за коммунизм. И 300 чел. под звуки духового оркестра направились к дому ребенка, чем октябрины и были закончены»¹⁸¹.

Устраивались и красные свадьбы. В 1927 году газета «Новая деревня» города Пензы сообщала, что «Село Вражское Чембарского уезда 26 января увидело у себя первую красную свадьбу. Свадьба в местный клуб привлекла столько зрителей, что вместиться негде было»¹⁸². «8-го января в селе Кравкове Городищенского уезда состоялась первая за все время революции красная свадьба. В брак вступили комсомолец Фомин и беспартийная девушка Ежова М.»¹⁸³. На одном из делегатских собраний крестьянка Фекла Прокопьевна Слесарева (с.Алферьевка) говорила: «Боремся и за новый

¹⁷⁸ ГАПО. Ф. р-453. Оп.1. Д.529. Л.19.

¹⁷⁹ ГАПО. Ф. р-453. Оп.1. Д.529. Л.28.

¹⁸⁰ ГАПО. Ф.р-218. Оп.1. Д.153. Л.27.

¹⁸¹ Смычка. 1925. 24 июля.

¹⁸² Новая деревня. 1927. 20 февраля.

¹⁸³ Новая деревня. 1927. 22 января.

быт. Пытаемся выгнать из села самогонку и хулиганство. Хотим построить жизнь по-новому, отмести от себя все предрассудки и суеверие. Кой-какие результаты нашей борьбы уже сказываются. Вот осенью отпраздновали три красных свадьбы, без попов и без самогонки»¹⁸⁴.

Для антирелигиозной работы привлекались передвижные агитбригады или агитобозы. Они совершали так называемые «антирелигиозные вылазки». Например, в январе 1930 года в связи с рождественскими и крещенскими праздниками Союз воинствующих безбожников организовал подобную вылазку. 26 декабря 1929 года в села Липяги, Выползово, Новинки и Рождественское отправились «разведчики-лыжники» для подготовки встречи участников агитбригады. 7 января из Самары в эти села выехал агитобоз из 400 человек. В течении недели силами участников агитобоза устраивались спектакли и концерты, а также проводился сбор средств в фонд тракторизации края¹⁸⁵. В 1932 году по инициативе партийных органов власти в Поволжье был начат «поход» под лозунгом «Каждый безбожник – ударник, каждый ударник – безбожник». Его целью было – «починить безбожную работу текущим общественно-политическим кампаниям». В рамках этого «похода» проводился сбор средств на подводную лодку «Безбожник»¹⁸⁶.

Антирелигиозная работа в клубах предполагала проведение следующих мероприятий: «массовые гулянья, сопровождаемые антирелигиозными выставками, безбожным тиром, консультацией и т.д. Массовые антирелигиозные кампании, как-то: антирелигиозный поход, сбор на тракторную колонну, за антирелигиозное воспитание и т.д.». В качестве художественных форм антирелигиозной работы клубы должны были использовать «антирелигиозные художественные вечера, иллюстрированные доклады, художественные высказывания, суды над верующим учителем, прогульщиками по случаю религиозного праздника, партийцем или комсомольцем, выполняющими религиозные обряды и т.д.». Также предлагались «безбожный петрушка», безбожные посиделки с отгадыванием антирелигиозных загадок»¹⁸⁷.

Однако, несмотря на все усилия, процесс изживания религии затягивался, в стране сохранялось значительное число верующих.

Следует отметить, что иногда можно найти примеры и подлинно просветительской работы, лишенной идеологической пропаганды. Например, в 1936 году газета «Рабочая Пенза» сообщила, что «горком комсомола провел радио-вечер, посвященный творчеству Чайковского. Присутствова-

---

¹⁸⁴ Пензенская область за 50 лет советской власти. Приволжское книжное издательство: Саратов Пенза, 1967. С.175.

¹⁸⁵ См.: Волжская коммуна. 1930. 3, 10, 27 января.

¹⁸⁶ Трудовая правда. 1932. 15 марта.

¹⁸⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.6.

ло 50 комсомольцев. Готовятся вечера по искусству Рафаэля, Леонардо да Винчи, музыки Бетховена и т.д.»¹⁸⁸.

Газета также сообщала о существовании очередей за книгами в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. В частности, очередь за книгой Островского «Как закалялась сталь» составляла 410 человек, «Войну и мир» хотели прочитать 50 человек, а «Анну Каренину» – 70¹⁸⁹.

В системе народного образования ситуация развивалась подобным же образом. Развитие системы народного образования было признано советской властью как одно из наиболее приоритетных направлений. В воззвании Наркомпроса к гражданам России «О народном просвещении» от 29 октября 1917 года говорилось, что идеалом является «равное и возможно более высокое образование для всех граждан». При этом, «борьба с неграмотностью и невежеством не может ограничиться правильной постановкой школьного обучения для детей, подростков и юношей. Взрослые тоже захотят спастись от унижительного состояния человека, не умеющего читать и писать. Школа для взрослых должна занять широкое место в общем плане народного обучения»¹⁹⁰. Это было обусловлено тем, что процент неграмотности среди населения, особенно в сельской местности, был очень высок. По данным переписи 1920 года в России на каждую тысячу человек было всего 319 грамотных (среди мужчин – 409, среди женщин – 244). По данным 1926 года, в Пензенской губернии грамотность всего населения составляла 30,4 %, а грамотность крестьян – 27,4 %¹⁹¹. При этом уровень грамотности среди представителей таких народов как мордва, татары, чуваша, населяющих Пензенский край, был еще ниже. Например, грамотность женщин-морденок в Пензенской губернии в середине 1920-х гг. составляла всего 3,6 %¹⁹². В Среднем Поволжье грамотными были 17,3 % чувашского и 22,3 % мордовского населения¹⁹³. В Пензенском и Кузнецком округах в начале первой пятилетки было открыто 44 ликпункта для мордовского и татарского населения¹⁹⁴.

Важнейшими культурными мероприятиями, по словам А.С. Бубнова, должны были стать «всеобщее обязательное начальное обучение, ликвидация неграмотности и малограмотности, и массовая организация дошкольного воспитания»¹⁹⁵. Результатом государственной политики, проводимой в сфере народного образования, стало появление в стране широкой сети учебных заведений.

---

¹⁸⁸ Рабочая Пенза. 1936. 13 мая.

¹⁸⁹ Рабочая Пенза. 1936. 24 мая.

¹⁹⁰ Культурное строительство в РСФСР. 1917 – 1927 гг. Том 1. М.: Советская Россия, 1983. С.23 - 29.

¹⁹¹ Тизанов С., Скворцов Н. Культурное строительство в Средне-Волжской области. М. – Самара, 1930. С.9.

¹⁹² Работай и учись. 1928. №8. С.13.

¹⁹³ Тизанов С., Скворцов Н. Культурное строительство в Средне-Волжской области. М. – Самара, 1930. С.7.

¹⁹⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.272. Л.27.

¹⁹⁵ Известия. 1933. 3 февраля.

При этом, несмотря на все усилия, процесс ликвидации неграмотности осуществлялся достаточно медленно. В 1924 году в Пензе была создана инициативная группа, которая положила начало организации общества «Долой неграмотность». К ноябрю 1924 года в городе было создано 25 ячеек общества, в которых состояло 5000 человек¹⁹⁶. В стране добровольное общество «Долой неграмотность» появилось чуть раньше, в конце 1923 года, на основе ячеек содействия Всесоюзной чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. Это общество будет ликвидировано в начале 1936 года, несмотря на то, что по-прежнему сохранялось достаточно большое количество неграмотных и малограмотных.

Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности в деревне. При этом, в первую очередь, речь шла о крестьянской бедноте. Н.К. Крупская писала: «Надо дать знания не деревне вообще, а, главным образом, бедняцким и середняцким слоям»¹⁹⁷.

Примером хорошей организации ликбеза является опыт села Рамзай. Рамзайский сельсовет в 1928 – 1929 гг. выявил 600 человек неграмотных, из которых были скомплектованы группы обучающихся. Среди них были определены батраки, бедняки и середняки, которые желали заниматься индивидуально. Также были заключены договора на обучение с ликвидаторами-добровольцами. Село было разделено на участки, за каждый отвечал член бюро общества «Долой неграмотность». Собрание ячейки ОДН избрало ответственного за работу избы-читальни. Была скомплектована библиотека-передвижка¹⁹⁸. Однако, на местах далеко не всегда подобная работа была успешной. Более того, те, кто привлекался к работе в пунктах ликвидации неграмотности сталкивались с не очень дружественным отношением на местах. Например, газета «Волжская коммуна» в 1932 году писала: «Тысячи культармейцев, отправленные в колхозы для ликвидации неграмотности, встречают прохладное отношение со стороны сельских организаций, нехватка канцелярских принадлежностей и букварей тормозит работу культпохода. Нередко один культармеец приходится на 70–80 неграмотных. Есть угроза срыва работы ликбезов, так как учителей снимают на кампанейскую работу»¹⁹⁹. Другая газета «Средне-Волжский комсомолец» описывала похожую ситуацию: «Преступное отношение к курсам ликбеза, помещение отапливается редко. Часты случаи, когда курсантам нечем питаться»²⁰⁰. Иногда местные власти пытались использовать культармейцев на другой работе: «Культармейцев размещают в Доме крестьянина, где ужасно грязно и тесно. Многих ребят загнали в глушь председатель райис-

---

¹⁹⁶ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.802. Л.22.

¹⁹⁷ Крупская Н.К. Для чего нужна грамота? М., 1929. С.13.

¹⁹⁸ ГАПО. Ф.р-823. Оп.1. Д.12. Л.3 - 5.

¹⁹⁹ Волжская коммуна. 1932. 15 февраля.

²⁰⁰ Средне-Волжский комсомолец. 1933. 16 ноября.

полкома заявил, что культурмейцев будут использовать на бухгалтерской работе»²⁰¹.

В обязательном порядке осуществлялось обучение допризывников. Неграмотным считался допризывник, который «не умеет читать и писать и не владеет письменным счетом в объеме первых арифметических действий (сложение и вычитание)...»²⁰². Обучение грамоте рассматривалось как составная часть допризывной подготовки. «Закончившими допризывную подготовку считаются только те лица, которые не только прошли военное обучение и усвоили политическую грамоту, но и научились читать и писать на родном языке»²⁰³. В программу обучения обязательно вводился и курс политграмоты²⁰⁴.

С 1928 года практикуется шефство рабочих над селом, в том числе в организации ликбеза. В апреле 1929 в Пензе действовало 13 шефских объединений, численностью около 3000 человек. Каждое общество имело свою денежную кассу, средства из которой направлялись, в том числе, и на ликбез в деревне. Например, шефы с велозавода проводили учет неграмотных и налаживалась ликвидация неграмотности своими силами. Задействованы были и профсоюзы. Кузнецкий окружной союз работников просвещения в мае 1929 года обязался обучить своими силами 8000 неграмотных²⁰⁵.

Проводились и недели ликвидации неграмотности в рамках агиткампаний. Подобная неделя прошла в ноябре 1923 года в Пензе. В помещении театра «Тема» состоялось торжественное заседание, в конце которого состоялось «чествование шестнадцати учеников ликпунктов как героев борьбы за грамоту»²⁰⁶.

В конце 1923 года в Спасском уезде было организовано 26 ликпунктов, «куда вовлечено допризывников 1902 г. рождения до 700 человек, членов профсоюза 69 человек и 30 делегатов женотдела»²⁰⁷. Планировалось также открыть 64 ликпункта для крестьян. «Для малограмотных открываются 15 школ с целью пропустить через них до 400 человек организованного и неорганизованного населения»²⁰⁸.

В 1927 – 1928 гг. в губернии работало 625 ликпунктов, в которых занималось более 74000 неграмотных²⁰⁹.

Процесс ликвидации неграмотности затягивался в связи с недостаточностью материальных и финансовых ресурсов, нехваткой квалифициро-

²⁰¹ Волжская коммуна. 1932. 12 мая.

²⁰² ГАПО. Ф.р-1159. Оп.1. Д.468. Л.295 - 296.

²⁰³ Там же. Л.295.

²⁰⁴ Там же. Л.295 - 296.

²⁰⁵ Средне-Волжская коммуна. 1929. 22 мая.

²⁰⁶ ГАПО. Ф.р-253. Оп.1. Д.1144. Л.15.

²⁰⁷ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.751. Л.106.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.802. Л.22.

ванных учителей и т.п. Особенно остро стояла проблема с кадрами для ликпунктов на национальных языках. В справке Пензенского губоно о состоянии просвещения национальных меньшинств говорилось: «Все работники, за некоторым исключением, слабо подготовлены, а поэтому результаты их работы слабее, чем у русских»²¹⁰. Не хватало и учебников на национальных языках. Политизация ликбеза также, зачастую, отпугивала желающих учиться. На пунктах ликвидации неграмотности вводились политчасы, проводились антирелигиозные беседы и т.д.²¹¹. В 1930 году бюро Пензенского окружкома ВКП(б) в решении «Об итогах культпохода» рекомендовало произвести слияние культпохода с агропоходом в единый агрокультпоход, который будет направлен на скорейшее преобразование деревни на путях коллективизации²¹². В 1932 году президиум Средне-Волжского краевого отдела просвещения дал следующую директиву районным отделам народного просвещения: «Обеспечить развернутую сеть ликбеза и школ малограмотных полит- и агрочасами, организуя борьбу с выхолащиванием политического содержания ликвидации неграмотности, мобилизуя вокруг этого внимание всей общественности»²¹³. Низкое качество обучения приводило к тому, что часть населения, по сути, так и оставалась неграмотной. В 1932 году, заслушав отчет о работе по ликвидации неграмотности в крае, президиум Средне-Волжского краевого отдела просвещения, признал ее неудовлетворительной. В качестве мер, призванных исправить положение, были предложены следующие: «Развернуть массовую разъяснительную работу по закреплению знаний и охвату неграмотного населения, мобилизовав всю просвещенческую массу как на разъяснительную, так и на организационную работу. В связи с наступлением весенних и летних работ, работу по ликвидации неграмотности перенести в поле – в бригаду, приспособив обучение неграмотных и малограмотных к условиям их работы; в этих целях организовать совместно с ОНО расстановку культсил, культармии, предварительно организовав для них краткосрочные курсы под руководством учителей»²¹⁴.

В архивах можно найти примеры и принуждения к посещению пунктов ликвидации неграмотности. Например, в Каремшинской волости Нижне-Ломовского уезда председатель исполкома за непосещение ликпункта арестовал на трое суток двух человек. В Веселовке Пензенского района к уклонявшимся от обучения применяли принудительные работы сроком от 5 до 10 дней²¹⁵.

---

²¹⁰ ГАПО. Ф.р-253. Оп.1а. Д.46. Л.13 -14об.

²¹¹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.347. Л.159 - 160.

²¹² Там же. Л.196.

²¹³ ГАПО. Ф.р-1273. Оп.1. Д.16. Л.14.

²¹⁴ Там же. Л.5.

²¹⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.347. Л.159 - 169.

«Культармейцы» также в некоторых случаях мобилизовывались для проведения ликвидации неграмотности принудительно. Например, в 1931 году Пензенский обисполком, в связи с тем, что постановление крайкома ВКП(б) о сплошной ликвидации неграмотности выполнено не было и из 8 тыс. неграмотных обучением были обучены только 6392 человека, принял решение «развернуть работу по мобилизации грамотного актива в районах, который, проинструктировав, бросить на слабые участки ликбезпохода в качестве сезонных ликвидаторов»²¹⁶.

Бюджетных ассигнований на развитие культуры в целом, и ликвидацию неграмотности, в частности, не хватало. Средства привлекались из местных городских бюджетов, потребкооперации и профсоюзов. В 1928 году в постановлении крайкома партии о перенесении культпохода в деревню говорилось, что средства для проведения культпохода выделяются: а) из средств, которые уже предусмотрены для культпохода; б) при проведении самообложения предусмотреть в достаточной мере отпуск средств для ликвидации неграмотности; в) из средств потребкооперации; с/х кооперации; г) в порядке общественной инициативы (сбор пожертвований, субботников и т.д.; д) по линии ОДН создать специальный фонд на работу по ликвидации неграмотности»²¹⁷.

В 1924 году Пензу посетил А.В. Луначарский. Он побывал в школе при Пензенском трубочном заводе и школьном музее. На встрече со школьниками А.В. Луначарский заявил: «Помните, что Советская Россия нуждается в культурных работниках и вы в ней – будущие строители новой гражданской жизни на основе социализма. К этой гражданской работе вы и должны себя готовить. Без знаний, без развития страна наша не может быть сильной, и дети рабочего класса преимущественно должны усвоить эту истину. Учитесь, развивайтесь и готовьтесь быть полезными гражданами своего социалистического отечества»²¹⁸.

Высоко оценил А.В. Луначарский работу пензенской педагогической опытной станции²¹⁹.

В 1928 году отмечалось, что «культурное состояние» Средневолжской области «находится на низком уровне», а «по грамотности мы находимся на последнем месте»²²⁰. На IV пленуме Средневолжского обкома ВКП(б) в апреле 1929 года особо подчеркивалась «необходимость принятия целой системы решительных мер... по расширению сети школ, курсов, техникумов, вузов...»²²¹. Газеты сообщали о том, что «местам даны все указания о

²¹⁶ ГАПО. Ф.р-1273. Оп.1. Д.2. Л.11.

²¹⁷ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.6. Л.106.

²¹⁸ ГАПО. Ф.р-253. Оп.1. Д.1194. Л.26 -26об.

²¹⁹ ГАПО. Ф.р-128. Оп.1. Д.51. Л.5.

²²⁰ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.30.

²²¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.2504. Л.30.

развертывании боевыми темпами ликбезфронта»²²². Объявляется о начале краевого культштурма и газеты призывают к решительной «мобилизации общественности нашего края на борьбу с бескультурьем»²²³.

В самой партии с началом массовых призывов существенно снижается уровень образованности. В 1925 году в партии насчитывалось около 30 тыс. полностью неграмотных, которые не умели ни считать, ни писать. Например, второй ленинский призыв в партию был ознаменован открытием, причем массовым, ликбезов для вновь вступающих в партию. Среди делегатов XVI съезда партии в 1930 г. 74,4 % имели только начальное или неполное среднее образование.

По официальным данным в 1933 г. в РСФСР насчитывалось до 23 млн. малограмотных,²²⁴ а к началу 40-х гг. 70 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик имели лишь начальное образование. В 1927 г. только 0,8 % членов ВКП(б) имели высшее образование, в 1937 – 5,5 %.²²⁵

Что касается масс, то вырванные из привычного социального контекста, они зачастую овладевали лишь элементарной грамотностью²²⁶. В беседе с низовыми агитаторами 22 декабря 1934 года Н.К. Крупская признавала: «Надо правду сказать, что у нас большие ножницы между общим развитием, общим пониманием, между активностью, умением организовывать и имеющимся у рабочих и работниц общеобразовательными знаниями»²²⁷.

Несмотря на принятые в июле 1928 и ноябре 1929 гг. решения Пленума ЦК партии «Об улучшении подготовки новых специалистов» и «О кадрах народного хозяйства»²²⁸. В 1939 г. на 1000 человек приходилось 77,8 человека со средним образованием, т.е. менее 8 %, и 6,4 человека или 0,6 % с высшим образованием²²⁹.

По имеющимся данным в 1928 г. почти 1 млн. человек взрослого населения Средневолжской области оставался неграмотным²³⁰. Насколько остро стояла проблема неграмотности и малограмотности можно судить в том числе и по тому, как безграмотны были даже «работники идеологического фронта», о чем говорят данные, приведенные на заседании секретариата Пензенского ГК ВКП(б) от 14 февраля 1928 года, характеризующим безграмотность уездных газет: «Завод и Пашня» в №9 около 50 грамматических ошибок, «Пахарь» в №3 – 40, «Плуг и Молот» в №10 – больше 150 и

²²² Волжская коммуна. 1931. 21 января.

²²³ Там же.

²²⁴ РГАСПИ. Ф.778. Оп.1. Д.548. Л.10.

²²⁵ Об этом подробнее см.: Партийная жизнь. 1987. № 21. С. 9-10.

²²⁶ Правда. 1929. 14 апреля.

²²⁷ Спутник агитатора. 1935. №1. С.8.

²²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. С.289.

²²⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С.49.

²³⁰ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.15. Л.17.

т.д.²³¹ В Пензенской парторганизации насчитывалось «малограмотных и неграмотных коммунистов 553 человека, из них азбучно-неграмотных – 30 человек»²³². Не менее низким был и уровень политической подготовки, что вызывало массу нареканий²³³.

В газетах весьма часто встречаются заметки, озаглавленные: «Преподаватель политграмоты забыл политграмоту» (на курсах партрезерва есть слабо подготовленные преподаватели). Окончившие курсы партрезерва говорят о том, что «из 48 человек слушателей большинство не читало «Правду»²³⁴.

В средневожских газетах печаталось много материалов о низком уровне пропагандистов, которые «ничего, кроме учебника и общих фраз не используют. Примеры: изучали статью Ленина. Там есть фраза «буржуазия лизала сапоги Пуришкевича». Слушатели потребовали объяснить, что это. Пропагандист честно сказал, что не знает. Один обмолвился об уличных демонстрациях осенью 1910 г. в связи со смертью Л.Толстого. «Кто такой Толстой?» – спросили мы. Ответили только двое из 12. При этом один сказал, что догадывался, что «Толстой – это что-то большое и политическое»²³⁵.

Уровень не только политической, но и общей подготовки «оставлял желать лучшего»: «Были тут и руководящие работники. И вдруг оказывается, что у одного из них наше государство граничит с Америкой, у другого – Япония расположена в Европе, третий определял экватор как колонию. А один член президиума райисполкома укоризненно посмотрел на карту, спросил у географа, проводившего проверку: «Товарищ, скажите, когда мы начнем заниматься?»²³⁶.

Новая волна критических материалов началась в связи с постановлением ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса ВКП (б)»: «Председатель Даниловского райисполкома т. Бочков не изучил ни одной главы учебника. Директор Пензенской мебельной фабрики т. Драчев не приступил к изучению «Краткого курса...»²³⁷. На совещаниях пропагандистов речь идет о плохой работе «кружков самостоятельно изучающих историю партии»: «Плохо дело с руководящими работниками, директорами предприятий – как их проверить? Я могла бы рассказать очень много печальных анекдотов о полнейшей невежественности со стороны руководящих работников. Некоторые приходили

---

²³¹ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.1671. Л.67.

²³² ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.482. Л.73.

²³³ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2203. Л.139.

²³⁴ Рабочая Пенза. 1937. 17 февраля.

²³⁵ Волжская коммуна. 1936. 16 марта.

²³⁶ Волжская коммуна. 1936. 27 марта.

²³⁷ ГАПО. Ф. р.-148. Оп.1. Д.293. Л.71.

с таким большим фасоном, а когда начинаешь проверять, то выявляются такие невежды и такие анекдоты»²³⁸.

В 1930-е годы происходил в основном количественный подъем культуры. Во многом причиной этого была ликвидация «многоукладности» социально-культурного многообразия российской интеллигенции. Место немногочисленной элиты заняла интеллигенция большевистского подполья. К этому прибавилось физическое уничтожение представителей старой интеллигенции, что создало основу упрощения культуры. «Новая интеллигенция» расширялась за счет рабоче-крестьянской среды – т.е. тех, кто уже постигал грамоту на политических лозунгах – в избах-читальнях, на рабфаках. Критерием отбора были социальное происхождение и идейное «соответствие».

В конце 1938 г. ЦК ВКП (б) дал резкую характеристику пропагандистской работы: «Кадры пропагандистов оказались переполненными мало-подготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но и способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощенчеством и запутать своих слушателей»²³⁹

Основной задачей «всего социалистического переворота», В.И. Ленин считал воспитание масс.²⁴⁰ Оно должно было осуществляться, в первую очередь, через сеть образовательных учреждений. Н.К. Крупская писала: «Хотелось бы, чтобы вся работа школ взрослых была насквозь пропитана глубокой партийностью, чтобы школы взрослых играли крупнейшую роль в коммунистическом воспитании масс»²⁴¹. В 1930-е годы это стало основным направлением в их работе: «Школа Маркса – Ленина – Сталина – наша советская школа является важнейшим элементом культурной революции, значение ее как орудия перевоспитания и воспитания молодого поколения в духе коммунизма – неизмеримо»²⁴². «Школа капиталистических стран – орудие для затемнения сознания трудящихся, для муштры покорных слуг капитализма, нередко это застенки мракобесия и поповщины. Советская школа – могучее средство коммунистического воспитания нашей смены, подготовки борцов и тружеников бесклассового, социалистического общества»²⁴³.

К тому же, по мнению В.И. Ленина, «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»²⁴⁴. В связи с этим развитию системы

²³⁸ ГАПО. Ф. р.-148. Оп.1. Д.293. Л.77.

²³⁹ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.4. Д.14. Л.17.

²⁴⁰ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.31. С.340.

²⁴¹ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т.9. С. 611.

²⁴² Социалистический штурм. 1933. 20 августа.

²⁴³ Лавров С. Воспитаем достойное поколение коммунизма // Спутник агитатора. 1935. №6. С.29.

²⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.315.

народного образования уделялось повышенное внимание. Кроме того, всеобщая, пусть и элементарная грамотность должна была обеспечить охват максимально широких слоев населения процессом идеологизации, поскольку обеспечивала доступ к информации, основным носителем которой являлась печатная продукция.

Создание разветвленной сети образовательных учреждений, от дошкольных до высших учебных заведений, а также кружков ликбеза с предельно идеологизированной системой образования позволяло власти контролировать и непосредственно участвовать в процессе формирования личности, создавая «нового человека». Это должно было стать залогом построения нового общества, поскольку «именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества»²⁴⁵.

Система народного образования, созданная в 1928–1941 гг., была безальтернативна. Благодаря этому стало возможным формирование единообразия мировосприятия, отсутствие критического мышления и инакомыслия, навязывание определенных моделей поведения.

О том, что школа не может находиться «вне политики» неоднократно говорил еще В.И. Ленин²⁴⁶. Школа должна быть «связана органически со всей борьбой и со всеми процессами строительства нового коммунистического общества»²⁴⁷. В 1930-е гг. развернулась настоящая борьба с «аполитичностью в школе». Печать предостерегала о недопустимости «хождение теориейки строительства школы «без политики», «надклассовой»²⁴⁸. В результате, школа действительно не стала «аполитичной». Более того, в 1930-е годы была осуществлена частичная подмена образования политическим воспитанием. В советской школе «исключительно важное значение приобретает выдержанное коммунистическое воспитание»²⁴⁹. Газета «Правда», отмечая особую важность этого направления в работе советской школы, подчеркивала, что «коммунистическая прививка в детстве даст прочную зарядку на всю жизнь»²⁵⁰. Поскольку именно политико-воспитательная работа среди учащейся молодежи «должна сыграть громадную роль для укрепления и развития кадров, которые будут строить бесклассовое социалистическое общество»²⁵¹. В 1930 году в пензенской школе №4 был проведен диспут на тему «Мещанство в школе», в котором приняли участие не только ученики, но и их родители. Газета «Трудовая правда» писала об этом диспуте: «Из выступлений учащихся и родителей видно, что они поняли мещанство по-обывательски как внешнее проявление в ви-

²⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.298.

²⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.77; С.431.

²⁴⁷ Социалистический штурм. 1933. 1 сентября

²⁴⁸ Рабочая Пенза. 1933. 26 января.

²⁴⁹ КПСС в резолюциях... т.5. С.357.

²⁵⁰ Правда. 1936. 7 апреля.

²⁵¹ Большевик. 1935. №12. С.57.

де ношения галстука, применения косметики и т.д. Но масса не заметила подлинного мещанства, выражающегося в индивидуализме, в оторванности носителей его от общественной жизни и классовой борьбы». В статье также говорилось: «Мещанину нет места в школе. Школа – кузница будущих красных специалистов, должна закрыть свои двери для мещанина»²⁵².

Если по каким-либо причинам политическому воспитанию в образовательном процессе не уделялось, по мнению властей, должного внимания, это рассматривалось как грубейший просчет, допущенный в работе. Считалось, что любой срыв «в воспитательной работе дает козырь в руки нашего классового врага, который хорошо его использует»²⁵³. Так, на заседании Бюро Пензенского окружкома ВКП(б) 28 июня 1930 г., посвященного итогам культпохода, направленного на ликвидацию неграмотности, в качестве одного из основных недостатков фигурирует «слабость постановки политико-просветительской работы в ликпунктах вообще и политчаса в особенности, отрыв ее от общих задач социалистического строительства в сторону культурничества...»²⁵⁴. В чередке недостатков, выявленных в работе Пензенского художественного техникума в 1934 г., в первую очередь было отмечено, что там «не обеспечивают подготовку политически грамотных и воспитанных специалистов», что «выпускные испытания показали полную неподготовленность студентов, особенно по вопросу текущей политики»²⁵⁵.

В вечерних школах взрослых ликвидацией «политической неграмотности» занимались ответственные парторганизаторы. В круг их обязанностей входили «подготовка и организация общеполитических компаний», а также «содействие и проведение мер по улучшению постановки политико-воспитательной и общественной работы в школах»²⁵⁶.

Нельзя не отметить тот факт, что в среде учащейся молодежи отношение к «политизации учебного процесса» было далеко неоднозначным. Не все были готовы согласиться с такой расстановкой приоритетов. Однако жалобы учащихся на излишнюю политизацию учебного процесса вызывали негативную реакцию со стороны властей. «Аполитичным культурничеством», «увлечением академизмом» было признано заявление студентов: «Нам нужно быть специалистами, что нам обществознание»²⁵⁷. Недовольство вызвало и обязательство студентов «повысить борьбу за качество учебы, за качество культуры», взятое в ответ на смерть С.М. Кирова и опубликованное в газете «За медицинские кадры» Самарского медицинского института. Не такое обязательство от них ожидалось «в момент величайших

---

²⁵² Трудовая правда. 1930. 5 января.

²⁵³ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.203. Л.8.

²⁵⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1,д.347. Л.159.

²⁵⁵ ГАПО. Ф.37. Оп.1,д.394. Л.15.

²⁵⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1,д.25. Л.65.

²⁵⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.384. Л.9.

трагических событий в стране, когда партия и рабочий класс на террористический акт подонков зиновьевской антисоветской группы отвечает прежде всего повышением своей революционной бдительности... газета Медицинского института беззубо призывает – к борьбе за качество учебы...»²⁵⁸.

Ярким примером, господствующих в это время представлений о целях и задачах, стоящих перед образовательными учреждениями, может послужить конференция, прошедшая в Пензенском художественном училище в октябре-ноябре 1930 года. Тема конференции была обозначена следующим образом – «Классовый характер воспитания». Показательной она является как по высказанным мнениям, так и тем, что мнения эти принадлежали людям, сформировавшимся, приобретшим знания и убеждения уже в этой, идеологизированной системе образования, что наглядно демонстрирует ее эффективность. Цели воспитания они видят в следующем: «Октябрьская революция поставила перед нами цель – вырастить из нового поколения борцов-строителей, борцов за идеалы родного рабочего класса, строителей нового пролетарского государства»²⁵⁹. По сути, речь идет не о воспитании человека, а о привитии ему «правильных» политических взглядов, не входящих в противоречие с установками партии. Отвечая на вопрос о целях, поставленных перед школой, в протоколе конференции от 25 ноября 1930 г. были перечислены «подготовка воинствующего строителя социализма», «общественника», «марксиста», «строителя, который вел борьбу со всем, что мешает стройке, разъяснявшего о ненужности религии»²⁶⁰. Не была указана лишь одна, весьма существенная и немаловажная цель. Ничего не было сказано о том, что школа должна давать знания и, следовательно, окончивший ее человек должен был быть, прежде всего человеком образованным. Не упоминание этой цели, прямой цели, стоящей перед школой, является ярким показателем того, насколько разными по важности были эти цели, если о прямом назначении школы даже не было упомянуто. Приоритет полностью был отдан политико-воспитательной работе, а показателем становится верность «делу партии», а не уровень знаний, не качество полученного образования. Результатом преобладания политико-воспитательной работы над обучением, было появление «идеологически подкованных», но недостаточно подготовленных профессионально специалистов. Это приходилось признавать. Отмечали, что «давали плохих учителей, либеральничали, выпускали с «жалостью»²⁶¹. А затем в информационных отчетах об итогах работы школ, приходилось констатировать, как это признано в отчете о работе школ Кузнецкого района за 1938/1939

---

²⁵⁸ Волжская коммуна. 1935. 12 января.

²⁵⁹ ГАПО. Ф. р-912. Оп. 2. Д.3. Л.18.

²⁶⁰ ГАПО. Ф. р- 912. Оп. 2. Д.3. Л.21.

²⁶¹ ГАПО. Ф. р-926. Оп.1. Д. 3в. Л.8.

учебный год, что «низкая успеваемость объясняется неподготовленностью учителей»²⁶².

Проблемы качества преподавания, организации учебного процесса зачастую отодвигались на второй план. Преподаватели часто жаловались на плохое отопление, отсутствие карт и атласов, плохую работу библиотек²⁶³. В отчете по Пензенскому художественному техникуму за 1934 год о том, что «снижается качество подготовки, в особенности по специальным дисциплинам», говорится в последнюю очередь²⁶⁴. При этом плохая успеваемость студентов и организованный вечер с танцами могли стать поводом для выговора директору учебного заведения. Например, в том же 1934 году директору Пензенского педтехникума Рождественскому был объявлен выговор. В распоряжении Пензенского горно от 26 апреля 1934 года говорилось следующее: «Горно обращает внимание директора педтехникума Рождественского на весьма слабую успеваемость студентов техникума за 3 четверть, что особо обязывает весь педколлектив и администрацию мобилизовать внимание студенчества на ликвидацию прорыва. Организация вечера отвлекает студентов от их боевой задачи – борьбы за учебный план. Кроме того, в здании учебного заведения, как правило, никакие открытые вечера не допускаются»²⁶⁵.

Во многом благодаря воспитательной работе, проводимой в образовательных учреждениях, у подрастающего поколения формировалось так называемое конфронтационное сознание, для которого было характерно восприятие окружающего мира через призму бинарных оппозиций. А. Аджубей вспоминал: «Для мальчишек и девчонок того времени мир делился только на «белых» и «красных». Нам и в голову не приходило раздумывать, на чьей быть стороне. В этом красном мире жили и совершали подвиги полярные исследователи, челюскинцы, папанинцы»²⁶⁶. Формирование конфронтационного сознания происходило и за счет воспитания подрастающего поколения в духе нетерпимости и бескомпромиссности. Эти качества оценивались исключительно с положительной стороны. Общее собрание Политпросветшколы в 1938 году, рассмотрев вопрос о низком уровне дисциплины, принимает резолюцию, в которой говорится о необходимости «воспитывать среди студентов большевистской нетерпимости к этому злу»²⁶⁷. Таким образом, создавалась благоприятная почва для роста конфронтационных настроений.

По мнению А.В. Луначарского, воспитательная работа должна вестись, прежде всего «путем эмоционального воспитания, т.е. воздействия на че-

²⁶² ГАПО. Ф. р-1381. Оп.1. Д.63. Л.53об.

²⁶³ ГАПО. Ф. р-926. Оп.1. Д. 3в. Л.8.

²⁶⁴ ГАПО. Ф.37. Оп.1,д.394. Л.15.

²⁶⁵ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.178. Л.158–158об.

²⁶⁶ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С.194-195.

²⁶⁷ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.175. Л.6.

ловеческие чувства, возбуждения в том, кого вы воспитываете, чувства негодования, радости, дружбы, ненависти и печали – всей громадной гаммы различных страстей, различных движений нашей эмоциональной натуры»²⁶⁸. Очень интересен взгляд на воспитание М. Горького. «В нашей стране воспитывать – значит революционизировать», – писал он²⁶⁹. Большое воспитательное значение великий пролетарский писатель придавал и самой действительности, окружающей подрастающее поколение²⁷⁰.

Преподавание в школе должно было быть «поставлено таким образом, чтобы каждый урок был коммунистически направлен и пронизан воспитательными моментами»²⁷¹. Предложенная схема годового учебно-производственного плана работы школы на 1933/1934 учебный год, включала в себя пункт, в котором говорилось о том, что он обязательно «должен быть глубоко пропитан борьбой за чистоту марксистско-ленинского воспитания, борьбой с проявлениями чуждо-классовых настроений, вылазок классового врага, его агентуры...»²⁷².

В распоряжении по Пензенскому горно от 25 мая 1933 года замзавгорно отмечал, что в ходе совместного посещения с представителями горкома ВКП(б) школы №1 им. В.Г. Белинского было обнаружено, что «преподаватель, проводя урок географии совершенно не увязывал материал с социалистическим строительством, а преподаватель литературы 7 года обучения упорно добивался от учащегося сказать социальное происхождение отца Хлестакова»²⁷³.

В 1930-е годы в школе много внимания уделялось воспитанию «в детях умения разбираться в вопросах классовой борьбы»²⁷⁴. На основе показа «героической борьбы в прошлом и настоящем рабочего класса с угнетателями», следовало «воспитывать интернациональное чувство и любовь к угнетенным всех национальностей»²⁷⁵. В пионерских отрядах с этой целью проводились беседы на следующие темы: «Наши друзья за границей и их работа», «Помощь заграничным товарищам-пионерам», «Положение детей в капиталистических странах и СССР»²⁷⁶. Эти беседы должны были воспитывать интернационализм, знакомить с классовой борьбой зарубежом и, непременно, показывать преимущества советского строя.

Школа формировала и навыки борьбы с врагом. В рамках проведения 20 – 27 мая 1928 года 8-й международной детской недели для бесед в отрядах рекомендовался целый ряд тем, одна из которых называлась «Наши

²⁶⁸ Луначарский А.В. Искусство и молодежь.– М.,1929. С.128.

²⁶⁹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт., т.27. С.97.

²⁷⁰ Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт., т.26. С.78.

²⁷¹ СОГАСПИ. Ф.1141. Оп.7. Д.57. Л.33.

²⁷² ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.187. Л.46об.

²⁷³ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д. 178. Л. 68 – 68об.

²⁷⁴ ГАПО. Ф.1589. Оп.1. Д.2. Л.52.

²⁷⁵ ГАПО. Ф.1589. Оп.1. Д.2. Л.52.

²⁷⁶ СОГАСПИ. Ф.9388. Оп.12. Д.73. Л.28.

враги и борьба с ними»²⁷⁷. Школьный урок обществоведения по теме «Пионеры и школьники честны и правдивы; они берегут социалистическую собственность» должен был иметь примерно такое содержание: «Классовые враги – кулаки, вредители проникают на фабрики и заводы, на железные дороги, в колхозы и совхозы, кооперативы и всячески стараются там вредить и расхищать социалистическую собственность. Школьник должен разоблачать врагов Советов (дать картинки из борьбы детей с классовым врагом). Разоблачать врагов на фабриках, в колхозах, на транспорте и т.д. (Павлик Морозов и др.)»²⁷⁸. На уроке следовало уделить внимание и тому, что «среди рабочих и колхозников есть еще люди, помогающие классовому врагу: прогульщики, лодыри, воры. Надо бороться с ними (дать картинки из охраны детьми колхозного урожая и т.п.)»²⁷⁹. Учебник по истории СССР для III – IV классов за 1937 год содержал предупреждение о том, что «шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выследить фашистских агентов»²⁸⁰. В 1938 году «Комсомольская правда» настоятельно рекомендовала использовать для бесед в пионерских отрядах сборник рассказов о маленьких патриотах «Будь начеку», выпущенный «Молодой гвардией». Большое воспитательное значение данного сборника состояло в том, что «знакомясь с рассказами о маленьких патриотах советские дети будут еще больше ненавидеть врагов народа и, следуя примеру своих товарищей, будут всегда и всюду начеку»²⁸¹.

По любому предмету, изучаемому в различных учебных заведениях, учебные планы включали темы, содержание которых знакомило с классовой борьбой, с возможной враждебной деятельностью. Так, дисциплина «Русский язык», согласно учебно-производственному плану Пензенской совпаршколы на 1934/1935 учебный год, включала тему, посвященную происхождению, роли и значению языка, в рамках которой следовало рассмотреть вопрос о языке как «орудии классовой борьбы»²⁸². На занятиях по агрономии, слушатели должны были познакомиться, в том числе и с вредительством «в агротехнике со стороны остатков разбитых классов»²⁸³. Они должны были усвоить, что «использование упрощенческих теорий о мелкой пахоте, засорение полей, неувязанные с плановыми заданиями севообороты, ...» применяются вредителями²⁸⁴.

В рамках системы народного образования социально-конфронтационная направленность в деятельности властей проявлялась в том, что

²⁷⁷ СОГАСПИ. Ф.9388. Оп.12. Д.73. Л.29.

²⁷⁸ ГАПО. Ф.р-429. Д.187. Л.54.

²⁷⁹ Там же. Л.55.

²⁸⁰ Цит. по: Кудрявцев В.Н., Трусов А.Н. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 93.

²⁸¹ Комсомольская правда. 1938. 2 августа.

²⁸² ГАПО. Ф.р-420. Д.129. Л.37.

²⁸³ Там же. Л.49.

²⁸⁴ Там же. Л.50.

здесь формировался свой пантеон врагов. По словам Н.К. Крупской, «педагогика не тихая заводь, где нет никакой борьбы. Педагогика – один из важнейших участков классовой борьбы за социализм»²⁸⁵. Главным объектом борьбы советской власти и так называемых «врагов», действовавших в этой сфере, стала молодежь. Она, «не имея возможности непосредственного сравнения с прошлым, часто не осознает всех своих преимуществ»²⁸⁶. Враги в системе народного образования «противодействуют коммунистическому воспитанию учащихся»²⁸⁷. Классовый враг «делает свою ставку на отдельные прослойки учащейся молодежи, стремится сбить с толку, запутать в своих сетях»²⁸⁸. Газеты требовали «беспощадно разоблачать оппортунистов и вредителей, срывающих ликбез»²⁸⁹. Центральной задачей должно было стать «усиление борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипартийной идеологии»²⁹⁰. Таким образом, школа становится еще одной «ареной классовой борьбы»²⁹¹.

Не став в данном случае исключением из общего правила, носителями «вражеского клейма» в данном случае оказались, прежде всего, старые специалисты, ведь «старая высококвалифицированная интеллигенция в большинстве своем осталась реакционной»²⁹². Масштабные задачи, поставленные правительством в сфере образования, требовавшие ликвидации неграмотности и создания всеобщей системы обучения, делали необходимым привлечение таких специалистов. В начале 1930-х гг. решить эти задачи, задействовав только тех специалистов, которые прошли подготовку в советских учебных заведениях, не представлялось возможным. Даже в 1939 году по-прежнему все еще не хватало учителей. Только в Пензенской области накануне нового учебного года школам были необходимы еще 278 учителей²⁹³.

В числе преподавателей неизбежно оказывались не только педагоги старой школы, но также лица, не имеющие должного образования и профессиональных навыков. Приходилось констатировать тот факт, что «школы находятся в далеко неблагоприятном состоянии, идет ли речь о социально-политическом облике многих преподавателей или о качестве их работы»²⁹⁴. Газета «Средневожский комсомолец» в качестве иллюстрации недостаточной подготовки молодых педагогов, приводила следующий эпизод в одной из школ Ново-Спасского района. В заметке рассказывалось,

---

²⁸⁵ Крупская Н.К. Педагогические сочинения... т.10. С.423.

²⁸⁶ Большевик. 1935. №12. С.57.

²⁸⁷ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.58.

²⁸⁸ Большевик. 1935. №12. С.57.

²⁸⁹ Трудовая правда. 1931. 21 мая.

²⁹⁰ КПСС в резолюциях... т.5. с.357.

²⁹¹ Социалистический штурм. 1933. 1 сентября.

²⁹² СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2378. Л.15.

²⁹³ ГАПО. Ф.148. Оп.1. Д. 28. Л.59-61.

²⁹⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.76.

что молодая учительница-комсомолка «пренебрегает помощью опытного учителя», а сама «на уроке арифметики так запуталась с задачей, где фигурировали лошади и коровы, что в конце концов смущенно «пояснила» детям: «Две лошади, это так и будет две, а пять десятых... это будет только жеребенок»²⁹⁵. Некоторых подобных сотрудников учебных заведений «освобождали от работы по малограмотности»²⁹⁶. Например, на заседании президиума Керенского райисполкома в 1937 году были освобождены от работы учителя Никитина и Завьялкина за безграмотность. Никитина в диктанте из десяти слов допустила пять орфографических ошибок²⁹⁷. В 1932 году в регионе 19 тыс. учителей не имели педагогического образования. Они, как правило, имели общеобразовательный уровень в объеме 6-ти, а иногда и 4-х летки, лишь немногие из них имели семилетнее образование и 2 – 3 месячную переподготовку, после которой и были допущены к педагогической деятельности²⁹⁸.

В рубеже 1928 – 1941 гг. часто звучали заявления о том, что «в школах сплошь и рядом не обеспечивается воспитание в духе марксизма, что несомненно объясняется наличием среди педагогов некоторых слоев, чуждых нам по своей идеологии и по своим традициям»²⁹⁹. Докладная записка в губком ВЛКСМ сообщала, что в школе №6 г. Самары работает «обществовед Николаев – монархист. Он имеет в коллективе группу себе подобных. Представители этой группы заявляют, что молодежь пойдет за ними, а не за коммунистами. Это заявление при особо недоброкачественном составе данной школы имеет под собой реальную почву»³⁰⁰.

Другим расхожим обвинением в адрес старой высококвалифицированной интеллигенции было обвинение в саботаже и притеснении специалистов-коммунистов. В Самаре, профессуре медицинского факультета ставилось в вину то, что она «за последнее время чуть ли не открыто проявляет саботаж, выраженный в том, что пользуясь своим преимуществом всячески тормозит прием в клинику в качестве научных сотрудников коммунистов и лиц, лояльно относящихся к советской власти»³⁰¹. Газета «Средневожский комсомолец», рассказывая о школах Ново-Спасского района, писала о том, что в одной из школ «старые учителя травят, выживают комсомольца-педагога»³⁰².

Основной задачей должно было стать окончательное «очищение рядов работающих в советских учреждениях кадров интеллигенции и, в частно-

---

²⁹⁵ Средневожский комсомолец. 1932. 15 апреля.

²⁹⁶ ГАПО. Ф.р-429. Оп. 1. Д.178. Л.97об – 98, 140.

²⁹⁷ ГАПО. Ф.р-1937. Оп. 2. Д.6. Л.101 - 102.

²⁹⁸ ГАПО. Ф.р-1273. Оп. 1. Д.16. Л.5.

²⁹⁹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.77.

³⁰⁰ СОГАСПИ. Ф.1, оп.1. Д.2582. Л.59.

³⁰¹ СОГАСПИ. Ф.1, оп.1. Д.2378. Л.15

³⁰² Средневожский комсомолец. 1932. 15 апреля.

сти, учительства от заведомо чуждых и враждебных нам элементов»³⁰³. Для претворения этой задачи в жизнь в Среднем Поволжье постоянно поднимался вопрос об «усилении подготовки новых кадров учительства и интеллигенции вообще, в первую очередь из среды пролетариата, батрачества и трудящихся слоев крестьянства»³⁰⁴. Параллельно с этим, несмотря на остро стоящую проблему кадров, шел жесткий отсев тех, кто имел неподходящее социальное происхождение. Требования улучшить социальный состав преподавателей для первой половины 1930-х гг. стали постоянными. Например, в 1931 году за связь с кулачеством была снята с работы зав. школой села Алферовка Богомолова³⁰⁵. В 1932 году за связь с кулачеством был снят с работы в Мертовизинской школе глухонемых «школработник» Курин³⁰⁶. Из этой же школы была уволена Калинина «как лишенная избирательных прав голоса»³⁰⁷. В селе Казеевка сняли «со школработы» Галкину за связь с кулачеством³⁰⁸. Согласно распоряжению Пензенского горно от 20 февраля 1933 года, «преподавательницу Терновской школы т. Тархову за связь с чуждым элементом с работы снять»³⁰⁹. Учителя Кузьмина по распоряжению того же горно в 1935 г. сняли с работы за выполнение религиозного обряда³¹⁰. Сын кулака Дмитрий Антонов «вместе с отцом был вычищен из колхоза, но вскоре сумел устроиться зав. колхозным клубом. С этой работы его сняли как чужака. Кулацкий же последыш оказался очень изворотливым. Поступив весовщиком в колхоз, он пробрался в комсомол...»³¹¹. Согласно распоряжению Пензенского горно №32 от 22 февраля 1933 года была снята с работы руководитель детсада Сабуренкова как лишенная избирательных прав. В апреле 1933 распоряжением Пензенского горно №56 «школработницу Н. Слободской школы Демидову снять с работы как дочь раскулаченного лишенца и вместо нее назначить т. Курносову», а также «школработницу Воскресенской ШКМ Люстрову снять с работы как не справляющуюся с работой и дочь попа, вместо нее назначить Веселовскую»³¹².

Пензенский окружком например, разбирая состав преподавателей 7 школ крестьянской молодежи (ШКМ), сделал вывод о «неудовлетворительном составе преподавателей как по образовательному, партийному, так и по социальным признакам»³¹³. Этот вывод был основан на том, что из 40

³⁰³ ГАПО. Ф.54, оп.1, д.25. Л.77.

³⁰⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.77.

³⁰⁵ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.171. Л.6 об.

³⁰⁶ Там же. Л.20 об.

³⁰⁷ Там же. Л.22.

³⁰⁸ Там же. Л.28 об.

³⁰⁹ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.178. Л.45.

³¹⁰ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.198. Л.31.

³¹¹ Волжский комсомолец. 1935. 2 ноября.

³¹² ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.178. Л.45 об.- 46, 57.

³¹³ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.130.

преподавателей этих школ, только 14 человек были партийными, высшее образование имели только 13 человек, среднее – 24 и низшее – 3 человека. Несмотря на то, что рабоче-крестьянское происхождение имело значительное большинство – 29 человек, общую картину портило, с точки зрения властей, то обстоятельство, что в числе преподавателей оказалось 9 человек из семей служащих и 3 – из духовенства³¹⁴.

В 1929 г. Пензенский окружком ВКП(б) потребовал в школах крестьянской молодежи к предстоящему учебному году «пересмотреть и заменить неподходящих педагогов, укомплектовав соответствующий педагогический персонал по квалификации и социальному составу»³¹⁵. Тем более, что докладные записки в окружком извещали о том, что «учителя на 70 % – дети поповства, в большинстве живут на квартирах у попов и кулаков»³¹⁶. В 1934 г., признавая дефицит учителей, власти региона видят главный недостаток «в снижении процента приема партийцев, комсомольцев и рабочих»³¹⁷. В выписке из протокола Пензенского горкома ВКП(б) от 12 января 1935 г. о Пензенском строительном рабфаке говорится, что «подбор преподавателей проведен без должного к этому вопросу внимания, в результате чего имеются 4 человека чуждых (поповичи) по таким важным дисциплинам как история, экономика, география и литература»³¹⁸. Обращалось внимание на необходимость проверить «соцсостав педагогов во всех техникумах»³¹⁹. Их деятельность, как правило, сводилась к распространению «буржуазных» идей и ценностей среди учащейся молодежи. В Самарской школе №2 им. Октябрьской революции обществовед Тарасов «проповедовал «чистую» демократию, ведет войну против применения классового принципа при оценке учащихся, восстанавливает последних против преподавателей-партийцев...»³²⁰. В Пензенском Садово-Огородном техникуме «в пропаганде буржуазно-фашистской теории» был уличен преподаватель Воздвиженский, имевший к тому же «высшее духовное образование»³²¹. В 1937–1938 гг. исключили «из партии Смирнова А.М. (кафедра педагогики Сызранского пединститута) за пропаганду «контрреволюционных взглядов в своих лекциях, за антипартийные поступки»³²². Был снят с работы и исключен из партии секретарь парторганизации пединститута Слепков как приспешник «врага народа – за защиту двурушника Смирнова и за подрывную работу в пединституте...»³²³. Преподаватель Пензенского

---

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81 – 81об.

³¹⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.35.

³¹⁷ СОГАСПИ. Ф.1141. Оп.6. Д.21. Л.71.

³¹⁸ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.184. Л.169.

³¹⁹ Там же. Л. 73об.

³²⁰ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59.

³²¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.422. Л.109.

³²² СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.5. Л.29-33.

³²³ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.5. Л.29-33.

механического техникума Тутенков был освобожден от работы, как «допустивший ряд политических ошибок»³²⁴.

Недопустимым явлением, считался отход от установленной программы, любое проявление инакомыслия. В первую очередь это относилось к общественным дисциплинам. Здесь от преподавателей требовалось особо строгое следование программам. В Кооперативном техникуме в 1933 году, «в процессе преподавания истории ВКП(б)» были выявлены «грубые отклонения от программы и протаскивание троцкистской контрабанды. Преподаватель истории ВКП(б) упорно обходит вопросы борьбы большевизма с меньшевиками, троцкистами и контрабандистами контрреволюционного троцкизма, старается смазать сущность большевизма, дать историю партии в извращенном виде, подменять ленинизм троцкизмом»³²⁵. В Лесотехническом техникуме были зафиксированы «нарушения», допущенные зам. директора, секретарем ячейки ВКП(б) Буториным, который преподавал в техникуме обществоведение. Он объяснял студентам, что «отмирание государства у нас начинается с момента захвата власти пролетариатом, а не с момента ликвидации классов»³²⁶. Он также объяснял, что «в СССР имеется прибавочная стоимость...»³²⁷. Однако, это относилось не только к общественным дисциплинам. «Политически бдительным» необходимо было быть при объяснении любого материала, даже если это детская сказка. Например, на педагогическом совещании в Кузнецком дошкольном педучилище, состоявшемся 22 декабря 1937 года, на обсуждении результатов практики разбиралась «ошибка т. Леонтьевой», которая заключалась в том, что она на уроке «давала отрицательную оценку произведению Чуковского «Муха-цокотуха» и в тоже время разрешила использовать этот материал нашим учащимся»³²⁸.

Одной из важнейших задач в сфере народного образования на протяжении всего предвоенного десятилетия, оставалась борьба с неграмотностью. В 1920-е годы решить эту проблему так и не удалось. Вместе с тем по Среднему Поволжью отмечалось, что значительную часть мест в школах занимали переростки, количество неграмотных детей уменьшалось крайне медленно³²⁹. Постоянно ставились задачи «добиться стопроцентного охвата обучением неграмотных и полного охвата всех детей школьного возраста и подростков»³³⁰. Помимо образовательных учреждений, «все предприятия, колхозы и совхозы края должны немедленно включиться в лик-

---

³²⁴ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.394. Л.15.

³²⁵ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.384. Л.10-11.

³²⁶ ГАПО. Ф.37. оп.1. Д.474. Л.75.

³²⁷ ГАПО. Ф.37. оп.1. Д.474. Л.78.

³²⁸ ГАПО. Ф.р-1381. Оп.1. Д.30. Л.4.

³²⁹ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.15. Л.17.

³³⁰ Волжская коммуна. 1931. 21 января.

безпоход, стать в передовые колонны борцов за всеобуч»³³¹. Тем не менее, приблизиться к желаемому результату удалось лишь к концу 1930-х гг.

Процесс ликвидации неграмотности в стране принимал затяжной характер. Проникновение в ряды ликвидаторов неграмотности «враждебных элементов», зачастую фигурировало в качестве одной из основных причин, мешающих завершению процесса ликвидации неграмотности. Газеты призывали «беспощадно разоблачать оппортунистов и вредителей, срывающих ликбез»³³². В результате недостаточного внимания к классовому отбору работников, привлекаемых в качестве ликвидаторов, в их числе «оказались лишенцы и кулаки (Лунинский, Кондольский районы)», что, по мнению властей, не могло не вести к тому, что борьба за сплошную грамотность приобретала затяжной характер³³³.

Однако, были и гораздо более реальные трудности, с которыми сталкивались ликвидаторы неграмотности. Например, в 1931 году «Трудовая правда» отмечала, что «районо своевременно не заказали учебники для ликпунктов. Средства на проведение ликбезпохода поступают также очень плохо»³³⁴. В сельской местности процесс ликвидации неграмотности затягивался в связи с острой нехваткой учителей. Она была вызвана нежеланием многих педагогов ехать в деревню. Например, «Трудовая правда» в 1930 году сообщала, что в Пензе на учете биржи труда числится 30 безработных просвещенцев, и ни один из них не соглашался поехать в деревню.³³⁵ В связи с отказом они были сняты с учета. Это, по мнению газеты, было явно недостаточной мерой воздействия: «Дезертиров культурного фронта нужно клеймить позором. Нужно выгнать их из профсоюзов. Имена дезертиров нужно занести на черную доску»³³⁶. Нежелание ехать на работу в деревню приравнивалось к вредительству, к намеренному срыву всеобуча. Другими вредителями всеобуча назывались перебежчики: «Много учителей под разными предлогами бегут из сельских местностей»³³⁷. В качестве примера приводилась ситуация в Терновской школе, куда «послали учительницу Ещину. Она проработала там неделю и исчезла неизвестно куда. В Терновке школа без учителя. Учеба сорвана»³³⁸.

Нельзя не отметить тот факт, что в начале 1930-х годов в Среднем Поволжье объектами нападения со стороны крестьян очень часто становились сельские учителя, которые не только принимали непосредственное участие в реализации государственной политики в сфере образования (введение обязательного начального обучения, ликвидация неграмотности), но и яв-

³³¹ Волжская коммуна. 1931. 21 января.

³³² Трудовая правда. 1931. 21 мая.

³³³ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.347. Л.159-160.

³³⁴ Трудовая правда. 1931. 9 октября.

³³⁵ Трудовая правда. 1930. 1 октября.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.

лялись пропагандистами и защитниками колхозной политики. Учителя привлекались к организации хлебозаготовок, посевных кампаний, подписок и т.д. Например, в Ульяновском округе, в селе Хмелевка «кулаки преследовали учителя Косточкина, активно ведущего общественную работу. В селе Большая Ботуловка Самарского округа «учителя Щеколдина кулаки добились уволить», поскольку он «все время боролся против кулачества». В Ардамовском районе в селе Б. Нузмино «подожгли сарай у учительницы и подбросили анонимные письма с требованием убраться из села пока жива»³³⁹.

Конфронтационные настроения проявились и в поиске врагов среди учащихся. В первой половине 1930-х гг. к потенциальным врагам относились, прежде всего, так называемые «социально-чуждые элементы», а также их дети. В связи с этим, одной из главных задач стало улучшение социального состава учащихся и, по возможности, полная ликвидация в их среде «чуждых элементов». В первую очередь следовало создать наилучшие условия «по выдвижению рабочих, батраков и бедняков»³⁴⁰. Для этого следовало проводить энергичнейшую работу «по улучшению социального состава учащихся наших школ, и усиление контроля за комплектованием...»³⁴¹. В 1929 г. Пензенский окружком ВКП(б) признал совершенно неудовлетворительным состав учащихся ШКМ. Согласно принятой резолюции следовало «добиться решительного улучшения социального состава слушателей за счет вовлечения батраков, бедняков, колхозников (из бедноты и середняков) и в последнюю очередь середняков-единоличников, не допуская чуждый элемент – кулаков, детей попов и т.д. Там, где имеется засоренность ими через школьные организации сейчас же провести очищение...»³⁴². В Иссинской школе среди учащихся было обнаружено 3 детей лишенцев³⁴³. В Самаре, «в школе №6 им.Ломоносова учатся под именем рабоче-крестьянских детей, пользуясь всеми преимуществами таковых: дочь бывшего хлеботорговца и теперешнего спекулянта Чепорухина, дочь сельского попа – Сакина Валерия и дочь другого попа, поступившая под чужой фамилией»³⁴⁴. В 1933 году было отмечено, что «в некоторых школах Бессоновского куста на 10 % имеется детей кулаков, а учителя никакого особого внимания этому не уделяли»³⁴⁵. В 1933 году было отмечено, что в некоторых школах Бессоновского района «на 10 % имеется детей кулаков, а учителя никакого особого внимания этому не уделяли»³⁴⁶.

³³⁹ ГАСО. Ф.р-779. Оп.2. Д.553. Л.30.

³⁴⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21, 2504. Л.30.

³⁴¹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.76.

³⁴² ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81-81об.

³⁴³ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.125.

³⁴⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.

³⁴⁵ Рабочая Пенза. 1933. 26 января.

³⁴⁶ Рабочая Пенза. 1933. 26 января.

«Засоренность» школ связывалась с «засоренностью социально-чуждыми элементами» отделов народного образования. Например, в руководящем составе губоно таковым оказался юрист отдела опеки, Попов. Он «бывший туз Самарской Земской управы, усердный сторонник колчаковства». Теперь он «ведет покровительственную политику в опеке по отношению к антисоветским элементам». В результате, «последнее время участились случаи протаскивания попами и кулачеством своих детей в учебные заведения под чужими фамилиями и по подложным документам»³⁴⁷.

В 1929 году согласно распоряжению облисполкома следовало исключить «студентов 1 и 2 курсов, скрывших при поступлении социальное положение и предоставивших подложные документы»³⁴⁸. При этом необходимо было «организации, выдавшие документы, привлечь к ответственности»³⁴⁹. По Мордовскому округу была отмечена «выдача сельсоветами документов социально-чуждым элементам». Парторганизациям было предложено «проверить имевшие место случаи и виновных привлечь к ответственности»³⁵⁰. В 1932 г. по итогам обследования Пензенского Лесотехнического института был признан «неудовлетворительным социальный состав студентов /рабочих и их детей 47,3 %/, явившийся результатом слабой работы дирекции и партколлегии в предпринятый и приемный период»³⁵¹. В 1934 г. Пензенскому художественному техникуму было предъявлено требование «пересмотреть личный состав студентов и очистить техникум от пролезших туда социально и разложившихся элементов»³⁵². По Лесному техникуму отмечено, что «набор на I курс проведен неудовлетворительно, с точки зрения социального отбора, что ведет к засорению техникума враждебным элементом»³⁵³. Для исправления сложившегося положения в Лесном техникуме было предложено «пересмотреть состав всех учащихся под углом выявления социально-чуждых и случайно попавших в техникум элементов и очистить от них техникум»³⁵⁴.

Признавалось совершенно недопустимым, что учебные заведения «гораздо полнее обслуживают детей служащих и даже буржуазных элементов, чем детей пролетариев и бедноты»³⁵⁵. Правда, приходилось признавать, что улучшение социального состава часто достигалось в «значительной степени за счет понижения академических требований, предъявляемых к поступающим» в учебные заведения³⁵⁶. Тем не менее, «отсев чуждых элемен-

³⁴⁷ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.

³⁴⁸ ГАСО. Ф. р-779. Оп.2. Д.532. Л.195.

³⁴⁹ Там же. Л.195.

³⁵⁰ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.6. Л.101-102.

³⁵¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.324. Л.35об.

³⁵² ГАПО. Ф.37. Оп.1, 394. Л.15.

³⁵³ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.422. Л.6.

³⁵⁴ Там же. Л.10.

³⁵⁵ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.25. Л.76.

³⁵⁶ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.6. Л.101-102.

тов», по мнению властей, в целом благоприятно влиял на общее состояние дел в народном образовании. Например, в 1929 г. Пензенское окроно в докладе о состоянии сельскохозяйственного образования в округе, отмечая произошедшие изменения в социальном составе техникумов, сообщал, что «с улучшением социального состава заметно улучшилось и настроение учащихся, и интерес к учебе»³⁵⁷.

В ответ на проводимую политику, многие пытались скрывать компрометирующие их семейные связи. Только тогда они могли рассчитывать и на получение образования, и на возможность карьерного роста. Однако, это удавалось далеко не всегда и не всем. Один из лишенцев обратился с письмом в Наркомпрос РСФСР, в котором жаловался на безвыходность ситуации: «Я обращаюсь к вам, чтобы указать, в каком тупике находится значительная часть нашей учащейся молодежи, волею случая имеющая родителей «с прошлым». Что делать? Куда идти?... Пути дальше нет. Греки, не то римляне убивали хилых детей, чтобы избавить их ожидаемых страданий. Не следовало ли родителям «с прошлым» поступать также?»³⁵⁸. Ссылный священник П.И. Новосельский обратился с письмом к А.В. Луначарскому в котором просил дать возможность дочери получить высшее образование: «...подавала она в Университет, в Педагогический институт, но ее не только не допустили к экзамену, но даже не приняли от нее документы»³⁵⁹.

В середине 1930-х годов наметилось некоторое отступление от практики преследования и дискриминации людей по причине наличия «порочащих» родственных связей. И.В. Сталин провозгласил, что «сын за отца не отвечает»³⁶⁰. Вслед этому заявлению последовали и другие, в которых говорилось о том, что нельзя преследовать человека только из-за его происхождения. А. Сольц обращал внимание на то, что очень важно снять с человека клеймо его прошлого: «Родившийся от кулака не виноват в этом, так как он не выбирал своих родителей. Поэтому и говорят сейчас: не преследовать за происхождение»³⁶¹. Однако, эта политика отступления продолжалась недолго. И вскоре на семью вновь была распространена коллективная ответственность.

Результатом такой политики стало стремление людей, имеющих «неподходящее» социальное происхождение, скрывать его и пытаться миновать препоны под видом пролетариев или крестьян-бедняков увеличивая свои шансы на получение образования и на возможность карьерного роста. Однако созданная властью система «социального фильтра» работала до-

---

³⁵⁷ Цит. по: Культурное строительство в Пензенском крае. 1917-1938 гг. Документы и материалы. Саратов, 1986. С.242.

³⁵⁸ РГАСПИ. Ф.142. Оп.1. Д. 515. Л.61.

³⁵⁹ РГАСПИ. Ф.142. Оп.1. Д. 55. Л. 51.

³⁶⁰ Комсомольская правда. 1935. 8 февраля.

³⁶¹ Советская юстиция. 1936. №21. С.8.

вольно эффективно. Например, из Пензенской совпартшколы в 1935 году был исключен Ефремов Трофим Филатович, «за сокрытие социального происхождения, как выходец из кулацкой семьи»³⁶². Курсант Никишин был исключен «за сокрытие ссылки на 10 лет, за вредительство в колхозе своего отца...»³⁶³. Курсант Ежков был отчислен как «выходец из семьи, отец его был расстрелян за участие в бандитизме»³⁶⁴. Были отчислены курсантки Щербакова и Волошина. Они были исключены как классово-чуждый элемент: «Щербакова – дочь бандита, Волошина – дочь раскулаченного»³⁶⁵. Курсантка II курса Пензенской совпартшколы Вяткина была исключена за связь с чуждым элементом³⁶⁶.

Другую группу «врагов» составили те, кто по каким-либо причинам не вписывался в рамки складывающейся системы. Ими оказывались те, кто проявлял инакомыслие, позволяя себе «антисоветские» высказывания. Например, были зафиксированы следующие высказывания учащихся: «Сталин как царь», «Сталина надо убить»³⁶⁷. Приходилось констатировать и «наличие у отдельных учащихся упаднических настроений», которые выражались в подаче «записок и вопросов, свидетельствующих о сомнениях в успехах социалистического строительства», были зафиксированы также «разговоры об увеличении голодающих, об отсутствии прироста населения и т.д.», о том, что «у нас не диктатура пролетариата, а диктатура партии и пр.»³⁶⁸.

Многие из этих «антисоветских высказываний и выпадов» были порождены вполне объективными причинами. Как правило, на первом месте в этом ряду стояло тяжелое материальное положение учащихся. Например, студент Лесотехнического техникума Белов обвинялся в ведении контрреволюционной агитации, поскольку заявлял, что «советская власть стремится голодом уморить студентов» и говорил, что «необходимо бороться против этого»³⁶⁹. В сводках отмечалось, что в том же Лесотехническом техникуме и другие учащиеся выражали недовольство снабжением, а также тем, что администрация учебного заведения не принимает никаких мер для того, чтобы улучшить положение³⁷⁰. В Пензенском художественном училище были отмечены случаи заболевания цингой. Отмечалось, что студенты «питаются крайне плохо: хлеб и кипяток»³⁷¹. Условия жизни в общежитии художественного училища оставляли желать лучшего: «Общежитие требу-

---

³⁶² ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.214.

³⁶³ Там же. Л.213.

³⁶⁴ Там же. Л.145.

³⁶⁵ Там же. Л.145.

³⁶⁶ Там же. Л.43.

³⁶⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.384. Л.28.

³⁶⁸ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.422. Л.19.

³⁶⁹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.384. Л.77.

³⁷⁰ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.474. Л.74.

³⁷¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.474. Л.92.

ет ремонта, грязно, неудобно, нет комнаты отдыха... На кроватях одеяла грязные, простыни не у всех и если есть, то по одной смене, у многих нет подушек, а если есть, то без наволочек. Клопы, пыль...»³⁷². Подобные условия естественно порождали «нездоровые» настроения среди учащейся молодежи. Руководство училища впоследствии за такое «пренебрежительное отношение к бытовым условиям студентов» было обвинено «в преступном отношении к бытовым нуждам студенчества»³⁷³.

В механическом техникуме при заводе №50 им. М. Фрунзе группа учащихся «подвергала сомнению достижения партии в области улучшения материально-бытового положения трудящихся, критиковала руководство ЦК и т. Сталина»³⁷⁴. Из Пензенской совпартшколы в 1935 году был исключен учащийся Соколов «за антисоветскую вылазку». Тем же приказом был исключен учащийся той же группы, Рязанов «за примиренческое отношение «к вылазке» Соколова»³⁷⁵. В Пензе, в совпартшколе, курсант 4-й группы Шаббат выступил в «беседе с группой студентов и на собрании с клеветой на социалистическое общество, с прямым призывом к отказу от построения социализма как эпохи в которой нечего будет есть»³⁷⁶. Подобные заявления, как враждебные по сути, не должны были оставаться безнаказанными. Курсант 2 группы Адушев «за проявление политической близорукости в деле выявления антисоветской вылазки Шаббат», также был исключен³⁷⁷. В таких случаях от комсомольских и партийных органов требовалась немедленная реакция. В совпартшколе реакция комитета комсомола оказалась недостаточно оперативной, за что члены комитета были обвинены в том, что к этой «антисоветской-троцкистской вылазке курсанта» отнеслись как «ничего не значащему, являющегося просто шуткой»³⁷⁸. Результатом стало не только исключение самого курсанта, но и увольнение членов комитета комсомола с работы с выговорами³⁷⁹. В 1935 году антисоветские настроения были выявлены в стенах Пензенского строительного рабфака. Там «на поручение сделать рамки на портреты вождей студент Васильев ответил – всем сделаю, а Сталину не буду»³⁸⁰. В Пензенской фармшколе «в одной из аудиторий» были обнаружены «контрреволюционные надписи, учиненные неизвестно кем на портретах Сталина и Ленина. На портрете Сталина написано карандашом и мелом «гад». На портрете Ленина была сделана надпись простым карандашом: «Ленин и Сталин, вас

---

³⁷² Там же.

³⁷³ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.620. Л.150.

³⁷⁴ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.422. Л.22.

³⁷⁵ ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.177.

³⁷⁶ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.477. Л.7.

³⁷⁷ ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.174.

³⁷⁸ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.477. Л.7.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.184. Л.169.

все равно расстреляют»³⁸¹. В связи с этим, директор фармшколы Муценюк была обвинена начальником Пензенского горотдела НКВД Филипповым, в том, что она «афишировала контрреволюционные надписи на портретах». Филиппов писал, что «вместо того, чтобы снять портреты и доставить нам для рассмотрения и установления подчерка на предмет выявления лица, учинившего указанные контрреволюционные надписи, приказала студентам стереть надписи, что и было сделано. Одновременно с этим т. Муценюк созвала общее комсомольское собрание, где информировала присутствующих о происшедшем...»³⁸².

От комсомольцев в первую очередь требовалось наличие таких качеств как бдительность, непримиримость и беспощадность к врагам, в том числе и в стенах учебных заведений. О тяжелых последствиях утраты этих качеств постоянно напоминала пресса. «Средневожский комсомолец» писал, что «многие школьные ячейки ослабили классовую бдительность и борьбу за чистоту марксистско-ленинского воспитания новых кадров, что дало возможность проникнуть в стены школы классово-чуждым антипролетарским настроениям»³⁸³. Это же требовалось от работников школ. На конференции учителей г. Пензы и района 22 августа 1934 года в качестве примера недостаточной бдительности со стороны руководства школы, рассматривался случай в школе №8. Там, заведующая т. ИONOVA «не обращала внимания на стенную газету, в которой были написаны похабные слова, в портрете т. Сталина были проколоты глаза, родители заметили нецензурщину, сказали заведующей. Она газету сожгла, а проработку этого вопроса провела с детьми еще через 5 дней после того, когда это дело дошло до горкома комсомола»³⁸⁴.

В связи с тем, что школа в 1930-е годы превратилась в еще одну «арену классовой борьбы», необходимо было «хорошенько смотреть за врагом». Это провозглашалось долгом учителя, «ибо он – хозяин советской школы»³⁸⁵. В Пензе в 1932 году на общегородском слете ударников-студентов и преподавателей техникумов было отмечено, что «в ряде техникумов имеется явная недооценка вопросов классовой борьбы в школе, возможных вылазок классово-чуждых элементов». В их числе оказались Садово-Огородный, Кооперативный, Лесной, Механический техникумы³⁸⁶.

Снижение дисциплины и увеличение количества прогулов в учебных заведениях рассматривалось как «проявление одной из форм классовой борьбы со стороны враждебных нам классов»³⁸⁷. В раппорте педагогиче-

³⁸¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.965. Л.7.

³⁸² Там же. Л.77.

³⁸³ Средневожский комсомолец. 1932. 15 сентября.

³⁸⁴ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.187. Л.7об.

³⁸⁵ Социалистический штурм. 1933. 1 сентября.

³⁸⁶ ГАПО. Ф. р-429. Оп.1. Д.179. Л.102.

³⁸⁷ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.324. Л.36.

ского техникума городскому слету ударников техникума от 12.04.1933 указывалось, что имевшиеся в нем «дезертирства с учебы /Новиков, Чижов, Шамшин/» были совершены «под влиянием пропаганды классового врага, сеющего право-оппортунистские настроения»³⁸⁸. «Вражеская рука» усматривалась в «хулиганских выходках», «грязных надписях», в «ходившем среди учащихся антисоветском анекдоте». «Было бы неправильным объяснить это только озорством. Нет. Тут чувствуется направляющая рука классового врага. Это не просто избыток жизни в озорстве, а проявление чуждого нам влияния на школьников»³⁸⁹. За «рассказ антисоветских анекдотов» из Совпартшколы был исключен учащийся Обусков Георгий Андреевич. Ему вменялось в вину «антисоветская агитация» в стенах школы³⁹⁰.

Образовательные учреждения должны были стать барьером, ограждающим подрастающее поколение от нежелательного влияния. Школе, прежде всего, следовало противостоять «вредному домашнему влиянию». Она должна была не допустить распространения среди учащихся предрассудков и классово-чуждых настроений, носителями которых могли быть родители. На конференции учителей г. Пензы и района, состоявшейся 22 августа 1934 года, один из выступающих обращал особое внимание на то, что в противовес школьному воспитанию бывают вредные домашние влияния, когда всплывают старые предрассудки и ведет агитацию классовый враг». Школа призвана, таким образом, вести «борьбу с вредным влиянием среды», что само по себе являлось одним из направлений борьбы за построение социалистического бесклассового общества.³⁹¹ Любой срыв «в воспитательной работе дает козырь в руки нашего классового врага, который хорошо его использует», – говорилось в докладе, посвященном работе классного руководителя, и прозвучавшего на конференции просветителей г. Пензы и района, которая состоялась 24 августа 1935 года³⁹².

Наибольшую опасность в этом отношении представляла религия. В Пензе «антирелигиозное воспитание в школе начало проводиться как опыт с 1 октября 1928 года. В связи с этим при всех городских школах II ступени и почти при всех техникумах организованы кружки-ячейки союза безбожников»³⁹³. Кроме того, «во всех школах II ступени города введена увязка программ с антирелигиозным воспитанием»³⁹⁴. В период антирождественских кампаний среди учащихся школ, техникумов, рабочих курсов проводятся мероприятия «по снятию икон в их семьях», «выявляют родителей с религиозными настроениями и составляют конкретный план разъясни-

³⁸⁸ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.179. Л.15.

³⁸⁹ Социалистический штурм. 1933. 1 сентября.

³⁹⁰ ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.216об.

³⁹¹ ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.187. Л.8.

³⁹² ГАПО. Ф.р-429. Оп.1. Д.203. Л.8.

³⁹³ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.13.

³⁹⁴ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.170. Л.13

тельной работы с ними»³⁹⁵. Школьники, учащиеся техникумов, студенты были основными посетителями Пензенского антирелигиозного музея. Его посещали даже воспитанники детских садов. Например, 11.01. 1934 года в музее провели экскурсию для «воспитанников детского сада «Красные всходы» в количестве 25 человек». 3.04. 1934 года состоялась экскурсия пионеров 4 школы им. КИМ. В ней приняли участие 120 человек. Согласно записи, оставленной пионервожатой Стрыгиной: «Пионеры разбирались в обмане, которые проводят попы с целью наживы». На такие экскурсии приезжали и из районных школ, иногда школьники приходили и без преподавателей³⁹⁶. Активная антирелигиозная работа, проводившаяся среди молодежи и школьников, должна была оградить от реакционного влияния «наименее устойчивые группы молодежи»³⁹⁷. В газете «Рабочая Пенза» приводились «позорные факты», ставшие следствием плохо поставленной антирелигиозной пропаганды: «Студенты некоторые поют в церковном хоре... Некоторые комсомольцы исполняют религиозные обряды или безразлично относятся к тому, что в их доме висят иконы, а родные являются верующими»³⁹⁸.

Во второй половине 1930-х гг. было признано, что «классы в нашей стране ликвидированы», и соответственно «обстановка, в которой воспитываются теперь дети, изменилась коренным образом»³⁹⁹. Тем не менее, «из этого вовсе не следует, что дети вырастают свободными от чуждых влияний. Поднимутся новые города, потекут вспять реки, оживут пустыни, но не скоро еще исчезнут в сознании пережитки прошлой эпохи... Тысячами путей они могут проникнуть в сознание ребенка»⁴⁰⁰.

Дети вполне могут перенять от родителей антисоветские взгляды и настроения. Например, в одной из сельских школ 21. 02. 1937 работница школы Давыдова А.С. проводила с учениками беседу по случаю смерти Орджоникидзе. В конце беседы ученик Ларин Борис в возрасте 14 лет, сын колхозника, заявил: «Ну и что же, умер Орджоникидзе. Плакать не будем, а если б даже умер сам Сталин, так плакать тоже бы не стали». После этих слов ряд учащихся подняли смех, в результате беседа была сорвана». Это заявление школьника было расценено как «антисоветское, направленное против вождей партии». Также было признано, что заявление было сделано под влиянием матери Потаповой-Лариной. Она «по социальному происхождению из крестьян-середняков, так же настроена». На общем собрании

---

³⁹⁵ ГАПО. Ф. р-420. Оп.1. Д.77. Л.22.

³⁹⁶ ГАПО. Ф. р-1976. Оп.1. Д.3. Л.3– 19.

³⁹⁷ Рабочая Пенза. 1937. 21 марта.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Правда. 1936. 7 апреля.

⁴⁰⁰ Там же.

5.02. 1937 заявила: «Нас советская власть грабит и мы скоро будем с голоду пухнуть»⁴⁰¹. Задачей школы было не допустить подобных явлений.

Оградить молодежь от всякого рода «вредного» и «враждебного влияния», в том числе домашнего, были призваны пионерская и комсомольская организации. Они должны были объединять наиболее сознательную, активную часть молодого поколения страны, всецело преданного идеалам коммунизма. Их задачей было привлечение молодежи к непосредственному участию в строительстве нового общества. Им отводилась немаловажная роль в процессе воспитания «нового человека». По мнению Н.К. Крупской, пионерская организация «создает новых людей – ребят с коллективистическими переживаниями, с коллективистической мыслью...»⁴⁰². Она отмечала, что пионерское движение «захватывает ребят в том возрасте, когда только еще складывается человек, развивает общественные инстинкты ребят, помогает выработке у них общественных навыков, выработке общественного сознания. Оно ставит перед ребятами великую цель, которая выдвинута переживаемой эпохой, за которую борется рабочий класс всего мира. Цель эта – освобождение трудящихся, организация нового строя, где бы не было разделения на классы, не было бы никакого угнетения, эксплуатации и все люди жили бы полной, счастливой жизнью»⁴⁰³. Улучшение работы этих организаций считалось «частью наступления на капиталистические элементы в нашей стране, ибо выбивают из-под влияния классовых врагов такой человеческий материал, который вступая в ряды пролетарской организации будет активно продолжать дело борьбы с врагами пролетарской диктатуры, дело создания коммунистического общества»⁴⁰⁴. В связи с этим, одной из основных задач этих организаций было расширение своих рядов.

Под пристальным вниманием как пионерской, так и комсомольской организаций оказывалась жизнь подрастающего поколения не только в стенах учебных заведений, но и вне них. Более того, за счет многочисленных мероприятий, организуемых пионерскими и комсомольскими активами, свободное время молодежи сводилось к минимуму. Вернадский отмечал, что «комсомольцы – под непрерывным надзором, лишаются свободы распоряжаться собою, вмешиваются в мелочи и крупное жизни»⁴⁰⁵.

Недостаточное внимание, уделяемое воспитательной работе со стороны партийных и комсомольских ячеек, приводило, как было заявлено на заседании секретариата Пензенского ГК ВКП(б) 22 апреля 1932 г., к наличию у ряда студентов «антиобщественных», а иногда и «антисоветских проявлений», что выражалось «в виде пьянки, хулиганства, ненормальных

⁴⁰¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.965. Л.30-33.

⁴⁰² Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10-ти тт. М., 1957. Т.2. с.198.

⁴⁰³ Крупская Н.К. Педагогические сочинения, т.5. С.103.

⁴⁰⁴ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.4. Д.12. Л.177-179.

⁴⁰⁵ Вернадский В.И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. №3. С.243.

взаимоотношений между мужской и женской частью студентов, антисоветской критики, проводимых мероприятий, партийными и советскими властями...»⁴⁰⁶.

Несмотря на то, что развитию системы народного образования уделялось достаточно много внимания в 1920 – 1930-е годы, полностью ликвидировать неграмотность к концу 1930-х годов не удалось. Не только в деревнях, но и в городах сохранялась значительная доля неграмотных, либо малограмотных. Например, только в самой Пензе в 1938 году насчитывалось 3095 человек неграмотных и 5339 человек – малограмотных⁴⁰⁷. По данным Керенского райисполкома в 1939 году среди призывников оказалось 12 человек неграмотных и 52 – малограмотных⁴⁰⁸.

Власть стремилась к переделке человека в соответствии со своей идеологией, ставила задачу конструирования нового типа личности. Предложенная большевиками программа имела целью переделку всего этноса: новый советский человек по сути дела был лишен национальной основы и национальных корней. До середины 1930-х гг. в обществе поощрялись пролетарские, социалистические, интернациональные характеристики, национальное же сводилось в основном к этнографии. Правда, никакой цельной рациональной концепции нового человека тоталитарные режимы не создавали.

Тем не менее, в массовом сознании утверждалась мысль о том, что с победой социализма можно говорить и о появлении нового человека. Индивид должен был постоянно испытывать чувство вины из-за неспособности соответствовать образу нового человека и поэтому находиться в неоплатном долгу перед государством⁴⁰⁹. А соответствовать этому образу было сложно. По словам одного из авторов, «социалистическая действительность воспитывает в людях подлинно человеческие черты характера: прямоту, честность, смелость, искренность, преданность партии и делу социализма, нетерпимость ко всяким проявлениям лжи, двурушничества, обывательщины, пошлости – воспитывает товарищескую чуткость и внимание к людям, благородство, потребность неустанно работать над собой, дисциплинированность, активность и т.д.»⁴¹⁰.

Парадокс состоит в том, что модель идеального существования возводилась на несовершенстве человеческой природы, но это несовершенство прикрывается фикцией «нового человека». «Если принимать человека, то надо принимать его не таким, как хочется видеть через тысячу лет, а таким,

---

⁴⁰⁶ ГАПО. Ф. р-429. Оп.1. Д.179. Л.119.

⁴⁰⁷ ГАПО. Ф. 37. Оп.1. Д.703. Л.16 - 20.

⁴⁰⁸ ГАПО. Ф. р-1937. Оп.1. Д.22. Л.7.

⁴⁰⁹ СОГАСПИ. ф.1141. Оп.2. Д.43. Л.202.

⁴¹⁰ Спутник агитатора. 1935. №18. С.54.

как он есть. Всякая революция потому кончается реакцией, что не хочет признавать человека, как он есть»⁴¹¹.

Образ нового человека тщательно лепили, используя, что называется, исходный материал, т.е. придавая черты человека будущего, равнодушного к бытовым трудностям и думающего только об общем благе⁴¹².

Новый человек должен был отличаться от «старого» и копировать героев-революционеров в их отказе от человеческих чувств во имя абстрактных идей, что ярко видно из материалов, хранящихся в архивах. В первую очередь, это относится к отречениям от родственников, имеющих неподходящее социальное происхождение или запятнавших себя участием в антисоветских выступлениях. Эти отречения иногда публиковались в газетах. Например, в «Известиях» было помещено краткое объявление некоего Юрия Михайловича: «Отрекаюсь от своего отца, священника»⁴¹³. Отказ от навязываемой модели поведения мог привести к достаточно серьезным осложнениям. Например, «комвзвода Щеголев Петр происходит из семьи священнослужителя. Мать выслана из пределов Края органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность». В связи с тем, что «Щеголев Петр от родителей своих не отказался», областной исполнительный комитет Мордовской автономной области пребывание комвзвода Щеглова в рядах РККА считает нежелательным»⁴¹⁴.

Человек нового общества должен был испытывать «горячую любовь к трудящемуся человечеству, прекрасное чувство заботы и товарищества ко всякому члену трудового народа. В тоже время эти чувства у настоящего большевика соединяются со страстной ненавистью к классовому врагу, воодушевляют нас на беспощадное уничтожение контрреволюционных преступников и бандитов, служащих капиталу. Товарищество – к братьям по классу и делу, революционная бдительность – по отношению к двурушникам, перерожденцам, контрреволюционерам, осколкам кулачества и др. – это два неразрывных, неотъемлемых друг от друга черты характера сознательного и активного строителя бесклассового социалистического общества»⁴¹⁵.

В XX веке благодаря научно-техническому прогрессу широкие слои населения получили доступ к информации. Высокий уровень развития техники и технологий, сделал возможным передачу информации на значительные расстояния. И что особенно важно, стало возможным ее массовое тиражирование.

Информационная функция, которую выполняют средства массовой информации, становится отнюдь не приоритетной. Первоочередное значе-

⁴¹¹ Пришвин М. И. Дневники 1931-1932 гг. // Октябрь, 1990. № 1. С.23.

⁴¹² Рабочая Пенза. 1935. 4 мая.

⁴¹³ Известия. 1930. 24 февраля

⁴¹⁴ ГАСО. Ф.р-779. Оп.2. Д.825. Л.132.

⁴¹⁵ Спутник агитатора. 1935. №18. С.53.

ние приобретает способность средств массовой информации влиять на сознание масс, внедряя определенные идеи, мифы, установки и ценности. Пресса становится еще одним и при этом очень эффективным «орудием борьбы за лучшее будущее»⁴¹⁶.

В 1920–1930-е годы к наиболее распространенным средствам массовой информации можно отнести печать и радио. У них были как свои достоинства, так и недостатки. Радио, несомненно, имело ряд несомненных преимуществ перед прессой. Прежде всего, оно могло охватить гораздо более широкую аудиторию, нежели пресса. Немаловажным обстоятельством было и то, что в сферу его влияния попадала неграмотная и малограмотная часть населения, которая все еще составляла достаточно значительную часть общества. Радиопередачи обладали и гораздо более сильным эмоциональным воздействием, нежели газетные и журнальные публикации. Учитывая это, в течение всего предвоенного периода постоянно поднимался вопрос о «расширении сети радиоустановок и использовании радио в массовой работе»⁴¹⁷.

При установке радио иногда случались и столкновения с населением, которые зачастую носили достаточно курьезный характер. Например, в одном из сел Самарского округа «установка радио с натяжкой на колокольню антенны» вызвала «столкновения наших работников с населением, в результате которых нашим работникам пришлось позорно бежать из села»⁴¹⁸. Причина этих столкновений, несомненно, заключалась в оскорблении религиозных чувств жителей. Однако, в сводке акцент был сделан на других причинах: на отсутствии разъяснительной работы среди бедноты и середняков, на активном участии в выступлении кулаков. Последние и фигурировали в качестве инициаторов выступления⁴¹⁹.

Для того, чтобы добиться оптимального использования радио в пропагандистских целях, следовало проводить «широкую разъяснительную работу среди партийного, комсомольского и беспартийного актива об использовании радио для самообразования и массовой политической работы, добившись систематического слушания радио»⁴²⁰. В тоже время от работников радио требовалось «взять большевистский темп в своей работе», чтобы радио стало «одним из важнейших факторов борьбы на культурном фронте»⁴²¹.

Несмотря на все очевидные преимущества и достоинства радио, радиофикацию существенно затрудняла недостаточно развитая техническая база. Эта проблема так и не была окончательно решена. К тому же, ситуа-

---

⁴¹⁶ Под знаменем ленинизма. 1927. №18. С.5.

⁴¹⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.9.

⁴¹⁸ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2206. Л.56.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.422. Л.6.

⁴²¹ Рабочая Пенза. 1933. 12 января.

ция осложнялась тем, что в рамках периодически проводившихся радиопроходов приходилось не только устанавливать новые радиоточки, но и восстанавливать уже имеющиеся⁴²². Средств на оборудование новых радиоточек постоянно не хватало. Только в Пензе было отмечено, что «поступает по 10–15 заявок на новые установки, но в распоряжении узла нет материалов, чтобы удовлетворить хоть одну заявку»⁴²³. В результате, в городе многие «улицы и парки не радиофицированы»⁴²⁴.

В связи с тем, что о полной радиофикации говорить было пока преждевременно, ведущая позиция в средствах массовой информации по-прежнему принадлежала печати.

Печать рассматривалась «как орудие мобилизации масс в деле социалистического строительства...»⁴²⁵. Большое значение придавалось и «воспитанию масс через периодическую печать»⁴²⁶.

Важным условием эффективного использования средств массовой информации в качестве одного из средств манипуляции массовым сознанием выступает монополия власти на информацию. В 1920 – 1930-е годы она обеспечивалась путем установления жесткого партийного контроля. В том числе, и со стороны местных партийных органов власти. Примером подобного контроля может послужить постановление, принятое на заседании секретариата Пензенского губкома ВКП(б) 31 января 1928 г., где было «жестко определено о чем писать»⁴²⁷. Согласно этому постановлению в обязательном порядке следовало: «а) систематически пропагандировать коллективизацию сельского хозяйства; б) систематически пропагандировать и популяризировать восстановление и переустройство сельского хозяйства на основе пятилетнего плана; в) максимально увеличить внимание к вопросам практической хозяйственной политики в деревне». Ставились также следующие задачи: «борьба с «ревнивыми» настроениями крестьянства по отношению к городским рабочим, путем освещения действительных условий жизни рабочих и их достижений; борьба с паникерскими настроениями и всякого рода слухами: «обещание войны», «предстоящий голод» и т.д.»⁴²⁸.

В 1935 году в целях усиления контроля за содержанием печатных изданий, Куйбышевский крайком постановил «предложить отделу печати и издательства крайкома наладить регулярный, обязательный просмотр каждого номера всех районных газет и рассылку обзоров секретарям райко-

---

⁴²² Рабочая Пенза. 1933. 12 января.

⁴²³ Волжская коммуна. 1936. 17 марта.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ КПСС в резолюциях... т.5. С.130.

⁴²⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.45.

⁴²⁷ ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.1671. Л.39-40.

⁴²⁸ Там же.

мов»⁴²⁹. В 1930-е годы на страницах газет и журналов не было места «случайной информации»⁴³⁰.

Однако, помимо этого, следовало соблюсти еще ряд немаловажных условий. Прежде всего, население должно быть полностью лишено доступа к прочим, неконтролируемым источникам информации. Отсутствие альтернативных источников информации делает возможным ее систематическое замалчивание, а также сознательное искажение. В результате, по словам посетившего Советский Союз Романа Роллана, советские трудящиеся «не могут иметь верное представление о состоянии дел в мире, выходящем за пределы их страны»⁴³¹. «Я убедился, – писал в своем дневнике Р. Роллан, – что они склонны недооценивать – и порою даже чересчур – жизненные силы других народов. Даже если капиталистические правительства и режимы являются их врагами, нельзя недооценивать их жизнеспособность. Миллионы честных советских тружеников твердо верят, что все лучшее, что у них есть, создано ими самими, а остальной мир лишен этих благ (школы, гигиена и т.д.). У молодежи нет возможности свободно сопоставлять свои интеллектуальные достижения и мысли с достижениями их товарищей на Западе»⁴³².

Еще одним условием было абсолютное доверие, которым должны были пользоваться официальные источники информации у населения. Прессу следовало считать своего рода связующим звеном между властью и народом, поскольку именно в ней «советская власть ежедневно и ежечасно обсуждает с широкими слоями рабочих и крестьян самые разнообразнейшие вопросы хозяйственного строительства и пролетарской ответственности»⁴³³. Эта безоговорочная вера должна была основываться на том, что в советском обществе «нет и не может быть той грани, которая существует в буржуазном обществе между людьми, делающими газету и читающими ее. У нас пишут в газеты и читают эти газеты одни и те же люди – массы трудящихся, творцы нового общественного строя...»⁴³⁴. Это утверждение имело вполне реальное основание. Авторами многих публикаций в это время были рабселькоры. Они занимались журналистикой на общественных началах. Именно благодаря «тысячам нервов, – рабкоров и селькоров, – она (печать – Н.М.) связана с самой широкой массой трудящихся Союза»⁴³⁵.

Власти покровительствовали рабселькоровскому движению на всем протяжении 1920-х гг. и в первой половине 1930-х гг. Особенно широкие возможности предоставлялись рабселькорам в районной прессе, лицо ко-

---

⁴²⁹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.424. Л.246-247.

⁴³⁰ Волжская коммуна. 1936. 17 марта.

⁴³¹ Роллан Р. Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. №5. С.24.

⁴³² Там же. С.25.

⁴³³ Под знаменем ленинизма. 1927. №18. С.3.

⁴³⁴ Сталинское знамя. 1939. 5 мая.

⁴³⁵ Под знаменем ленинизма. 1927. №18. С.4.

торой они, собственно говоря, и определяли. В Постановлении ЦК ВКП(б) о перестройке рабселькоровского движения от 16 апреля 1931 г. говорилось, что «рабселькоры становятся под руководством партии организаторами масс для дела социалистического строительства, выполнения производственных планов и развернутого наступления на классовых врагов»⁴³⁶. На Самарском слете рабкоров в 1931 г. было организовано их «коллективное вступление в партию Ленина». «Место каждого рабкора-ударника в партии Ленина», – писала по поводу этого события газета «Волжская коммуна»⁴³⁷. Постоянно поднимался вопрос о расширении рабселькоровского движения, о привлечении к работе все новых непрофессиональных журналистов. Поэтому любое снижение «активности работы, числа рабселькоров», расценивалось как негативное явление⁴³⁸. В качестве очередной задачи рабселькоровского движения фигурировала и необходимость более широкого привлечения к работе на этом направлении женщин. «Трудовая правда» обращала особое внимание на то обстоятельство, что «женщин-рабселькорок только 19»⁴³⁹.

И рабселькоры, и профессиональные журналисты должны были занимать активную позицию, выполняя функции организаторов, пропагандистов и агитаторов. Один из самых известных советских журналистов, М. Кольцов писал о работе своих коллег: «За год работы полчище советской печати было в непрестанном походе. Ни один день не был упущен, ни одна точка обстрела не оставлена без внимания, ни один уголок, интересный для освещения, не был оставлен в тени. Живое, бодрое, боевое племя большевистских газетчиков и рабкоров находится в непрерывном движении и действии»⁴⁴⁰.

В рассматриваемый период работники печати часто выступали и в качестве инициаторов различных кампаний и начинаний, и в качестве их пропагандистов. В 1929 году рабкоры стали инициаторами сбора средств в фонд тракторизации Среднего Поволжья⁴⁴¹. В 1931 году в «Трудовой правде» было заявлено о необходимости перевести работу рабселькоров на ударные методы. Они должны были стать активными участниками и проводниками соцсоревнований, организаторами и руководителями ударных бригад, и так далее. Кроме того, от них требовалось стать организаторами движения «за 2 миллионный тираж центрального органа компартии «Правды»⁴⁴². В 1933 году «Рабочая Пенза» предложила организовать в

---

⁴³⁶ КПСС в резолюциях... т.5. С.285.

⁴³⁷ Волжская коммуна. 1931. 17 января.

⁴³⁸ Трудовая правда. 1931. 5 мая.

⁴³⁹ Трудовая правда. 1931. 5 мая.

⁴⁴⁰ Рабочая Пенза. 1933. 5 мая.

⁴⁴¹ Средневожская коммуна. 1929. 14 декабря.

⁴⁴² Трудовая правда. 1931. 5 мая.

колхозах комсомольские опорные пункты агротехники и на «борьбу за агротехнику мобилизовать рабочих»⁴⁴³.

Со второй половины 1930-х гг. отношение к рабселькорам становится более требовательным. «Рабкор должен быть на голову выше того, каким он был вчера», – писала «Рабочая Пенза»⁴⁴⁴. «Как может рабкор писать о производстве, умалчивая о стахановском движении? А как может писать рабкор о стахановцах, если он не стахановец? Значит, подлинные рабкоры не могут не быть стахановцами, т.е. передовыми людьми нашей эпохи», – так определяла истинного рабочего корреспондента газета⁴⁴⁵.

Повысившиеся требования к рабселькорам и исходившей от них информации сделали необходимым отказ от широко распространенной в 1920-е годы и первой половине 1930-х годов практики использования псевдонимов. «Сигналы», поступающие от рабселькоров, подписывались «Игла», «Наблюдатель», «Око», «Зоркий», «Шмель», «Метла», «Станок», «Ударник», «Свой», «Копье», «Знающий», «Гвоздь», «Колхозник», «Глаз» и многие другие⁴⁴⁶. С одной стороны, это обеспечивало добровольным корреспондентам безопасность, исключая возможность мести и преследований со стороны тех, чьи деяния реальные или мнимые были разоблачены на страницах прессы. Однако, с другой стороны, это приводило к тому, что авторы большинства публикуемых материалов не несли абсолютно никакой ответственности за достоверность сообщаемой информации.

Во второй половине 1930-х годов ситуация несколько изменилась. Практика использования псевдонимов подвергается осуждению. Если раньше «рабселькоров приучали скрываться под псевдонимами»⁴⁴⁷, в силу необходимости, то теперь, в связи с провозглашенной в стране окончательной ликвидации остатков враждебных и эксплуататорских классов, необходимость в этом отпадает. «Обилие псевдонимов – этап, давно пройденный хорошими газетами», – писала «Рабочая Пенза»⁴⁴⁸.

Одной из наиболее важных задач, стоящих перед прессой на всем протяжении 1930-е гг. было выявление и разоблачение врагов реальных и потенциальных. Необходимо отметить, что именно от рабселькоров поступала большая часть разоблачительных материалов. Это вменялось им в обязанность. В их задачу входило, например, разоблачать «маневры кулачества и его агентуры»⁴⁴⁹. Рабселькоры – это «острый напряженный глаз»⁴⁵⁰, благодаря которому власть вела борьбу с враждебными элементами. В газетах регулярно появлялись многочисленные «сигналы» с мест о вредите-

⁴⁴³ Рабочая Пенза. 1933. 19 февраля.

⁴⁴⁴ Рабочая Пенза. 1936. 27 апреля.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ По материалам газеты «Социалистический штурм» за 1933 год.

⁴⁴⁷ Рабочая Пенза. 1936. 27 апреля.

⁴⁴⁸ Рабочая Пенза. 1936. 2 июня.

⁴⁴⁹ КПСС в резолюциях... т.5. С.287.

⁴⁵⁰ Трудовая правда. 1930. 7 октября.

лях: «Волк в овечьей шкуре!», «Табельщик Панков – вредитель!», «Кулаки врастают в колхоз!», «Прокурор, слышишь?»⁴⁵¹. Партийное руководство обязывало редакции не только усиливать «использование рабселькоровского письма в газете», но и что особенно важно «решительно добиваться действенности рабселькоровского письма»⁴⁵².

Многие рабселькоры видели главной своей задачей именно борьбу с врагом. Эту борьбу они вели своим пером, прекрасно осознавая его действительность. Оно ведь теперь «покрепче дубья и всякого оружия»⁴⁵³. Понимая всю силу и важность печатного слова, рабселькоры в полной мере ощущали и поддержку своей деятельности. Это выражено в следующем заявлении одного из представителей рабселькоровского движения: «Всю мразь повыковыряем. Как раньше в подполье за правду стояли, так и теперь. Только теперь все за нас: и центр, и трудящиеся»⁴⁵⁴.

Первостепенной задачей было обеспечить охват максимально широких слоев населения средствами массовой информации, ведь «сила большевистской печати заключается, прежде всего, в ее массовости»⁴⁵⁵. Вопросы распространения, а также увеличения тиражей попадали под контроль партийных органов. Для каждого района спускались контрольные цифры распространения газет и журналов⁴⁵⁶. Местные партийные организации обязаны были пристально следить за распространением как центральных, так и местных изданий. 25 августа 1928 года редакция газеты «Правда» обратилась ко всем обкомам, губкомам, окружкомам, укомам и райкомам ВКП(б) со следующим призывом: «Все парторганизации должны сейчас помогать печати больше, чем они это делали до сих пор. В частности, парторганизации должны уделить больше внимания центральному органу нашей партии «Правде»»⁴⁵⁷.

В Среднем Поволжье проводились специальные компании по поднятию тиража журналов, издававшихся центральными издательствами, таких как «Известия ЦК ВКП(б)» и «Коммреволюция»⁴⁵⁸. Местные издания тоже не оставались в стороне, предлагалось «обратить особое внимание на распространение газет «Беднота», «Средне-Волжская коммуна», «Трудовая Правда», в особенности среди крестьянства»⁴⁵⁹. С целью добиться увеличения числа читателей, было предложено снизить стоимость газеты «Трудовая Правда» на 50 %⁴⁶⁰. Итогом проводимой компании должны были

---

⁴⁵¹ По материалам газеты «Социалистический штурм» за 1933 г.

⁴⁵² ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.395. Л.32-34.

⁴⁵³ Литература и искусство. 1931. №1. С.9.

⁴⁵⁴ Литературы и искусство. 1931. №1. С.10.

⁴⁵⁵ Сталинское знамя. 1939. 5 мая.

⁴⁵⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.67.

⁴⁵⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.64.

⁴⁵⁸ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.62.

⁴⁵⁹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.45.

⁴⁶⁰ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.46.

стать следующие цифры: в городе 1 газета должна была приходиться на каждую рабочую семью, а в деревне – на 5 крестьянских дворов⁴⁶¹. Для увеличения тиража предлагалось использовать агентурную сеть, «с привлечением к работе по распространению комсомольских ячеек, избчитален, письмоносцев и пр.»⁴⁶². Иногда предлагались и весьма оригинальные способы привлечения новых подписчиков, например «бесплатная рассылка семян кормовой свеклы»⁴⁶³. В 1930 году общий тираж в области составлял: «Известия ЦК ВКП(б)» – 600 экз., областная газета «Коммуна» – 21000 экз., «Трудовая правда» – 12000 экз., журнал «Работай и учись» – 5000 экз.⁴⁶⁴. К 1939 году в Куйбышевской области издавалось 3 областных, 7 транспортных, 4 городские, 21 фабрично-заводская и 64 районные газеты общим тиражом 400 тыс. экземпляров⁴⁶⁵.

При этом особое внимание уделялось распространению газет и журналов среди коммунистов и комсомольцев. Перед низовыми парторганизациями ставились задачи по «закреплению и вербовке новых подписчиков с расчетом охвата каждого коммуниста на один из партийных журналов»⁴⁶⁶. В 1935 году резкой критике в газете «Волжская коммуна» был подвергнут краевой партийный журнал «Коммунист». Причиной критики в его адрес было резкое падение числа подписчиков. За полгода журнал лишился 4 тыс. подписчиков из 6,5 тыс.⁴⁶⁷ Журнал называли скучным, бессодержательным, вечно опаздывающим, из-за чего он в конечном итоге и потерял читателей. «Журнал живет замкнуто. Его редакторы, говоря их стилем, словно на «плотах плывут – наблюдателями», плывут мимо яркой жизни, мимо созидательной работы партийных органов края»⁴⁶⁸.

В целом, следует отметить, что для прессы 1930-х гг. было характерно своего рода сужение тематики публикуемых материалов. На первое место выходит социальный заказ, и в соответствии с ним, основное внимание прессы уделено воспеванию героики коллективизации, индустриализации, культурной революции и т.д., и, следовательно, их пропаганде. И конечно, одной из приоритетных и наиболее постоянных тем становится борьба с коварным и многоликим врагом: кулаком, троцкистом, вредителем и т.д. Недостаточное внимание, уделяемое этой теме, могло вызвать обвинение в попытке «извратить действительность, смазать остроту происходившей классовой борьбы»⁴⁶⁹. Гораздо реже на страницах газет появляются материалы об искусстве и литературе.

---

⁴⁶¹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.47.

⁴⁶² ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д. 1671. Л.40.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Самарское Поволжье в XX в.: Сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 314 – 315.

⁴⁶⁵ Куйбышевская область: Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1983. С.139.

⁴⁶⁶ ГАПО. Ф.37. Оп. 1. Д.477. Л.5.

⁴⁶⁷ Волжская коммуна. 1935. 12 марта.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Волжская коммуна. 1935. 14 марта.

В целом, нужно отметить, что информационная диктатура открывает огромные возможности для манипулирования сознанием, с ее помощью бюрократия увеличивает контроль над обществом. Распространение средств массовой информации (в 30-е гг. XX в. – печатного слова) позволило тоталитарному государству образовать систему мощного воздействия на массовое сознание, создать целое специфическое мирозерцание на базе сужения сферы рационально-логического мышления, притупления критической мысли, иллюзорного преодоления реальных противоположностей, искажения ценностных ориентаций. Последнее тесно связано с феноменом информационной диктатуры.

Власть здесь выступает как монопольный держатель Истины, что якобы дает ей право контролировать информацию. Средства массовой информации в руках властей становились мощным идеологическим оружием

В истории культуры страны в целом, и Пензенского края в частности, период 1920 -1930-х г. является весьма противоречивым. С одной стороны, нельзя не отметить огромную просветительскую работу, которая была проведена в крае, расширение сети культурно-просветительских учреждений: библиотек, читален, музеев и т.д. Появление новых образовательных учреждений: школ, техникумов, училищ и т.д., что позволило за два десятилетия практически полностью ликвидировать неграмотность в крае. Однако, с другой стороны, в рассматриваемый период учреждения культуры, а также система образования оказались под мощным идеологическим давлением. Они стали подконтрольны партийным и советским органам власти. И если в период с 1918 по 1927 г. этот контроль был еще не столь сильным, по с 1928 г. он существенно усиливается и учреждения культуры, по сути, превращаются в своеобразные центры агитации и пропаганды. Избирательное отношение к прошлому наследию, излишняя идеологизация привели к огромным, часто невозполнимым потерям в культуре страны.

2. Культура Пензенской области в послевоенный период

В 1939 году во время организации области Пензенская «областная сеть зрелищных предприятий и учреждений искусств состояла из 8 единиц – областной театр драмы в г. Пензе, Гортеатр в Кузнецке, Колхозно-совхозный театр, концертно-гастрольное бюро, ПХУ⁴⁷⁰, ПМУ⁴⁷¹, музыкальная школа, ПКГ⁴⁷². Рост учреждений и организаций, подчиненных Областному Отделу по делам искусств начался в 1940 году, но развитие предприятий искусств было нарушено начавшейся войной⁴⁷³.

В 1946 г. в подчинении Областного Отдела по делам Искусств состояло 15 так называемых «предприятий: 5 театров, эстрада, 2 училища, 1 театр – студия, 3 музыкальные школы, 1 художественная школа, Дом народного творчества, Пензенская картинная галерея. Кроме того, подконтрольные отделу: Госцирк, Областное товарищество «Художник», Областное отделение Союза Советских Художников, Областное отделение Всероссийского театрального общества»⁴⁷⁴.

Страна постепенно возвращалась к мирной жизни, изобиловавшей контрастами. Это распространялось и на культурную жизнь провинции. В воспоминаниях И. Эренбурга есть строки о послевоенной Пензе: «В Пензе открыли памятник Белинскому. Фадеев произнес речь. Пенза мне сразу приглянулась, хотя не было в ней никаких достопримечательностей. В старой части города облупившиеся фасады домов, где прежде проживала одна семья, и где теперь был сдан и пересдан каждый угол, выглядели печально. Понравились мне люди. Они были как-то сосредоточеннее, чем в суетливой Москве, больше читали, больше и думали. Студент шел со мной по городскому парку и читал на память страницы Салтыкова-Щедрина. Молодая женщина, учившаяся в Ленинграде, провела меня в фонды музея, с жаром говорила о Коровине, о «Бубновом валете», о Сезанне, вспоминала записки Эрмитажа. На встрече со студентами начались споры о Казакевиче, Некрасове, Пановой; кто-то декламировал стихи Пастернака. Рабочий часовой фабрики пришел ко мне в гостиницу и сразу заговорил об искусстве: «Когда я слушаю серьезную музыку, мне кажется, что время распадается, а может быть, наоборот – тысячелетие сгущается в один час, кончится – и чувствуешь, что прожил несколько жизней...»⁴⁷⁵.

Еще один пример, о котором писал И.Эренбург, вспоминая свою послевоенную поездку в Пензенскую область на литературные чтения, по-

⁴⁷⁰ Пензенское художественное училище.

⁴⁷¹ Пензенское музыкальное училище.

⁴⁷² Пензенская картинная галерея.

⁴⁷³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 80. Л. 2-3.

⁴⁷⁴ Там же Л. 7-8.

⁴⁷⁵ Эренбург И. Ук. соч. С. 86-87.

священные памяти В.Г. Белинского: «Новое повсюду перемежалось со старым. В Лермонтове (в Тарханах) колхозники по тем временам жили вполне сносно. В селе была десятилетка. Сидя возле пруда, я услышал, как мальчишки выкрикивали непонятные слова; разговорившись с ними, я узнал, что это они ругаются по-французски. Я захотел познакомиться с учителем французского языка, но когда ему сказали об этом, он ушел в лес. Учительница истории О.С. Вырыпаева, узнав, что я люблю керамику, повезла меня в соседнее село Языково: там колхозники издавна занимались гончарным промыслом. Я увидел курные избы. Почему-то ходили слухи, что в Белинский на юбилей приехал сам Ворошилов, и меня приняли за одного из его сопровождающих. В избу, куда я зашел, набралось много народу: колхозники, перебивая друг друга, излагали свои претензии... все говорят: «Расскажи Сталину»... Я объяснил, что я всего-навсего писатель, постараюсь помочь, но не уверен в успехе. На печи сидел демобилизованный, кашлял, глаза у него были лихорадочные. Он молчал, а тут заговорил: «Писатель... Он тебе опишет – не изба, а дворец, не горшок – ва-аза»... Мы вышли. Учительница растерянно говорила: «Представить себе, что это в 1947 году! Безобразие!»... А я подумал: пожалуй, он прав.... Год спустя я снова приехал с В.Г. Лидиным в Пензенскую и Тамбовскую области и снова увидел противоречивые картины.... Мы побывали в Поиме у писательницы А.П. Анисимовой, влюбленной в народное творчество. Она нас повезла в Нежежино, где сохранились мастерицы русской вышивки. Мы увидели бедные, покосившиеся избы, школа казалась полуразвалившейся, все выглядело печально. А на следующий день нас пригласили в расположенный неподалеку колхоз имени Ленина – на открытие книжного магазина. Там были городского типа дома, библиотеки, ясли. Трудно было поверить, что Нежежино рядом...»⁴⁷⁶.

В системе Пензенского отдела по делам искусств, который возглавлял Королев К.В., в 1945 г. находились: Областной драматический театр, Областной театр оперы (вновь созданный), Областной колхозно-совхозный театр, Кузнецкий городской драматический театр, Областной театр кукол (вновь созданный), Областная государственная эстрада, Сердобский городской драматический театр (вновь созданный и по решению СНК РСФСР переведенный в Архангельскую область), Театр миниатюр (переданный в систему Госэстрады), Украинский театр миниатюр (переданный в систему Госэстрады), Областной дом народного творчества, Пензенская музыкальная школа (вновь организованная), Пензенское художественное училище, Союз советских художников, Товарищество «Художник», Отделение Союза советских архитекторов (вновь организованный и переданный от отдела в связи с организацией комитета по делам архитектуры), Ростовский джаз-ансамбль (резвакуированный в Ростов), Ростовский театр

---

⁴⁷⁶ Эренбург И. Ук. соч. С. 87-88.

музыкальной комедии (резвакуированный в Ростов), Московская центральная музыкальная школа (резвакуированная в Москву), Хозрасчетное издательство «Агит-окно» (вновь организованное и ликвидированное из-за отсутствия материалов для работы), Картинная галерея⁴⁷⁷.

В подчинении Областного Отдела по делам искусств в итоге всех трансформаций состояло 5 театров (2 в области – Госэстрада, цирк, 2 техникума (ПМУ и ПХУ), 4 детские музыкальные и художественные школы, Дом Народного Творчества, Картинная Галерея⁴⁷⁸. Кроме того, Отдел контролировал деятельность творческого общества «Художник» и Пензенского Отделения Союза Советских художников⁴⁷⁹. Кроме этого, существовало еще так называемое Концерно-эстрадное бюро (КЭБ), которое организовывало платные концерты: «Сведения о проведенных мероприятиях по платным концертам Пензенским КЭБ за 1947 год:

- а) проведено концертов в г. Пенза 146
- б) в городах области 169
- в) в колхозах и сельских райцентрах 1620»⁴⁸⁰.

Вначале штат Отдела состоял из 6 единиц: начальник отдела, уполномоченный, инспектор по театрам, главный бухгалтер, экономист, секретарь-машинистка⁴⁸¹.

Начальник отдела неоднократно обращался с ходатайством «о добавлении в штат Отдела 3 единиц (зам начальника отдела, инспектора по музыке, бухгалтера-ревизора»⁴⁸².

Нехватка кадров была постоянной на протяжении всего исследуемого периода: «Штат Областного отдела по делам искусств на 1946 г. – 6 человек (вместо положенных 10)... Штат ОДНТ на 1947 г. – 5 человек (вместо 7)»⁴⁸³.

В феврале 1946 г. решением Облисполкома был увеличен штат Пензенского Областного Отдела по делам Искусств – введено 9 штатных единиц⁴⁸⁴. Это позволило несколько активизировать работу отдела. С 30 сентября по 1 октября 1946 года было проведено областное совещание работников искусств. Облторготдел обязали «обеспечить участников совещания в количестве 10 человек питанием»⁴⁸⁵.

Областное отделение Всероссийского театрального общества было учреждено в 1940 году. В 1946 году отделение ВТО создало лекторий для работников искусств и совместно с Облгосэстрадой организовало работу музыкально-литературного лектория, провело творческие конференции по

⁴⁷⁷ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

⁴⁷⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 65.

⁴⁸⁰ Там же Д. 80. Л. 25.

⁴⁸¹ Там же. Д. 59. Л. 71.

⁴⁸² Там же. Л. 76.

⁴⁸³ Там же. Д. 83. Л. 5,7.

⁴⁸⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 82.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 147.

советской пьесе в Пензе и в театрах области, оказывало помощь в проведении смотра художественной самодеятельности, а так же в смотре творческой молодежи театров, совместно с Отделом по делам искусств обсуждало репертуарные планы театров и проводило областное Собрание по партийным постановлениям об искусстве⁴⁸⁶.

В Пензенском отделении Союза Советских Художников в 1946 г. состояло 16 человек, из них живописцев – 14, графиков – 1, декораторов – 1. В отчетах отмечалось: «Обеспечено работами по договорам написания картин – 8 человек. В творческие командировки выезжало 5 человек. Устроено выставок: областных – 1, передвижных – 1. Участвовало на Всесоюзной периферийной выставке – 4 человека»⁴⁸⁷.

Пензенское областное товарищество «Художник» было организовано в 1934 году. Это творческо-производственная организация объединяла многих художников Пензы. На 1 мая 1945 года «в товариществе состояло 23 человека

Из них: художники-живописцы – 9 человек; оформители – 11; график – 1; декоратор -2; в рядах Красной Армии – 8 чел. из 23»⁴⁸⁸.

Пензенское товарищество являлось филиалом «Всекохудожника» (Всероссийского кооперативного объединения художников), которое планировало и руководило всей работой товарищества. Среди основных задач товарищества:

– «содействие количественному и качественному росту изобразительного искусства в области живописи, графики;

– производство художественной продукции и мирное ее распространение в массах;

– подготовка новых кадров художников, скульпторов, графиков, оформителей и содействие их творческому росту (организация курсов повышения квалификации, творческие командировки и т.д.);

– организация на социальных началах труда работников изобразительного искусства;

– укрепление материальной базы для работы художников, объединяемых товариществом и повышение их идейно-политического уровня;

– выполнение заданий и заказов государственных и общественных организаций»⁴⁸⁹.

За годы войны, несмотря на «материальные трудности и полное отсутствие помощи со стороны местной власти, «Художник» проделал большую работу: выпущено 40 агитплакатов, «Окон ТАСС», написано 850 портретов маслом вождей партии и правительства, командиров КА, 450 копий с картин русских художников для клубов и общежитий, красных уголков частей КА, и др. оформлялись колонны демонстраций и площади города, залы

---

⁴⁸⁶ Там же Д. 80. Л. 52.

⁴⁸⁷ Там же Л. 77.

⁴⁸⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 107

⁴⁸⁹ Там же Л. 117-118.

торжественных заседаний, изготовлены лозунги, плакаты и т.д.; по ширпотребу расписано тканей на коврики, платки, косынки и т.д. Изготовлено 2350 стенгазет, досок почета, стендов, грамот, вывесок и т.д. В порядке шефства товарищество обслуживало санпоезд и вело оформительскую работу по клубам и красным уголкам частей Гарнизона, в госпиталях и призывном пункте г. Пензы. Оказывалась помощь материалами (краски, кисти и т.д.) частям гарнизона. Вся творческая работа товарищества проводится в тесном контакте с Пензенским Союзом Советских художников»⁴⁹⁰.

Деятельность товарищества строго регламентировалась. Копирование работ и их последующая продажа производилась с разрешения Отдела по делам искусства. Так, 22 июня 1946 года приказ начальника отдела гласил: «Считая, что ряд картин в исполненных Пензенскими художниками, заслуживает популяризации, разрешить Пензенскому товариществу «Художник» исполнение авторских повторений следующих произведений: «Допрос партизанки» А.Г. Вавилин, «9-е мая 1945 г. на Красной площади в Москве» А.И. Постнов, «Тарханы» М.Е. Валукин, «Перед расстрелом» А.Г. Плещов, «Зверство фашистов» А.Г. Иванов, «В рабство» А.Г. Вавилин»⁴⁹¹.

В отчете о творческо-производственной и хозяйственной деятельности товарищества «Художник» за 1946 год отмечалось, что «в числе творческих работ было написано 3 больших панно маслом на темы «Парад победы» художник Плещов А.Г. «Парад физкультурников» и картина «На фронт» – Глотов М, «Смерть героя» – Краснов П.К., Евстигнеев П.Я. – написал 5 больших панно на темы сталинского 5-летнего плана и работает над панно «Последний удар по фашистскому логову». Вавилин и Плещов написали 2 портрета знатных педагогов нашей области Чекалиной и Смагина, которые положили начало созданию в г.Пензе галереи знатных людей области, согласно решению Облисполкома. А.И. Постнов и М.Е. Валукин сделали авторские повторения своих картин «Салют» и «Тарханы» для выставки 1947 г., посвященные 30-летию советской власти. Заключены творческие договоры на создание картин художник А.Г. Постнов «Восстание крестьян в Кандиевке в 1861 году», А.Г. Вавилин «Посещение М. Горьким ПХУ в Пензе в 1904 году» и художник П.С. Краснов «Партизан Иван Грозный», всего на сумму 32 000 руб., из которых 35 % согласно договору выплачены в 1946 году. Кроме того, написано значительное количество панно, эскизов для оформления революционных праздников и торжественных заседаний. Для стимулирования творческой работы в течение 1946 года Товарищество направляло в районы Области 5 человек художников для сбора материалов и работы с натуры к композициям будущих картин выставки 1947 года. Все командировки материально обеспечивались за счет товарищества, на что израсходовано 10500 рублей. Для повы-

⁴⁹⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 121-124.

⁴⁹¹ Там же Д. 60. Л. 11.

шения квалификации профессионального мастерства. Товарищество организовало студию, которая была обеспечена материалами и средствами на оплату преподавателя, натурщиков, лекторов и проч. Но работа студии в 1946 г. прошла неудовлетворительно за отсутствием собственного помещения. В данное время товарищество получило помещение, и недостаток в работе студии будет устранен»⁴⁹².

В области был создан Художественный Совет. Его состав был утвержден решением областного Исполнительного комитета от 25 января 1945 г.:

«Королев К.В. – Начальник отдела по делам искусства (председатель совета);

Белов Е.Н. – Директор и художественный руководитель облдрамтеатра;

Отрадин В.И. – Директор и художественный руководитель колхозно-совхозного театра;

Гущин С.Е. – Директор и художественный руководитель Кузнецкого Гортеатра;

Горюшкин-Сорокопудов И.С. – заслуженный деятель искусств РСФСР, директор ПХУ;

Турищев А.С. – директор и преподаватель музыкального училища;

Штейнвиль А.И. – композитор, художественный руководитель Облгосэстрады;

Рахлис М.Г. – композитор, заведующий музыкальной частью облдрамтеатра;

Грачев Н.С. – артист театра оперы и балета;

Вазерский Ф.П. – дирижер театра оперы и балета;

Морозов Н.М. – артист облдрамтеатра;

Котельникова О.П. – худрук, директор театра кукол;

Валукин М.Е. – художник, заведующий учебной частью художественного училища;

Постнов А.Н. – художник, председатель Оргбюро союза советских художников;

Эгерт И.В. – художник Облдрамтеатра;

Гнедовский В.И. – Начальник областного отдела по делам архитектуры»⁴⁹³.

Список членов Художественного совета на 26 ноября 1945 года остался прежним, за исключением И.С. Горюшкина-Сорокопудова: «Королев К.В., Белов Е.Н., Турищев А.С., Штейнвиль А.И., Рахлис М.Г., Эгерт И.В., Гнедовский, Отрадин, Гущин С.Е., Валукин М.Е., Котельникова О.П., Морозов Н. М., Вазерский Ф.П., Постнов А.И., Грачев Н.С.»⁴⁹⁴.

В 1944 году были вновь организованы Пензенская художественная школа и Кузнецкая музыкальная школа. С 1945 г. постепенно восстанавли-

⁴⁹² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 80. Л. 47-48.

⁴⁹³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 47. Л. 3-5.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 12-13.

валось Пензенское музыкальное училище. Масштабы деятельности образовательных учреждений культуры в 1946 г. характеризовались следующими цифрами:

Пензенское художественное училище:

Прием учащихся – 61 человек

Выпуск – 9 человек

Среднегодовое число учащихся – 112 человек

Картинная галерея:

Количество дней посещений – 148

Количество посетителей – 3071

Число выставок – 2

Детская музыкальная школа

Прием учащихся – 60 человек

Выпуск – 10 человек

Среднегодовое число учащихся – 213 человек⁴⁹⁵.

Победа накладывала отпечаток на все стороны культурной жизни: «На сцене должна быть показана историческая роль русского народа, его выдающаяся роль в годы Великой Отечественной войны»⁴⁹⁶. 6 мая 1946 г. было принято решение Облисполкома об организации выставки работ пензенских художников: «Разрешить Областному Отделу Искусств организовать выставку работ Пензенских художников сроком на 1 месяц, назначить днем открытия выставки 9 мая, годовщину дня Победы над Германией. Предоставить под выставку помещения в здании краеведческого музея. Плату за посещение выставки в 2 руб., а для детей и военнослужащих – 1 руб.»⁴⁹⁷.

Нам бросился в глаза послевоенный оптимизм властей в отношении развития культуры. На наш взгляд – это характерная черта именно 1945 г. с его эйфорией Победы. Так, в Объяснительной записке к форме проекта плана восстановления и развития народного хозяйства на 1945-1959 гг. по Пензенскому Областному отделу по делам искусств говорилось: «Необходимо включить в 5-летний план строительства в г. Пензе Театр Оперы на 1000 мест, цирк на 1500 мест, Дом актера на 60 квартир, в г. Кузнецке Драмтеатра на 1000 мест. Исходя из кол-ва жителей г. Пензы (200 000 человек) и норм театральные мест на 1000 человек необходимо иметь театры вместимостью в 2000 мест, имеется лишь один в городе (1000 мест). Строительство дома актеров проектируется на 1949 год»⁴⁹⁸. Пятилетним

⁴⁹⁵ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

⁴⁹⁶ Там же. Д. 47. Л. 52.

⁴⁹⁷ Там же. Д. 59. Л. 97.

⁴⁹⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп.1. Д. 55. Л. 16-17.

планом было предусмотрено создание в Пензе на базе ПХУ Художественного института⁴⁹⁹.

Областной отдел культпросветработы своей задачей в 1946 г. видел «продолжение восстановления сельских культпросветучреждений, прекративших за годы войны свое существование или свернувших свою деятельность»⁵⁰⁰. Власти в 1946 г. были обеспокоены снижением посещаемости учреждений культуры жителями области. Об этом говорилось в решении Облисполкома 2 декабря 1946 года: «Посещаемость театров нашей области за второе полугодие 1946 г. резко снизилось»⁵⁰¹. Во многом причиной этого был низкий уровень жизни в области, материальные трудности⁵⁰².

Специфической чертой исследуемого периода (да и всего советского периода вообще) было активное привлечение работников культуры к политическим и хозяйственным кампаниям. Так, в Пензенском архиве хранятся материалы о праздновании 30-тилетия Великой Октябрьской социалистической революции, в которых значительное место занимает участие областных учреждений культуры⁵⁰³.

В 1946 г. Областной библиотеке им. Лермонтова (директор – Котельникова) «выделены передвижки в окружную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР»⁵⁰⁴. В рамках выборной кампании были «организованы временные читальни»⁵⁰⁵.

Руководство Картинной галереи в своем отчете за 1947 год перечисляло мероприятия по проведению избирательной кампании:

– Организована выставка работ членов ССХ по Пензенской области ко Дню выборов в Верховный Совет РСФСР (исполнители: Оргбюро СССХ по Пензенской области совместно с сотрудниками КГ и товариществом «Художник» в помещении ПХУ).

– Оформлен избирательный участок в помещении ПХУ и проведен по Общегородским выходным дням и в День Выборов экскурсии и избирателями (исполнители: сотрудники КГ, члены ССХ по Пензенской области на выставке к Дню Выборов, а так же в избирательном участке экспонировались картины Советского отдела КГ и членов ССХ по Пензенской области).

– Велась агитмассовая работа с избирателями участка, находящегося в ХУ – читка Конституции, биографии депутатов, проведение бесед. (Совме-

---

⁴⁹⁹ Там же. Д. 80. Л. 10.

⁵⁰⁰ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵⁰¹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 157.

⁵⁰² См., например: Докладная записка Отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ «О состоянии материально-бытовых условий молодых рабочих на предприятиях наркомата минометного вооружения». 12 мая 1945 г. //РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371.

⁵⁰³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 95.

⁵⁰⁴ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 20.

стно с количеством преподавателей и служащих ХУ в течение избирательной кампании)»⁵⁰⁶.

1946 г – стал первым годом послевоенной пятилетки. Областные власти подчеркивали, что «успешное проведение весеннего сева в этом году являлось важнейшей задачей с/х нашей области»⁵⁰⁷. Как всегда, в этой кампании нашлось дело и работникам культуры: «Большую помощь колхозникам, рабочим колхозов и МТС оказали культпросветучреждения области, проводя массовую работу по пропаганде пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, пропагандируя с/х литературу, устраивая лекции, доклады, организуя агротехнические кружки, с/х выставки, консультации, громкие читки, беседы, выступления кружков художественной самодеятельности»⁵⁰⁸.

Еще одной специфической чертой культурной жизни провинции было культурное обслуживание колхозов и совхозов. Так, в приказе Областного отдела по делам искусств от 7 апреля 1945 г. говорилось о культурном обслуживании весенней посевной кампании 1945 г.: «Директорам учреждений искусств области немедленно приступить к формированию бригад, подбору и подготовке репертуара для культурного обслуживания весенне-посевной кампании 1945 г. Состав бригад, их руководителей, репертуар бригад предоставить в Отдел искусств на утверждение.

Установить следующие задания по культурному обслуживанию весенне-посевной кампании:

1. Облдрамтеатр – 1 бригада, 50 концертов и спектаклей в Сердобском и Колышлейском районах.

2. Театр оперы – 1 бригада, 50 концертов в Лунинском и Бессоновском районах.

3. Театр кукол – 1 бригада, 50 концертов и спектаклей в Каменском и Нечаевском районах

4. Кузнецкий Драмтеатр – 1 бригада, 50 концертов и спектаклей в Кузнецком и Чаадаевском районах.

5. Обл. колхозно-совхозный театр – 1 бригада, 50 концертов и спектаклей в Нижнеломовском и Пачелмском районах.

6. Пензенское музыкальное училище – 1 бригада, 15 концертов в Терновском районе.

7. Облгосэстрада – 5 бригад, 250 концертов в районах, не обслуживаемых театрами. Директоры должны предоставить на утверждение отдела маршрут бригад.

8. Дом народного творчества – Совместно с отделом культпросвет работы и обкомом ВЛКСМ из самодеятельных сил создать 49 агитбригад.

⁵⁰⁶ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 53. Л. 27-29.

⁵⁰⁷ Там же. Д. 2. Л. 23.

⁵⁰⁸ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

Ответственным за проведение этой работы являются директора учреждений искусств Белов, Гантман, Чарский, Котельникова, Гушин, Отрадин, Ревич, которые обязываются всю работу по культурному обслуживанию весенней посевной кампании сосредоточить непосредственно на полях и культурных станах. Вменить в обязанность руководителям бригад оказание всемерной помощи кружкам художественной самодеятельности и районным агитбригадам в организации их работы по культурному обслуживанию полевых работ. Привлечь самодеятельные кружки для выступлений непосредственно на полях во время перерыва в производственной работе. Директору Дома Народного Творчества тов. Ревич командировать в помощь кружкам сельской самодеятельности 3-х районов инспекторов-методистов»⁵⁰⁹.

Строго спрашивали власти с областных учреждений культуры за работу на селе. Например, Госэстрада работала «на селе по четырем основным направлениям:

1. Проводит эстрадные концерты гастрольных бригад, в порядке обмена творческими силами с концертными организациями других областей

2. Проводит концерты гастрольных бригад, в порядке обмена творческими силами с концертными организациями других областей.

3. Организует и проводит тематические лекции-концерты по двум циклам: «Русская литература» и «Русская музыка», а также широко популяризует произведения советских писателей и композиторов.

4. Осуществляет регулярную помощь сельской самодеятельности по методической и творческой работе, а так же снабжает репертуаром (ноты, скетчи, рассказы, песни и др.)»⁵¹⁰.

27.12.1945 г. директор театра Оперы и Балета Л.С. Кальманович докладывал в Облисполком: «В целях культурного обслуживания весеннего сева 1946 года при театре организована концертная бригада. Выезд бригады в Лунинский и Бессоновский районы назначен на 25 апреля 1946 года»⁵¹¹.

На 10.05.1946 г. бригада Областного драматического театра дала 15 концертов, из них 11 – в Сердобском районе и 4 – в Кошылшлейском⁵¹². В рамках посевной кампании 1946 г. Облдрамтеатр провел в деревнях и селах области:

«На 10 мая 1946 г. – 15 концертов

С 10-30 мая 1946 года – 29

С 30 мая – 6 июня 1946 года – 11

Всего – 55 концертов, обслужено 14 000 зрителей»⁵¹³.

⁵⁰⁹ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 46. Л. 34-37.

⁵¹⁰ Там же. Д. 80. Л. 15-16.

⁵¹¹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁵¹² Там же. Д. 65. Л. 4.

⁵¹³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.

В справке, направленной в Обком ВКП(б), отмечалось: «27.05.1946 г. Весенне-посевную кампанию по Пензенской Области обслуживают 14 художественных бригад. Ими дано 318 концертов, обслужено 44 460 человек. Обслуживается 27 районов области»⁵¹⁴.

Характерной чертой послевоенного периода была забота о семьях погибших, инвалидах и трудоустройстве тех, кто вернулся с фронта. В октябре 1945 г. в Пензу пришел приказ Управления по делам искусств при СНК РСФСР «О мероприятиях по трудовому устройству и материально-бытовому обслуживанию демобилизованных и инвалидов Великой Отечественной войны, работающих в учреждениях системы Управления по делам искусств при СНК РСФСР: «... обеспечить работой..., организовать производственное обучение, оказать помощь в получении узких специальностей в области театрально-технических профессий (бутафоров, парикмахеров-гримеров, осветителей и т.д.)»⁵¹⁵.

Местные власти отреагировали практически сразу же. В приказе начальника Областного отдела по делам искусства К. Королева от 17 ноября 1945 г. говорилось: «Руководителям всех учреждений искусств в области совместно с общественными организациями наметить и обсудить мероприятия по трудовому устройству и материально-бытовому обслуживанию демобилизованных, инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов.

Для создания Фонда помощи демобилизованным, инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших путем проведения в театрах и Эстраде внеплановых концертов и спектаклей, а также для распределения денег создать при Отделе Искусств комиссию в следующем составе: Комов (председатель), Кирмас (зам. председателя), Гринева (секретарь), Карташов, Шавров, Гутман, Чарский.

Обязать директоров театров и эстрады представить комиссии план проведения спектаклей и концертов, выдавать деньги демобилизованным, инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших только по решению комиссии»⁵¹⁶.

После войны ушла в прошлое весьма специфичная музейная политика 1930-х гг. с ее воинствующим антиисторизмом. В этом плане характерна позиция одного из руководителей музейного дела тех лет – И.К. Лупшопла, считавшего, что музеи до сих пор остаются «кунсткамерами, кладбищами монументов, коллекциями редкостей, эстетскими галереями, говорящими на языке специалистов, а не масс». Другой музейный деятель – Ф.Я. Кон полагал, что «профиль местных музеев определяется сохранением ценностей бывших усадеб и монастырей, в то время как нужно было показ прошлого сделать преддверием к показу соцстроительства». В 1931 г.- был собран печально знамени-

⁵¹⁴ Там же. Л. 19.

⁵¹⁵ Там же. Д. 17. Л. 8.

⁵¹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 17. Л. 17-18.

тый X пленум центрального бюро краеведения, заявивший о необходимости пересмотра и переоценки всей краеведческой литературы «в связи с вопросом борьбы с классово-враждебными уклонами и извращениями в краеведческой работе». В «Положении о краеведческой работе» среди прочих вписывается и такая задача: «воспитание трудящихся в духе... непримиримости к классовому врагу». Только к концу 1930-х годов были открыты музеи В.Г. Белинского в Чембаре и М. Ю. Лермонтова в Тарханах. В 1935 г. зав. крайоно Доменко писал, что «при ознакомлении на месте установлено следующее: В одной из комнат дома Арсеньевых помещается правление колхоза и сельсовет. Нужно их выселить и оставить в доме дет.ясли и детплощадку».

Со второй половины 1930-х начинает официально оформляться государственный «советский патриотизм»: «необычайно живой и острый интерес приобретает в широких слоях советского народа история родины, история государства... Народ, создавший никем и никогда в мире не виданное государство, должен и хочет знать свое прошлое, своих исторических героев». В послевоенные годы эта тенденция была продолжена – власти, наоборот, старались возрождать разрушенные немцами музеи, открывать новые.

Тем не менее, проблема посещаемости музеев, прежде всего картинной галереи, была постоянной на всем протяжении исследуемого периода. В отчетах о работе галереи все время речь идет о серьезном расхождении с плановыми показателями: «Собран материал к новому этикетажу. Проведена частичная перевеска картин в целях удобства осмотра и копирования. Посетило галерею 10818 человек, против плана в 22000 человек. Галерея была открыта 254 дня. Число экскурсий 62, против 28 в 1945 году»⁵¹⁷.

Безусловно, героями остались символы культурных и исторических достижений России. 13 июня 1948 г. в областном драматическом театре имени Луначарского состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. В его работе приняли участие писатели и ученые-литературоведы А.А. Фадеев, И.Г. Эренбург, Ф.В. Гладков, П.П. Вершигора, П.И. Замойский, И.Л. Андронников, В. В. Виноградов, М.П. Алексеев и другие. Торжества, посвященные памяти В.Г. Белинского, прошли по всей области. В ходе подготовки и проведения юбилея было прочитано более 1500 лекций и докладов, к чтению которых были привлечены лекторы обкома ВКП(б), преподаватели и студенты вузов, учителя школ⁵¹⁸.

В Пензенской области особо широко проводились мероприятия, посвященные В.Г. Белинскому, как тогда говорили: «праздновали» столетие со дня его смерти. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. «О мероприятиях по увековечению памяти В.Г. Бе-

⁵¹⁷ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 80. Л. 117.

⁵¹⁸ Сталинское знамя. 1948. 15 июня.

линского» Министерство просвещения РСФСР 11 мая присвоило Пензенскому государственному педагогическому институту имя В.Г. Белинского. 7 июня перед 1-м учебным корпусом был установлен бюст Белинского, и проведено торжественное собрание коллектива института. Министерство просвещения РСФСР в приказе от 16 декабря 1947 г. обязывало провести во всех школах и педвузах лекции, доклады, литературные вечера, посвященные В.Г. Белинскому. Для студентов МГПИ им. В.И. Ленина, ЛГПИ им. А.И. Герцена и Пензенского педагогического института были учреждены стипендии его имени.

В области, как и по всей стране, прошли юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения А.Н. Радищева, 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 100-летию со дня рождения И.П. Павлова, 10-летию со дня смерти А.П. Макаренко, 55-летию со дня смерти математика П.Л. Чебышева. В сентябре 1949 г. в областном центре и районах области прошли общественно-политические и литературные чтения, посвященные 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. 24 сентября в драматическом театре имени Луначарского состоялось торжественное собрание. С докладом «Александр Николаевич Радищев — великий русский писатель, революционер и философ» выступил профессор Д. Д. Благой.⁵¹⁹

Кампании, связанные с юбилеями деятелей культуры, несмотря на их явную помпезность, на наш взгляд, несли положительный заряд, действительно воспитывая патриотизм и приобщая к культуре. 9 февраля 1946 г. было принято решение Облисполкома: «Принять, утвержденный Управлением по делам Искусств при СНК РСФСР 18 января 1946 года проект памятника В. Г. Белинскому скульптура т. Бабурина М. Ф., определить местом сооружения памятника сквер Театральной площади. Приурочить открытие памятника ко дню 30-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции (1946-1947 гг.). В приложенной к решению справке указывалось: «Ориентировочная стоимость памятника В. Г. Белинскому, работы скульптора Бабурина – 885 000 (без строительных работ)»⁵²⁰.

Например, в педагогическом институте только за год было прочитано 20 лекций, на которых присутствовало свыше 4 тыс. человек, проведена лекция-концерт «Русская природа в творчестве П.И. Чайковского» и конференция «О советском патриотизме». В 1948/49 учебном году прочитаны лекции «Мировое значение творчества Л.Н. Толстого», «50 лет МХАТу» и др. Проведена конференция на тему «Речь В.И. Ленина на III съезде РКСМ». На всех факультетах преподавателями историко-филологического факультета и кафедры основ марксизма-ленинизма проведены в 1947 г. политинформации и прочитаны доклады на темы «Боевой путь комсомола», «План Маршалла» и др.

⁵¹⁹ Сталинское знамя. 1949. 25-27 сентября.

⁵²⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 27, 31.

Специфика исследуемого периода заключалась в повышенном внимании властей к «культурному обслуживанию Армии». В приказе областного отдела по делам искусства от 25 января 1945 г. говорилось: «Командировать для обслуживания действующей Красной Армии и Военно-Морского флота театр трансформации под художественным руководством тов. Петрова-Неронова, в составе: Абов Е.А. – начальник фронтовой бригады; Петров-Неронов К.Н. – художественный руководитель; Боголюбова М. – артистка; Черняев Н.А. – баянист; Глухарев А.С. – ассистент; Макарова Н.Н. – ассистент»⁵²¹.

В мае был издан дополнительный приказ: «Во изменение приказа отдела искусств №4 от 25 января 1945 года временно исполняющим обязанности руководителя фронтовой бригады назначаю товарища Чанышева Владимира Иокингвича. Список фронтовой бригады: Петров-Неронов К.Н. – художественный руководитель; Боголюбова М.Я. – артистка; Ласточкин – пианист-концертмейстер; Глухарев А.С. – ассистент; Макарова Н.Н. – ассистентка; Чанышев В. И. – начальник фронтовой бригады»⁵²².

В февральском приказе (5 февраля 1945 г.) указывалось: «В связи с предстоящим празднованием XXVII годовщины Красной Армии приказываю:

Директорам Пензенского театра Оперы, Облдрамтеатра, театра кукол, Кузнецкого драматического и Нижнеломовского Колхозно-Совхозного очередные премьеры театров выпустить ко дню XXVII годовщины Красной Армии. И.о. начальника областного отдела по делам искусств Карташов»⁵²³.

Характерной чертой работы театров области в послевоенные годы были частые гастроли по области и по стране:

– «Облдрамтеатр с 1-го июля 1947 г. – гастроли в г. Сердобск»⁵²⁴.

– «Областной театр Оперы и Балета с 13 июля 1947 г. – гастроли в г. Ульяновск»⁵²⁵.

– «Гастроли госэстрады – г. Саранск, Тамбов, Воронеж – сроком до 1 июля 1947 г. Челябинск и Барнаул с 9 марта – по 15 мая 1947 г. Г. Чкалов, Актюбинск, Гурьев – в порядке обмена творческими силами – сроком по 1 июля 1947 г. Башкирская АССР, Челябинская, Ульяновская области – в порядке обмена творческими силами – сроком по 15 июля 1947 года. Мордовская АССР, Горьковская область – по 20 августа 1947 г.»⁵²⁶.

В то же время в Пензу также приезжали актеры и эстрадные исполнители со всего Советского Союза. Организуя гастроли, власти преследовали не только идеологические цели (психологическая разрядка после тяжелого военного времени), но и финансовые. Так, например, цены на билеты на концерт Ленинградского женского ансамбля песни и пляски в Парке Куль-

⁵²¹ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 46. Л. 2.

⁵²² Там же. Л. 25.

⁵²³ Там же. Л. 7.

⁵²⁴ Там же. Д. 84. Л. 29.

⁵²⁵ Там же. Л. 31.

⁵²⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 84. Л. 34-35

туры и Отдыха им. Белинского составляли от 5 до 15 рублей. Невозможно перечислить всех артистов и художественные коллективы, приезжавшие в Пензу на гастроли в 1945-1953 гг. Приведем лишь несколько примеров: Театр марионеток под руководством Н.М. Калик; Ленинградская филармония; Курская филармония; Рязанская филармония; Калужская филармония; Львовская филармония; Краснодарская филармония⁵²⁷; Красноармейский ансамбль песни и пляски Приволжского военного округа; Заслуженная артистка Орленева⁵²⁸; Ленинградский женский ансамбль песни и пляски; Хор Ульяновской филармонии⁵²⁹; солист Большого Ордена Ленина Академического театра Союза СССР Ф. Фокин; Московский Джазовый ансамбль под руководством Бориса Ренского⁵³⁰; Ансамбль песен и пляски Мордовской АССР; Бригада артистов Ленинградской филармонии⁵³¹; «Ансамбль Людмилы Гесл»; Солист Ленинградской филармонии А. Количенко (тенор); ансамбль цыганской народной песни и пляски под руководством В. Коржова⁵³²; Львовский эстрадный ансамбль; артистка Киргосфилармонии Селеметова Ханум; бригада под руководством артиста Смирнова-Сокольского. В составе бригады Р. Зеленая с ее репертуаром⁵³³.

Специфической чертой исследуемого периода было бурное развитие самодеятельности. В 1950 г. в 40 РДК области работало 138 коллективов художественной самодеятельности с общим количеством участников 1589. В том числе – хоровых коллективов – 41, драматических – 42⁵³⁴. Если в течение 1949 крупные хоровые объединения работали только в 2 РДК то в 1950 году они уже были в 14 ДК. Силами членов художественной самодеятельности в этом году было проведено 1245 концертов и спектаклей, что на 262 больше, чем в 1949 г. Всего в 1950 г ими было проведено 368 спектаклей, концертов, что на 91 больше, чем в 1949 г.⁵³⁵ В проведенном тогда же конкурсе на лучшую постановку пьес А. М. Горького приняло участие 6 драматических коллективов ДК. Первое место занял коллектив Вадинского РДК (Горький «Васса Железнова»)⁵³⁶.

Районная газета в 1946 г. рассказывала: «С 1 февраля будет проходить районный смотр художественной самодеятельности. Многие организации района развернули деятельную подготовку, коллектив учителей техникума механизации репетирует пьесу Островского «На бойком месте». Воспитанники детского дома №3 готовят большой концерт. Средняя школа, про-

---

⁵²⁷ Там же. 83. Л. 4-5.

⁵²⁸ Там же. Л. 8-9.

⁵²⁹ Там же. Л. 19.

⁵³⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2.

⁵³¹ Там же. Л. 5-7.

⁵³² Там же. Л. 10-11,14.

⁵³³ Там же. Л. 17.

⁵³⁴ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 128.

⁵³⁵ Там же. Л. 130

⁵³⁶ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 132.

водя по классам смотр художественной самодеятельности, отбирает к районному смотру лучшие номера. С большим желанием готовится к смотру самодеятельности Абашевская изба-читальня. Организованы хоровой и драматический кружки, в которых разучиваются новые песни, пляски, репетируется пьеса Крылова «Пирог». В работе кружков активное участие принимают пожилые колхозники. При избе читальне Тат-Шелдаисского сельсовета организован кружок национальной песни. Драмкружок готовит пьесу «Большое семейство»⁵³⁷.

В этой же газете рассказывалось об одном из смотров в районе: «В техникуме механизации – большой праздник. Молодежь собиралась на смотр художественной самодеятельности. Духовой оркестр веселил студентов до начала смотра. Танцевали, пели песни, слушали музыку. Вечер открыла преподаватель техникума Рязанцева А. А. Программа смотра была очень интересной. Хорошо исполнялись студентками Топильской и Лямусовой мордовские песни. Студент Лобанов мастерски сыграл на балалайке по-пурри из русских песен. Всех развеселили Федотова и Желябина – исполнители лирических частушек, народных песен, плясок. Преподаватель литературы Вера Николаевна Удальцова прочитала монолог Агафьи Тихоновны из комедии «Женитьба» Н. В. Гоголя. Ее выступление является одним из лучших номеров смотра. После концерта состоялись игры и танцы. Вечер прошел очень весело»⁵³⁸.

Особенностью культурной жизни области исследуемого периода был расцвет самодеятельных театров. Областные и районные газеты тех лет буквально пестрели сообщениями о премьерах, спектаклях:

– «В средней школе состоялся литературный вечер, посвященный творчеству Антона Павловича Чехова. После докладов была дана художественная часть. Сцены из «Хамелеона», «Хирургии», монолог их «Трех сестер» и пьесы «Иванов»⁵³⁹.

– «Молодежь села Абашева часто собирается в свою избу-читальню. Это излюбленное место отдыха. Особой любовью у посетителей избы-читальни пользуются спектакли драматического кружка, руководимого учительницей Н.Г. Синициной. За последнее время более 300 колхозников просмотрело пьесы «Деревенская сестренка», «Когда сердце говорит», «Милый гость». В репертуаре проводимых вечеров, кроме того – народные песни, песни советских композиторов, пляски. Сейчас коллектив драмкружка готовит пьесу «Старые друзья», которая будет показана на сцене в ближайшее время»⁵⁴⁰.

– «10 марта в РДК силами учащихся Беднодемьяновской средней школы была показана премьера пьесы В. Шароновой «Милочка». Средства,

---

⁵³⁷ Ленинский путь. 11 января 1946.

⁵³⁸ Ленинский путь. 16 февраля 1947.

⁵³⁹ Ленинский путь. 1949. 1 января.

⁵⁴⁰ Ленинский путь. 1950. 22 января.

вырученные от продажи билетов, пошли в фонд всеобуча средней школы... В РДК 2 раза в неделю танцы под баян или радиолу»⁵⁴¹.

– «В прошлое воскресенье в РДК силами участников художественной самодеятельности был дан концерт. В репертуар концерта была включена пьеса Васильева «Тяжелый случай», много песен, сольное пение и танцы»⁵⁴².

– «В РДК состоялся концерт художественной самодеятельности. 1 отделение – драматический кружок, поставивший пьесу «Осенняя скука» по роману Некрасова и Панаевой «Три страны света». В концертном отделении были прочитаны стихи В. Маяковского, посвященные 60летию со дня его рождения.

В заключение концерта зрители весело приняли шутку А.П. Чехова «Ночь перед судом»⁵⁴³.

– «30 августа состоялась премьера спектакля А. Н. Островского «Не все коту масленица». Идею и мысль автора умело донесли в спектакле члены драмкружка РДК»⁵⁴⁴.

– «11 сентября в РДК собрались трудящиеся города, чтобы почтить память Л. Н. Толстого, 125 лет со дня рождения. Силами драмкружка РДК поставлена пьеса Л. Толстого «От нее все качество»⁵⁴⁵.

– «РДК готовит к 36 годовщине Октября большой концерт Трудящихся г.Б-Демьяновске увидят на сцене комедию в 3-х действиях «Встреча с юностью», одноактные пьесы. Будет исполнен ряд номеров художественного чтения, вокального пения»⁵⁴⁶.

Основной задачей клубов являлась политико-просветительная работа: «Действуют клубы лишь в дни народных праздников, а в остальное время единственным массовым мероприятием оказываются киносеансы (платные) и бесконечные танцы, а зачастую и того нет. Политпросветработой не занимаются. Нужно потребовать от районо образованного руководства политпросветом. Мы должны научить людей сталинскому отношению к культурному воспитанию трудящихся»⁵⁴⁷.

Заведующие клубами в обязательном порядке утверждались партийными органами. Даже состав киномехаников проверялся райкомами.

Сезонными были кампании, связанные с проведением школьных каникул: «С 30 декабря 1945 года – 10 января 1946 года проводятся зимние школьные каникулы. Приказываю: Облдрамтеатру, театру Оперы, Кузнецкому драмтеатру и областному колхозно-совхозному театрам дать в тече-

---

⁵⁴¹ Ленинский путь. 1952. 13 марта.

⁵⁴² Ленинский путь. 1952. 13 февраля.

⁵⁴³ Ленинский путь. 1953. 17 июня.

⁵⁴⁴ Ленинский путь. 1953. 2 сентября.

⁵⁴⁵ Ленинский путь. 1953. 17 сентября.

⁵⁴⁶ Ленинский путь. 1953. 22 октября.

⁵⁴⁷ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 47. Л. 71.

ние каникул не менее трех дневных спектаклей, предварительно договорившись с органами народного образования об организационном посещении детьми этих спектаклей. Театру кукол давать дневные спектакли во время каникул ежедневно. Всем театрам области во время каникул дать по одному б/п спектаклю для детей погибших воинов, обеспечив организованное посещение этих спектаклей через Рай(гор)исполкомы и их отделы. Во всех театрах области установить новогодние елки. Дирекции Пензенской Картинной галереи по договоренности организовать экскурсии школьников в галерею»⁵⁴⁸.

Большую роль в повышении культурного уровня жителей области играли устные формы работы. За 1945 лекторами Областного лекторского бюро было прочитано 46 40 лекций: «на естественнонаучные темы – 1358; сельскохозяйственные – 821; медицинские – 591; литературные – 721; исторические – 682; другие – 467»⁵⁴⁹. На лекциях присутствовало 332 862 слушателя⁵⁵⁰.

Согласно отчету Областного лекционного бюро, в 1946 г. «лекторами ОЛБ прочитано 765 лекций, из них 384 лекции в районах области. Количество выездов в районы работниками ОЛБ и внештатными лекторами – 107. Оказана организованная и методическая помощь командированными товарищами районным лекторским группам в 11 районах (Беднодемьяновском, Бессоновском, Кондольском, Мокшанском, Наровчатском, Неверкинском, Лопатинском, Кучкинском, Н.-Пестровском, Свищевском, Сосновоборском) и др.)»⁵⁵¹. В этом же отчете указывалась тематика лекций и бесед. Надо отметить, что, несмотря на присутствие политической направленности, общий уклон был все же образовательным: о законе развития народного хозяйства; естественнонаучные; исторические; литературные; медицинские; с/хозяйственные; краеведческие, экономическо-географические; разные⁵⁵².

В отчете отдела культпросветработы за 1950 г. говорилось: «Уровень лекционной работы в 1950 году несколько вырос. Улучшилась работа Областного лекционного бюро, ряда районных лекторских групп и многих сельских лекториев. Сеть сельских лекториев – 424. За тот же период число лекторов – общественников увеличилось и достигло 3300 человек. Расширена тематика научно-атеистической пропаганды, увеличилось количество прочитанных лекций. Если в 1949 году было прочитано 27000 лекций, то в 1950-31000. Областными внештатными лекторами в 1949 году было прочитано 826 лекций в 1950 – 1793.

---

⁵⁴⁸ ГАПО. Ф.2355. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

⁵⁴⁹ ГАПО. Ф.2356. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 42.

⁵⁵¹ Там же. Д. 2. Л. 25.

⁵⁵² ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

Прочитано лекций по циклам: естественнонаучные – 8129; общественно-политические – 7996; сельскохозяйственные – 7362; медицинские – 2366; экономическо-географические – 598; литературные – 2820; технические – 281; краеведческие – 250. Всего охвачено слушателей – 2.173.855 человек»⁵⁵³.

Одним из лучших сельских лекториев считался лекторий с. Большие Хутора, Н.-Ломовского района. Сельское объединение лекторов – общественников состояло из 12 человек, в том числе 7 учителей, 3 агрономов и 2 медработников. Руководил сельским объединением директор 7-летней школы Вдовиченко: «Лекции читаются 2 раза в неделю. Читают в бригадных красных уголках, а летом на полевых станах. Практикуется передача лекций по радио. Текст сначала проверяет руководитель лекторской группы или один из специалистов данной науки, а затем обсуждается на совещании лекторов. За 11 месяцев прочитано 50 лекций»⁵⁵⁴.

Большое внимание уделялось пропаганде сельскохозяйственных знаний через газету. Во второй половине 1950 года областная газета «Сталинское знамя» часто помещала статьи, консультации и лекции на с/х темы, авторами которых являются внештатные лекторы Областного лекционного бюро.

В послевоенные годы увеличилось число участвовавших во всяких богослужениях, в крестных ходах, многие стали открыто и безбоязненно справлять религиозные обряды и праздники. В комитет по делам православной церкви и в адрес правительства поступало много писем с просьбой об открытии новых храмов и обрядческих домов. Еще в 1944 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «Об организации научно-просветительной пропаганды»⁵⁵⁵. В нем отмечалось, что «за последнее время партийные организации и наркомпросы союзных республик ослабили внимание к делу научно-просветительной пропаганды среди населения», которая «приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков».

Основным содержанием атеистической пропаганды должно было стать материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники, культуры. «Среди населения, особенно в деревне, – подчеркивалось в постановлении, – следует широко практиковать организацию лекций, проведение бесед и громкое чтение популярных брошюр и статей о строении вселенной, о происхождении Солнца и Земли, об основных астрономических явлениях, о возникновении и развитии жизни, о происхождении

---

⁵⁵³ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 14-15.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 24-12.

⁵⁵⁵ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 521-523.

человека, о строении человеческого тела, о происхождении и жизни растений и животных, о причинах болезней и борьбе с ними...»⁵⁵⁶.

Организация лекций возлагалась на районные отделы народного образования с привлечением в качестве лекторов учителей, агрономов, врачей, зоотехников, культпросветработников. Тем самым вновь намечался поворот в сторону наступательности атеистического воспитания. 20 апреля 1949 г. собрание партийного актива г. Кузнецка обсудило вопрос о состоянии пропаганды естественнонаучных знаний среди трудящихся и наметило конкретные меры по ее улучшению⁵⁵⁷.

С учетом религиозной политики 1930-х годов в принципе все это было «правильно и действительно своевременное», тем более в той части, где речь шла о преодолении бескультурья, чуждых суеверий и предрассудков. Конечно, нельзя было проходить мимо враждебных по сути действий отдельных церковников. Но и в подобных случаях следовало в первую очередь опираться на совместные усилия властных структур и религиозного руководства.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. увеличилось число прочитанных лекций на научно-атеистические темы («Максимум-минимум о религии», «Наука и религия», «Происхождение христианства» и т.п.). Всего было прочитано «по научно-атеистической пропаганде 8129 лекций»⁵⁵⁸.

В период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР и местные Советы депутатов трудящихся областное лекционное бюро командировало более 100 лекторов, которые «обслужили 40 районов области и прочитали 1300 лекций. 4 лектора выезжали агитпоездом по линии ж/д и читали для избирателей лекции на темы: «Партия Ленина-Сталина-вдохновитель и организатор великих побед советского народа в борьбе за победу коммунизма», «И.В. Сталин творец конституции СССР», «Основные права и обязанности граждан СССР»⁵⁵⁹.

Областное лекционное бюро на период весеннего сева и хлебоуборки направляло в районы области лекторов для чтения лекций на такие, например, темы: «Образы Ленина и Сталина в художественной литературе», «Наука и религия», «Борьба Советского Союза за мир и демократию» и т.д.⁵⁶⁰

Основной формой учета прочитанных лекций были путевки. Однако в 1950 г. около 30 % лекций прочитано без путевок⁵⁶¹.

Кинематограф оказался одним из мощнейших орудий воздействия на сознание масс, образно пытавшимся воплощать туманные представления о светлом будущем, дававшим своеобразную психологическую компенса-

⁵⁵⁶ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 522.

⁵⁵⁷ ГАПО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 397. Л. 47.

⁵⁵⁸ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 34-35

⁵⁵⁹ Там же Л. 37.

⁵⁶⁰ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.

⁵⁶¹ Там же. Л. 57.

цию за бедность реального существования. Потребность в надежном, устойчивом и гарантированном существовании способствует возникновению иллюзий о близком «рае». Интересны воспоминания о детстве известного танцовщика В.Васильева: «А какие замечательные советские фильмы тогда были! Вспомнить хотя бы музыкальные комедии с их жизнеутверждающим пафосом и оптимизмом, яркие, светлые, мажорные. Мы росли, выросли на этих картинах». В 1950 г. в 31 РДК, имеющих стационарные киноустановки, было проведено 6789 киносеансов⁵⁶².

Особенностью Пензы был старейший российский парк. С 12 сентября 1946 г. директором Городского парка культуры и отдыха им. Белинского стал Р.А. Гурьев⁵⁶³. Артисты Пензенской Облгосэстрады летом работали в этом парке. Власти пытались сделать парки и скверы города местами «культурного отдыха». Так, в решение облисполкома от 30 июня 1947 года говорилось: «Обязать городские и районные исполкомы:

- восстановить в существующих парках и садах здания, сооружения и обеспечить ремонт оборудования, а так же привести в порядок зеленое и дорожное хозяйство, освещение и канализацию и установить ограждения,
- обеспечить парки и сады снабжением строительными и другими материалами, а так же мебелью и культивентарем,
- провести массовую посадку в парках и садах зеленых насаждений,
- организовать в парках и садах оранжерейно-парниковое хозяйство для выращивания цветов»⁵⁶⁴.

Всего в области в исследуемый период было 7 садов и парков культуры и отдыха, из них 2 – Пензенский и Кузнецкий – находились в ведении Областного отдела культпросвет работы. В этих парках в течение летнего периода 1949 года читались лекции, демонстрировались кинофильмы, работали читальни, аттракционы, устраивались вечера отдыха, ставились концерты, спектакли, шла работа с детьми и так называемая культурно-оздоровительная работа. В 1949 г. согласно отчету директора парка, «с большим успехом в Пензенском парке культуры выступал Воронежский народный хор, ансамбль грузинских чонгуристок и др. кроме того, 24 концерта и спектакля поставлено силами участников художественной самодеятельности»⁵⁶⁵.

В Пензе был открыт первый в России стационарный цирк. В летнем сезоне 1946 года Пензенским цирком было дано 105 представлений, обслужено 160262 зрителя. Кроме матчей французской борьбы были показаны 3 программы⁵⁶⁶. Власти считали, что цирк «пользовался у зрителя успехом,

---

⁵⁶² ГАПО. Ф.2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 136.

⁵⁶³ ГАПО. Ф.2355. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.

⁵⁶⁴ Там же. Д. 82. Л.16.

⁵⁶⁵ ГАПО. Ф.2356. Оп. 1. Д. 22. Л. 30-32.

⁵⁶⁶ Там же. Д.80. Л. 61.

главным образом, благодаря чемпионату французской борьбы»⁵⁶⁷. Директором цирка с сентября 1947 г. был Диссон⁵⁶⁸. После некоторого перерыва Госцирк вновь стал работать с 7 июня 1949 года. Уполномоченный Главреперткома постоянно критиковал качество цирковых представлений:

– «С этого времени прошло 2 программы среднего качества за исключением Левендовских (воздушные гимнасты), Заставникова (дрессированные собачки), Зернова (джигитовка), Ташконбаевых (канатоходцы, работа которых стоит на должной высоте). Уязвимым местом является клоунада, в частности коверный Очертенко, у которого плоский репертуар»⁵⁶⁹.

– «Программа цирка проходила вяло. В программе преимущественно акробатические номера»⁵⁷⁰.

Среди номеров цирковой программы пользовались популярностью выступления заслуженного артиста РСФСР Александрова с леопардами, Вилларса с дрессированными медведями, центробежный полет Елены Вороненко и полет Джиговани.

На наш взгляд, характерной чертой работы учреждений культуры области были постоянные финансово-материальные проблемы, с одной стороны, и постоянное давление властей, стремившихся в это трудное время найти деньги, на выполнение плана – с другой. Несмотря на финансовые проблемы власти, старались всячески пересекать «торгашескую тенденцию» клубных работников, которые старались как-то поправить материальное положение клубов⁵⁷¹.

В Объяснительной записке к плану учреждений искусств на 1945 год говорилось: «Театры Пензенской области за 1944 год свои производственно-финансовые планы недовыполнили: вместо 1608 спектаклей по плану дали – 1321; вместо 790,2 тыс. зрителей обслужено всего 437,8 тыс. По Театру Оперы, Облдрамтеатру и Кузнецкому драмтеатру главной причиной недовыполнения плана послужил простой во время капитального ремонта затягивающийся вследствие недостатка материалов и рабочей силы. Кузнецкий театр, кроме того, простаивал из-за частых заболеваний актеров (помещение не отапливалось). Колхозно-совхозный театр дал 305 спектаклей (вместо 326). Недовыполнение плана вызвано перебоями в подаче электроэнергии в Нижнем Ломове. Театр кукол – недодал 70 спектаклей из 340 запланированных на 1944 год, испытывал большие трудности с транспортом, обслуживая выездными спектаклями разные площадки в городе и за городом. По концертам несколько недовыполнила и Облэстрада, давшая 1354 концерта вместо 1420 по плану. Это объясняется тем, что обслуживание фронта производилось в течение года главным образом силами эстра-

⁵⁶⁷ Там же. Л. 64.

⁵⁶⁸ Там же. Д. 97. Л. 91.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 107.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 137.

⁵⁷¹ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 28. Л. 17.

ды. В виду наметившегося в 1944 году падения посещаемости спектаклей и концертов, планы театра Оперы, Облдрамтеатра и эстрады на 1945 год по обслуживанию зрителя составлен со снижением против 1944 года»⁵⁷².

В июле 1946 г. дирекция Облдрамтеатра оправдывалась перед Облисполкомом: «Мы принимаем все меры к повышению сборов, организуем спектакли в доме культуры им. Кирова, спешно выпускает 2 премьеры в июле»⁵⁷³. Интересна причина, которой руководство театра объясняет ситуацию: «При перенасыщении Пензы зрелищными предприятиями все эти меры, очевидно, будут недостаточными»⁵⁷⁴.

Таким образом, страна постепенно возвращалась к мирной жизни, изобиловавшей контрастами. Власти были обеспокоены снижением посещаемости учреждений культуры жителями области, тем не менее, исследование показало послевоенный оптимизм властей в отношении развития культуры, что выразилось в высоких цифровых плановых показателях, намерениях строить театр оперы и балета, общежитие для актеров, драмтеатр в Кузнецке и т.д. Это характерная черта именно первых послевоенных лет с их эйфорией Победы.

Победа накладывала отпечаток на все стороны культурной жизни. Это распространялось и на культурную жизнь провинции. Военная тема постоянно присутствовала во всех произведениях, в тематике выступлений, в репертуаре художественных коллективов.

Нехватка кадров была на протяжении всего исследуемого периода постоянной.

Специфической чертой исследуемого периода (да и всего советского периода вообще) было активное привлечение работников культуры к политическим и хозяйственным кампаниям и постоянное внимание к культурному обслуживанию колхозов и совхозов. Характерной чертой послевоенного периода была забота о семьях погибших, инвалидах и трудоустройстве тех, кто вернулся с фронта. В области был создан Фонд помощи демобилизованным, инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших. Для его пополнения проводились в театрах и Эстраде внеплановые концерты и спектакли, а также для распределения денег была создана при Отделе Искусств специальная комиссия. Специфика исследуемого периода заключалась и в повышенном внимании властей к «культурному обслуживанию Армии».

Кампании, связанные с юбилеями русских деятелей культуры, несмотря на их явную помпезность, несли положительный заряд, действительно воспитывая патриотизм и приобщая к культуре.

Характерной чертой работы театров области в послевоенные годы были частые гастролы по области и по стране. В то же время в Пензу также при-

---

⁵⁷² ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 27. Л. 74.

⁵⁷³ Там же. Д. 65. Л. 5.

⁵⁷⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

езжали актеры и эстрадные исполнители со всего Советского Союза. Организуя гастроли, власти преследовали не только идеологические цели (психологическая разрядка после тяжелого военного времени), но и финансовые.

Специфической чертой исследуемого периода было бурное развитие самодеятельности, в особенности самодеятельных театров.

Основной задачей клубов являлась политико-просветительная работа. Большую роль в повышении культурного уровня жителей области играли устные формы работы – лекции и доклады. Заведующие клубами в обязательном порядке утверждались партийными органами. Даже состав кино-механиков проверялся райкомами ВКП(б).

Победа в войне доказала мощь, силу, патриотизм, самоотверженность российского народа, всех сил общества, включая и коммунистическую партию, и советское государство. Власти своим вкладом в организацию отпора фашистам, в мобилизацию всего общества, своей самоотверженностью в войне значительно укрепили свои позиции в обществе, свой статус как руководящей силы, своего рода основы всего общественного устройства.

Война нанесла стране колоссальный урон. Тяжело сказались последствия войны и на Пензенской области: десятки тысяч жителей городов и сел не вернулись с фронта, оставив сирот и вдов. Народное хозяйство области не пострадало от прямых разрушений, причиненных немецко-фашистскими захватчиками. Промышленность за счет эвакуированных с запада заводов даже увеличила объем выпускаемой продукции по сравнению с 1940 годом на 14 процентов⁵⁷⁵. Однако в 2,5 раза сократился выпуск продукции легкой промышленности, сильно износилось оборудование⁵⁷⁶. Особенно ощутимый урон нанесла война сельскому хозяйству области. Как и во всей стране, чувствовался острый недостаток товаров⁵⁷⁷.

Активное участие в войне приняла интеллигенция Пензенской области. Перестройка работы органов культуры на военный лад проходила в очень трудных условиях. Значительная часть ее работников была мобилизована в Красную Армию, резко сократилось финансирование. Учреждениям культуры города и области пришлось существенно потесниться, отдав часть своих помещений эвакуированным театрам, музеям, госпиталям. За годы войны значительно сократилась сеть библиотек, книжный фонд уменьшился, снизилось количество читателей, ухудшилась материальная база, многие библиотеки были размещены в непригодных, тесных помещениях, не имея читального зала, детских отделений. Но уже в 1946 году библиотеки области существенно пополнили свои фонды, возросло количество читателей.

---

⁵⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371. Л. 27

⁵⁷⁶ Там же. Л. 35

⁵⁷⁷ Данные о социально-экономическом положении области после войны см.: Пензенская область за 40 лет Советской власти. 1917 – 1957. Пенза. 1957; Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Саратов. 1964.

После победы в Великой Отечественной войне начался новый период в жизни советского государства. Первый этап послевоенного периода был продолжением «мобилизационного социализма» 1930-х годов, но уже на более радостной ноте, с настроением победителей в тяжелейшей войне. Главной задачей властей в этот период являлся перевод экономики страны на рельсы мирного строительства и восстановление разрушенного войной народного хозяйства⁵⁷⁸. Переход от войны к миру потребовал коренной перестройки всей жизни страны, изменения форм и методов государственной деятельности.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков произвела учет материального ущерба, нанесенного советскому народу фашистскими агрессорами. «Прямой ущерб составил 679 млрд. рублей, а вместе с военными расходами и потерей доходов от промышленности и сельского хозяйства в районах, подвергшихся временной оккупации, ущерб составил почти 2600 млрд рублей» (в довоенных ценах)⁵⁷⁹.

Эйфория победы сочеталась с житейскими, обыденными проблемами. Решение этих вопросов превращалось в стратегию выживания, все остальное отодвигалось на второй план. Пензенские рабочие жаловались: «Мы уже два года не ходим в кино. До того оборвались, что стыдно на люди показываться. Все, что есть на нас, в том мы и работаем, и спим»⁵⁸⁰. Власти выдвигали жесткие требования к региональным партийным комитетам по поводу как выполнения пятилетки в целом, так и повышению уровня жизни населения (правда, необходимо отметить, что в ряде случаев местные власти шли на приписки, чтобы соответствовать этим требованиям, как это было, например, в Ульяновской области в 1948 г.⁵⁸¹).

Возвращались эвакуированные и обнаруживали, что их квартиры заняты другими людьми⁵⁸². Всего за 1945 г. Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР было зарегистрировано 10 148 обращений граждан по жилищному вопросу, из них 45,2 % составляли жалобы от прежних владельцев квартир, чье жилье оказалось занятым⁵⁸³. В 1946 г. число письменных обращений по жилищным вопросам увеличилось до 13340 и только в 1947 г. резко уменьшилось – до 4 875 обращений⁵⁸⁴.

После Великой Отечественной войны резко возросло число нищих в Пензенской области. Это было вызвано еще и тем, что область была круп-

---

⁵⁷⁸ Правда. 15 июля 1945 г.

⁵⁷⁹ Правда. 25 мая 1945 г.

⁵⁸⁰ Докладная записка Отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ «О состоянии материально-бытовых условий молодых рабочих на предприятиях наркомата минометного вооружения». 12 мая 1945 г. //РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371. Л. 68.

⁵⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 401. Л. 2-3.

⁵⁸² РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371. Л. 70.

⁵⁸³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579. Л. 54-57, 129.

⁵⁸⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579. Л. 133.

ным железнодорожным узлом. В одном из докладов министра МВД Круглова говорится, что во втором полугодии 1951 г. в стране за нищенство было задержано 107 766 человек, в 1952 г. – 156 817 человек, а в 1953 – 182 342. Т.о. чем больше страна преодолевала последствия войны, тем больше нищих становилось на улицах. В то же докладе говорилось, что 70 % задержанных были инвалидами войны и только 10 % – профессиональными нищими. Круглов удивлялся: «Правда, многие нищенствующие отказываются от направления их в дома инвалидов... самовольно оставляют их и продолжают нищенствовать»⁵⁸⁵.

В области выросла преступность. Множество единиц огнестрельного оружия ходило по рукам, хранилось в домах, продавалось на рынках области. Иногда бытовые ссоры, хулиганство и драки заканчивались убийством, поскольку оружие было под руками. Оружие присутствовало даже при ограблениях кладовок с овощами и чуланов или грабежах, где добычей становились лишь ношенные вещи⁵⁸⁶.

Восполнить потери села было намного труднее: оно понесло главные потери в людях, было сожжено более 70 тыс. сел и деревень, угнано 17 млн голов крупного рогатого скота (для сравнения: на 1 января 2001 г. в Российской Федерации имелось 27,5 млн голов). Восстановление промышленности и городов, как и индустриализация 1930-х годов (хотя в меньшей степени), проводилось за счет деревни, из которой до середины 1950-х годов изымали ресурсы. Война на треть убавила число трудоспособных крестьян. При этом страшная засуха на значительной территории европейской части СССР в 1946 г. привела к голоду с гибелью людей. К этому добавились и субъективные факторы – политика помощи новому социалистическому лагерю.

Страна стояла перед необходимостью огромных трат не только на восстановление экономики, но и на развитие образования и культуры. Так, например, в Пензенском педагогическом институте на начало 1948/49 учебного года при контингенте студентов в 1250 человек требовалось 24 аудитории, 28 учебных кабинетов и лабораторий, а имелось всего 13 аудиторий, 20 кабинетов и лабораторий, причем оборудование их не отвечало требованиям высшей школы. Книжный фонд библиотеки в 1948 г. составлял лишь 46 тыс. экземпляров. Не хватало учебников. Читальный зал вмещал всего 30 человек, и студенты уходили заниматься в Лермонтовскую библиотеку, где, заняв все свободные места, располагались даже на подоконниках и крышке рояля⁵⁸⁷.

---

⁵⁸⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 257.

⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. I. Д. 13. Л. 108.

⁵⁸⁷ Казаков А.Ю., Винокуров Г.Ф., Семенов В.Б. и др. Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза. 1999. С. 26.

В 1947 г. одна из районных газет писала: «Центром культурно-массовой работы в деревне являются клубы и избы-читальни. А в нашем районе добрая половина из них фактически прекратила свое существование. Сплошь и рядом сельские советы не финансируют культурные мероприятия, не ремонтируют клубы и избы-читальни, не обеспечивают их топливом. В результате 9 изб-читален в районе не имеют сейчас своих помещений и вынуждены ютиться вместе с сельскими советами или правлениями колхозов. Все формы и методы идеологической работы должны быть направлены сейчас на выполнение хозяйственных задач, поставленных перед нами партией и правительством»⁵⁸⁸. Несмотря на тяжелое время власти, как могли, помогали учреждениям культуры⁵⁸⁹. Так, 5 февраля 1946 г. было вынесено решение Облисполкома: «В виду необходимости отремонтировать и оборудовать новое помещение, отведенное областному Детскому театру кукол под стационар отпустить на капитальный ремонт и оборудование помещения 83000 рублей»⁵⁹⁰. Пензенский Театр Куклол получил «под стационар» бывшее помещение Облсобеса, в доме № 8 по ул. Московской⁵⁹¹.

В это же время Облисполком принял решение «Об отпуске средств на дотацию по оплате номеров, занимаемых творческими работниками театра Оперы и Балета, Облдрамтеатра»: «Вследствие необеспечения жилой площадью творческих работников, они размещены в гостинице, оплачивая жилье частично, остальное доплачивает дирекция театров по полной стоимости номеров. Исполком решил для оплаты разницы стоимости номеров и платой артистов (арендная плата по ставкам Горжилуправления) назначить театру дополнительную дотацию»⁵⁹².

В марте этого же года были утверждены штаты Детской музыкальной школы Заводского района и Детской художественной школы. Исполком решил: «Одобрить штаты для Пензенской музыкальной школы Заводского района в 10 человек, и для Детской художественной школы – 3 человека»⁵⁹³.

В марте 1946 г. было принято решение Облисполкома о распределении по учреждениям искусств в Пензенской Области ассигнований на внелимитный капремонт: «Ассигнование Совнаркомом РСФСР 300000 рублей на внелимитный капремонт зданий учреждений искусств распределить на следующие

---

⁵⁸⁸ Ленинский путь. 18 марта 1947.

⁵⁸⁹ См. в Приложении проект плана восстановления и развития народного хозяйства на 1945-1959 гг. по Пензенскому областному отделу по делам искусств, списки картин, приобретенных Пензенской картинной галереей.

⁵⁹⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 34.

⁵⁹¹ Там же. Л. 37.

⁵⁹² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 45.

⁵⁹³ Там же. Л. 50-51.

объекты: ПХУ – 150 000 руб.; ПМУ – 50 000 руб.; Кузнецкому Гордрамтеатру – 45 000 руб.; Облдрамтеатру кукол – 55 000 руб.; Всего – 300 000 руб.»⁵⁹⁴.

В сентябре 1946 г. Облисполком решил отпустить Художественному училищу «для завершения неотложных работ по капитальному ремонту здания дополнительно 40 000 руб. за счет областного бюджета»⁵⁹⁵. Тогда же Пензенскому Областному Драматическому театру было отпущено «для окончания капитального ремонта дополнительно 100 000 руб. за счет областного бюджета»⁵⁹⁶. Театр кукол – получил «дополнительную дотацию в сумме 15 000 руб.»⁵⁹⁷.

В конце 1946 г. решением исполкома еще раз были распределены «асигнования на внелимитный капитальный ремонт учреждений искусств в сумме 400 000 руб. следующим образом: Облдрамтеатру – 150 000 руб.; худ. училищу – 100 000 руб.; Муз. училище – 50 000 руб.; Кузнецкому гордрамтеатру – 100 000 руб.; всего – 400 000 руб.»⁵⁹⁸.

23 декабря 1946 г. было снова принято решение исполкома «увеличить дотации театрам (театру Оперы, драмтеатру, Театру кукол, Колхозно-Совхозному Кузнецкому Драмтеатру, облгосэстраде)⁵⁹⁹. «В процессе ремонтных работ по решению Облисполкома были отпущены дополнительные средства: Облдрамтеатр – 276,0; Кузнецкий гортеатр – 140; ПХУ – 124,0; Театр кукол – 50,0; ПМУ – 50,0; Всего – 640,0»⁶⁰⁰.

1947 г. – ПХУ выделено 150 000 руб. на капитальный ремонт здания⁶⁰¹.

В области в послевоенные годы было немало примеров, когда колхозы покупали для сельских библиотек книги на большую сумму. Например, колхоз «Путь к коммунизму» Кузнецкого района в 1950 г. приобрел литературы на сумму 5000 руб.⁶⁰²

После войны все ждали перемен, это ожидание было буквально «разлито» в обществе, оно помогало людям выжить и надеяться, что скоро наступит новая, лучшая жизнь. Не каждый мог представить себе в деталях эту новую жизнь – жизнь без войны, но в общей палитре надежд и не вполне оформленных желаний были ясно различимы ожидания и претензии отдельных социальных групп⁶⁰³.

Реально в массовом сознании переход «на мирные рельсы» произошел в конце 1947 г., с отменой карточек и денежной реформой⁶⁰⁴. При этой ре-

⁵⁹⁴ Там же. Л. 53.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 143.

⁵⁹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 144.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 145.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 86.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 147.

⁶⁰⁰ Там же. Д. 83. Л. 1-2.

⁶⁰¹ Там же. Д. 82. Л. 14.

⁶⁰² ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 120.

⁶⁰³ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371.

⁶⁰⁴ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1961. М., 1961.

форме малые и средние вклады в сберкассах не пострадали. Они были автоматически увеличены в 10 раз, а крупные вклады – в 3 раза⁶⁰⁵.

Война усилила так называемое «морально-политическое единство» советского общества. В ответ на солидарность с государством, по выражению С. Кара-Мурзы, как бы в вознаграждение народу за перегрузки двух десятилетий, принципом государственной политики было сделано постоянное, хотя бы и скромное, улучшение благосостояния населения⁶⁰⁶. Несмотря на голод 1946-1947 гг., это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел втрое, а мясо в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться⁶⁰⁷.

В то же время одним из вопросов, беспокоивших многих, был тот, о котором рассказал И. Эренбург: «Мы как-то сидели в писательской компании, рассуждали о том, о сем. Берии присвоили маршальское звание. О.Ф. Берггольц спросила меня: «Как вы думаете, может тридцать седьмой год повториться, или это теперь невозможно?». Я ответил: «Нет, по моему, не может...». Ольга Федоровна рассмеялась: «А голос у вас неуверенный...»⁶⁰⁸. Особое внимание было к интеллигенции, которая должна была подвергаться «строжайшему политическому отбору».

Несмотря на то, что власти чаще всего относились к культуре как к пропагандистскому средству, они ни на минуту не выпускали из виду ее рентабельность и финансовую отдачу. В плановой экономике учреждения культуры тоже имели свои «финпланы». Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о постоянном внимании властей к выполнению этих планов, вообще к финансовым вопросам: «В связи с постановлением Правительства о возобновлении отпусков рабочим и служащим в 1945 году Финплан Облгосэстрады, рассчитанный на длительность сезона в 12 рабочих месяцев, сокращен на 1 месяц»⁶⁰⁹.

Характерной чертой тех лет был жесткий прессинг со стороны властей, причем речь, судя по архивным документам, в основном идет не о политических ошибках, а о выполнении планов. Приказы Пензенского Областного отдела по делам искусств пестрят констатациями неудовлетворительной работы, указаниями на нарушения и т.д.:

---

⁶⁰⁵ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957. М., 1957-1958; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 7-е изд.

⁶⁰⁶ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2002. С.7.

⁶⁰⁷ См.: Баранова Н. Б. Власть и воздействие на массовое сознание. М., 1997.

⁶⁰⁸ Эренбург И. Ук. соч. Т. 3. С. 10.

⁶⁰⁹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

– Указать директору Облдрамтеатра тов. Белову на допущенные им нарушения⁶¹⁰.

– Отрицательные стороны недовыполнения плана по доходам и сборам: неналаженность билетного хозяйства, слабое руководство работой бригад в районах. Оценка: Работу Облгосэстрады признать неудовлетворительной⁶¹¹. (Приказ издан на основе годового отчета Пензенской госэстрады за 1946 г.

– Отрицательные стороны невыполнения плана по количеству новых постановок и общему числу спектаклей... Признать работу неудовлетворительной⁶¹². (Приказ издан на основе годового отчета Театра Оперы и балета за 1946 г.).

– Производственно-финансовый план по количеству спектаклей, количеству обслуженных зрителей и доходам от сборов театром не выполнен. Признать работу театра – неудовлетворительной⁶¹³. (Приказ издан на основе годового отчета областного театра кукол за 1946 г.).

Чтобы решать финансовые вопросы, власти пошли на увеличение количества подсобных производственно-технических предприятий при домах культуры. Особенно широкое распространение нашли фотографии, школы кройки и шитья, парикмахерские. Доходы от них по домам культуры в 1950 г. составили 565 000 р.⁶¹⁴ Правда, не всегда у населения были деньги, чтобы воспользоваться услугами этих предприятий⁶¹⁵.

Согласно годовым бухгалтерским отчетам, «деятельность театров (Облдрамтеатр, Кузнецкий драмтеатр, театр кукол и колхозно-совхозный театр) за 1 квартал 1949 года дала убыток в сумме 123000 р., в том числе по Облдрамтеатру – 38000, театр кукол – 10000»⁶¹⁶.

Еще в конце 1944 г. была значительно повышена зарплата заведующим избами-читальнями и сельскими клубами, художественным руководителям и инструкторам районных домов культуры, а также работникам библиотек.

Тем не менее, это не решало проблемы. В районной беднодемьяновской газете говорилось: «В нашем районе работает Абашевская изба-читальня. Но таких изб-читален мало. Из 17 изб-читален работают 13, но и некоторые из них влачат жалкое существование. В Липлейке, например, избачом работает по совместительству заведующий молочной фермой Мелешкина. Работа избача для нее лишняя нагрузка. И молодежь собирается в избучитальню на посиделки. Другой работы не ведется. Этот факт говорит о том, что подбором кадров избачей районо занимается неудовлетворитель-

---

⁶¹⁰ Там же. Д. 84. Л. 10.

⁶¹¹ Там же. Л. 14.

⁶¹² Там же. Л. 17.

⁶¹³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 84. Л. 25.

⁶¹⁴ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 124.

⁶¹⁵ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371.

⁶¹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

но. Очень плохо производится финансирование изб-читален сельсоветами. В 1944 году избам-читальням выдано только 43 % отпущенных средств. В Тат-Шелдаисском сельсовете за 9 месяцев 1945 года избе-читальне отпущено 100 рублей на заработную плату и другие расходы. С августа месяца не выплачивается зарплата избачу Р. Шелдаиса»⁶¹⁷.

В отчете о работе культпросветучреждений за 1949 год в качестве отрицательной стороны назывались «частая сменяемость кадров и низкие ставки заработной платы (в среднем 600р)»⁶¹⁸. В 1949 г. областной отдел культпросветработы отмечал: «Библиотечные кадры области по общему и специальному образованию не соответствуют квалификационным требованиям приказа. Из 320 человек высшее образование имеют 12 человек, высшее библиотечное 8, незаконченное высшее-14, среднее общее – 127, среднее специальное – 50, семилетнее – 101 и начальное 8. Из 300 человек, не имеющих высшего, среднего или семилетнего образования повышают образовательный уровень лишь 40 человек, из них 9 учатся в высших и 31 в средних учебных заведениях. Область крайне нуждается в квалифицированных кадрах»⁶¹⁹.

Сложным было положение библиотек. В 1948 г. в области работали: одна областная, 4 городских, 40 районных, 4 детских и 114 сельских библиотек. Одна сельская библиотека приходилась на 7-8 сельсоветов⁶²⁰. Их материальная база была слабой. Многие библиотеки размещались в не приспособленных для этого помещениях: «Пензенская городская массовая библиотека №2, детская библиотека №2, детская библиотека №2 города Кузнецка размещены в небольших комнатах школ и т. д.»⁶²¹.

Терновская районная библиотека даже размещалась на частной квартире.

Тем не менее, государство старалось помогать: в 1946 г библиотеки области увеличили книжные фонды на 16000 экземпляров новых книг. В отчетах говорилось, что «в библиотеки области привлечено 10000 новых читателей. Читателей областной библиотеки им. Лермонтова возросло на 1800 человек»⁶²².

К 1 января 1946 г. каждый сельсовет центральные власти обязали иметь избучитальню или сельский клуб, районный центр – районный дом культуры.

Власти принимали меры по ремонту и расширению помещений библиотек. Так, в 1950 г. «было расширено помещение Областной библиотеки на 67 квадратных метра, Нечаевской, Камешкирской, Беднодемьяновской районных библиотек и Канаевской сельской библиотеки. Произведен ка-

---

⁶¹⁷ Ленинский путь. 11 января 1946.

⁶¹⁸ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

⁶¹⁹ Там же. Д. 29. Л. 113.

⁶²⁰ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 79. Л. 53.

⁶²¹ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 80.

⁶²² ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

питательный ремонт 30 районных, городских и сельских библиотек области: в том числе: Даниловской, Неверкинской, Поимской, Сердобской, Башмаковской, Сосновоборской, Шемышейской, Голицинской, Кондольской, Лопатинской, Канаевской сельской библиотеки Городищенского района, Карсаевской сельской библиотеки Поимского района, Кузнецкой городской библиотеки и др. Построены новые помещения для Безолевской сельской библиотеки Лопатинского района, находится в стадии строительства помещения для Белинской районной библиотеки. Переведены в лучшие помещения Николо-Борнуковская сельская библиотека Сосновоборского района, Кисловская и Соловцовская сельские библиотеки Иссинского района, Соболевская и Голодяевская сельские библиотеки Свищевского района, Вышилейская сельская библиотека Лунинского района, Садовская сельская библиотека Лопатинского района»⁶²³.

При первой возможности государство увеличивало финансирование культуры. Из 28 769,7 млн. руб. бюджетных ассигнований РСФСР на 1945 г. почти 72 % (20 559 млн.) было направлено на развитие культуры: эта сумма на 4077 млн. руб. превышала соответствующие расходы мирного 1940 года⁶²⁴. Основная доля выделяемых средств, правда, шла на восстановление культуры освобожденных районов.

В Пензенской области в 1946 г. насчитывалось 33 районных дома культуры, 734 сельских клуба и избы-читальни, 162 библиотеки. Но из этого количества 50 сельских клубов и изб-читален использовались под склады или в других целях, 137 изб-читален не имели своих помещений, а многие реально работавшие размещались в непригодных или вообще аварийных помещениях⁶²⁵. В сентябре 1948 г. пленум обкома ВКП(б) обсудил вопрос о культурно-массовой работе на селе, а через месяц доклад Пензенского обкома партии о состоянии культурно-просветительной работы в сельских районах Пензенской области был заслушан в ЦК партии⁶²⁶.

В справке о работе культпросветучреждений области в 1946 г.⁶²⁷ приводились иные данные: в области насчитывается 1083 культпросветучреждений гос. сети.

В сети культурно-просветительских учреждений области по состоянию на 15 октября 1949 года было «1085 учреждений. В том числе: областной отдел, лекционное бюро, методический кабинет, 2 городских отдела и 40 районных отделов. Имеется – областная библиотека, 10 городских, 40 районных, 119 сельских библиотек, 2 городских клуба, 547 изб-читален, 3 парка культуры и отдыха, 8 музеев»⁶²⁸.

---

⁶²³ Там же. Д. 29. Л. 77-78.

⁶²⁴ Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 105.

⁶²⁵ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

⁶²⁶ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.

⁶²⁷ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁶²⁸ Там же. Д. 23. Л. 40.

Ко времени организации в 1953 г. Министерства культуры СССР и областных управлений культуры в области уже было 1272 культурно-просветительных учреждений и 9 музеев, в том числе 39 районных домов культуры, 551 сельский клуб, 267 изб-читален, 415 библиотек с фондом в 2 миллиона книг⁶²⁹. Было освобождено 47 помещений клубов и изб-читален, используемых не по назначению.

К началу 1951 г. в области было 40 домов культуры. Однако 6 из них не имели помещений. В 19 домах культуры был проведен текущий и капитальный ремонт, в стадии строительства находился Пачелмский ДК. Плохо обстояло дело с электрификацией РДК. Всего освещалось электричеством 65 % ДК. Причиной было то, что в некоторых райцентрах нет электростанций, а РДК не имели возможности использовать двигатели, принадлежащие районным отделам кинофикации. Несмотря на некоторое увеличение в первые послевоенные годы числа музыкальных инструментов, мебели, так называемого культуринвентаря – оборудование многих ДК было недостаточным⁶³⁰.

На хорошем счету был Белинский дом культуры. Он был размещен в благоустроенном помещении, где имелся зрительный зал на 450 мест и специальная киноустановка. В ДК были духовой оркестр, пианино, гармонь, аккордеон, патефон. Библиотека насчитывала 300 книг и журналов. Для читального зала выписывалось 12 газет и журналов. В течение 1950 года в лектории ДК было прочитано 8 лекций и докладов. Из них на общественно-политические темы – 26 лекций, агрозоотехнические – 12. Лекторий РДК посетило 17 200 человек. При ДК работало 10 кружков, а всего в кружках РДК было 365 человек. Самым большим был хоровой кружок – 120 человек. Силами участников художественной самодеятельности в 1950 г. проведено 97 концертов и спектаклей. Проведено 78 вечеров отдыха, танцев, продемонстрировано 209 киносеансов. Во время полевых работ 4 агитационные художественные бригады РДК провели 47 выступлений в колхозах района. При ДК организован постоянно действующий методический центр культпросветработы. Руководил домом В. П. Утенков⁶³¹.

И, наоборот, постоянно критиковали Чаадаевский ДК за то, что он «...имеет мало приспособленное к проведению культпросветработы помещения. Комнат для кружковой работы имеется всего 2, зрительный зал на 204 места». Тем не менее, отмечалось, что «однако, работа ДК организована хорошо. Имеется стационарная киноустановка, узкоплечный киноаппарат, комплект духового и домрово-балалаечного оркестра, баян, рояль, патефон. Библиотека насчитывает свыше 300 книг и брошюр. Выписывается 9 газет и журналов. В лектории прочитана 61 лекция и доклад, кото-

⁶²⁹ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 52. Л. 64.

⁶³⁰ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 122.

⁶³¹ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 139-141.

рые прослушали 6000 человек. При РДК работает 11 кружков, в которых принимают участие 284 человека. Силами кружков художественной самодеятельности проведено 60 концертов и спектаклей. Организовано 29 вечеров отдыха, танцев, проведено 401 киносеанс. Руководит работой художественный руководитель РДК т. Н. Н. Кириллов. Доходы от платных мероприятий составили 47 486 руб.». Директором был С. П. Сафронов⁶³².

Областной отдел культпросветработы решением облисполкома был создан в марте 1945 г. Первые два месяца его работа была направлена на укомплектование аппарата отдела: «На работу в районном отделе пришли товарищи, в большинстве своем, не имеющие опыта культурно-просветительской работы. Отдел обратил большое внимание на учебу и инструктирование работников районов. С этой целью в течение года было проведено 3 семинара, систематически вызывались на беседу и подробный инструктаж заведующие и инспектора райотделов, директора РДК, зав. библиотеками и др.».

В 1950 г. областные власти отмечали: «Работа ДК стала содержательней и интересней. Улучшилась лекционная работа. В большинстве ДК работают лектории. По сравнению с 1949 годом, число слушателей, посетивших лекторий в РДК, увеличилось на 7000 человек и достигло 218000 человек. Особое внимание обращается чтению лекций на общеполитические, сельскохозяйственные и научно-атеистические темы. Хорошо поставлена лекционная работа в Белинском, Мокшанском, Б-Демьяновском и ряде других ДК. Однако, Областной отдел культпросветработы все еще не сумел организовать работу лекториев некоторых ДК. В Телегинском, Каменском, Кузнецком, Бековском, Кучкинском, Лушинском ДК постоянно действующие лектории не организованы. Лекции читаются от случая к случаю. В течение 1950 г. для оказания методической помощи на место не было послано ни одного представителя Областного лекционного бюро»⁶³³.

Дома культуры упрекали в том, что они «недостаточно развертывали физкультурную работу. Мало организовано физкультурных городков, площадок. В течение 1950 г. в ДК по-прежнему недостаточно была организована работа с детьми. Специальными мероприятиями ДК охвачено только 107 000 детей. Методическая помощь РДК сельским культпросветработникам организована слабо»⁶³⁴.

В области существовал областной методический кабинет культурно-просветительской работы. В 1946 г. был издан приказ по Пензенскому областному отделу Культпросветработы: «21 февраля 1946 года был заслушан отчет директора Областного методического кабинета Культпросветработы тов. Левачевой за 1945 г. Отмечено, что работа методического ка-

---

⁶³² Там же. Л. 145-147.

⁶³³ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 127.

⁶³⁴ Там же. Л. 135.

бинета в 1945 г. неудовлетворительная: план работы не выполнен; научно-исследовательской работой не занимались; опыта работы лучших культпросвет учреждений не перенимался; консультации культпросветработников носили случайный характер; планового вызова на консультации не было»⁶³⁵.

В начале 1946 г. интеллигенция Куракинского сельсовета Сердобского района обратилась ко всей сельской интеллигенции области с призывом «поднять работу сельских очагов культуры»⁶³⁶. Это обращение поддержали в большинстве районов Пензенской области. Был проведен месячник смотра культпросветучреждений, который способствовал активизации их деятельности⁶³⁷. Силами общественности в 1946 г. было отремонтировано почти 200 сельских клубов и изб-читален. На следующий год капитально были отремонтированы еще 124 клуба⁶³⁸.

В 1947 г. в регионах страны началось движение «за строительство сельских очагов культуры методом народной стройки». Это начинание было поддержано жителями Чаадаевского и Терновского районов, а затем и другими районами области. К 1950 г. таким способом было построено 67 колхозных клубов и 112 красных уголков. Одним из лучших клубов был В-Аблязовский в Кузнецком районе. В клубе работали 6 кружков, в том числе и агротехнический, ставились спектакли и концерты⁶³⁹.

Пензенский областной отдел культурно-просветительской работы много внимания уделял работе библиотек. После Победы было принято решение провести в области регистрацию оставшихся библиотек. Ее результаты были неутешительны: «Итоги регистрации позволяют сделать выводы о неудовлетворительном состоянии библиотечного дела в области. За годы войны значительно сократилась сеть библиотек, книжный фонд уменьшился, снизилось количество читателей. Ухудшилась материальная база библиотек, многие библиотеки размещены в непригодных, тесных помещениях, не имеют читального зала, мало детских отделений».

Начальник отдела культпросветработы Дмитриев «в целях уточнения данных регистрации сети библиотек и улучшения работы библиотек» издал приказ: «Зав. рай(гор)отделом культпросветработы подготовить для обсуждения на исполкомах продолжения о мерах улучшения состояния библиотечного дела в районе. Добиться открытия читального зала и детских отделений при каждой районной библиотеке в соответствии с постановлением Исполкома Облсовета от 21 марта 1946 г. Не позднее 1 августа 1946 года привести штаты библиотек в соответствие с типовыми штатами массовых библиотек. Проверить состояние комплектования сельских и

---

⁶³⁵ Там же. Д. 2. Л. 4-5.

⁶³⁶ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 27. Л. 87.

⁶³⁷ Там же. Д. 87. Л. 57.

⁶³⁸ Там же. Д. 52. Л. 18.

⁶³⁹ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 79. Л. 34.

районных библиотек и принять меры к полному использованию средств ассигнованных на книги. Усилить контроль за всеми ведомственными библиотеками, уделяя особое внимание профсоюзным библиотекам. Контроль за выполнением данного приказа возложить на зав.библиотечным сектором т. Касатова»⁶⁴⁰.

За работой библиотек областные власти следили постоянно: «Руководство библиотечным делом области осуществлялись путем проведения кустовых совещаний, семинаров с работниками районных, сельских, городских библиотек, инспекторских проверок, методических писем, указаний, вызовов зав. библиотеками с отчетами. В 1950 году проведено 20 методических совещаний, из них 6 кустовых (в г. Пензе, Белинском, Кузнецке, Сердобске, Н.Ломове, Каменке). Основные вопросы, по которым проводились методические совещания – подготовка к проведению 80-летия со дня рождения Ленина, проведение «Недели детской книги», работа на абонементе, о подготовке библиотек к работе на весеннем севе, работа с каталогами, о методической помощи районных сельских библиотек колхозникам, комплектование и сохранность книжных фондов и т. д.»⁶⁴¹.

Исполком Облсовета в 1950 году стал больше уделять внимание вопросам культурно-просветительской работы. Для руководящих работников Областного Отдела культпросветработы в 1950 г. был организован еженедельный постоянно действующий семинар. На занятиях «читаются лекции о международном положении, по идеологическим вопросам члены аппарата обмениваются опытом работы»⁶⁴².

В течение года было проведено 23 инспекторские проверки. Кроме работников Областного отдела к проверке привлекались работники Областной библиотеки. 7 июня 1950 года было проведено областное совещание культпросвет работников с участием секретарей РК ВКП(б) и РК ВЛКСМ. На совещание были вызваны заврайотделами, директора РДК, зав. сельскими клубами и избами-читальнями. Всего на совещании присутствовало 990 человек. С докладом «Об улучшении культурно-просветительной работы в области» выступил секретарь Обкома ВКП(б).

В 1946 г. были вновь открыты городская взрослая и детская библиотеки в Пензе и 17 сельских библиотек⁶⁴³. По данным областного отдела культпросветработы число читателей по сравнению с 1945 годом выросло на 28 %, причем «это увеличение особенно заметно по районным библиотекам»⁶⁴⁴.

Среди недостатков работы библиотеки власти называли следующие: «мало работников, которые бы имели специальное высшее образование,

⁶⁴⁰ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

⁶⁴¹ Там же. Д. 29. Л. 117.

⁶⁴² Там же. Л. 4.

⁶⁴³ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 3. Л. 20

⁶⁴⁴ Там же. Л. 22.

теснота помещения, недостаточное количество штатных единиц, недостаточное оборудование библиотеки стеллажами, каталожными шкафами и гнездами, столами и т. д.»⁶⁴⁵.

В справке о работе культурно-просветительных учреждений области за 1948 год зав. областным отделом культпросветработы В. Старцев писал: «Методический кабинет Областной библиотеки им. Лермонтова в текущем году значительно улучшил свою работу по оказанию методической помощи районным и сельским библиотекам. Работники методкабинета обследовали 22 районные, 18 сельских, 6 школьных, 4 детских, 40 ведомственных библиотек (при этом оказали соответствующую помощь в работе). За год методкабинетом дано 275 устных и письменных консультаций. Групповых консультаций – 10»⁶⁴⁶.

В 1950 г. отдел культпросветработы отмечал в своем отчете: «Работа библиотек несколько улучшилась по сравнению с 1949 годом. В целом по области увеличился книжный фонд, улучшились показатели по книговыдаче и оборачиваемости литературы. Увеличилось количество и улучшилось качество массовых мероприятий. В области по состоянию на 1 января 1951 года – 184 библиотеки. Из них: областных – 1, городских – 6, районных – 40, сельских – 130, детских – 7. Народно-хозяйственный план открытия библиотек на 1950 г. выполнен: открыты 11 сельских, 2 детских и 1 городская библиотека»⁶⁴⁷.

Комплектование библиотек литературой в основном проводилось через Областную библиотечную коллктор и местные магазины книготорга. Все библиотеки области обеспечивались периодической печатью. По состоянию на 1 января 1951 года в библиотеках области насчитывалось 868250 экземпляров книг⁶⁴⁸.

Динамику роста читателей и количество книговыдач в библиотеках области характеризуют такие цифры: в 1950 г. общее число читателей по всем типам библиотек области увеличилось на 37008 человек или на 29,5 %. Особенно был заметен рост читателей сельских библиотек. Общее число книговыдач увеличилось на 14,4 %⁶⁴⁹.

Библиотеки действительно вели большую массовую культурно-просветительную работу среди читателей и избирателей: лекции, доклады, беседы, громкие читки, литературные вечера, читательские конференции, книжные выставки и т. д. Из детских библиотек в числе лучших считалась детская библиотека №1 г. Пензы. С 1942 г библиотекой заведовала О.А. Благодарнова. На 1 января 1951 г. в библиотеке было 20 024 книги

---

⁶⁴⁵ Там же. Л. 20.

⁶⁴⁶ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.

⁶⁴⁷ Там же. Д. 29. Л. 67.

⁶⁴⁸ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 87.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 90.

(7686 читателей)⁶⁵⁰. Библиотека за год организовала 121 книжную выставку, провела: библиографических обзоров 166; лекций и докладов 27, литературных вечеров, утренников – 9, читательских конференций – 5. В библиотеке было 70 человек читателей – активистов. Они за 1950 год «отремонтировали 400 книг, оформили 4 альбома 121 выставку и 12 стенгазет»⁶⁵¹.

Лучшей районной библиотекой была Каменская. Заведовала библиотекой Ивановская Н. В. На 1 января 1951 г. в ней было 6555 книг (2040 читателей). За 1950 г. библиотекой было организовано «40 книжных выставок, проведено 105 громких чтоток, 7 библиографических обзоров, 19 лекций и докладов, 20 литературных вечеров и утренников»⁶⁵².

Из числа сельских библиотек лучшими считались Кевдо-Вершинская Белинского района (зав. Бусаров); и Канаевская Городищенского района (зав. Завьялова)⁶⁵³.

Характерной чертой исследуемого периода стали постоянные «чистки» библиотек. Пензенские власти указывали: «В передвижных библиотеках должна быть литература, тщательно профильтрованная от сомнительных и не рекомендованных изданий... Особенно тщательно должен быть укомплектован общественно-политический отдел... Отдел беллетристики должен иметь книги, в идеологическом отношении отвечающие современным задачам политико-просветительской работы»⁶⁵⁴.

Широко были распространены смотры художественной самодеятельности. В сравнении с 1944 г. после Победы художественная самодеятельность выросла количественно. Если в смотре 1944 г. принимало участие 1035 кружков и 9 113 участников, то в смотрах 1945 года приняло участие 1200 кружков и 15 000 участников художественной самодеятельности⁶⁵⁵.

Областной ноябрьский смотр шел в 1945 г. в течение 8 дней. Основной репертуар – русская народная песня, музыка и пляска, произведения советских композиторов о героях отечественной войны и героях тыла⁶⁵⁶.

В Пензенском архиве хранятся сведения о работе Областного Дома народного творчества: «ОДНТ призван руководить художественной самодеятельностью г. Пензы и Пензенской области.

Обязанности можно разделить: учет кружков художественной самодеятельности; проверка репертуара кружков; повышение квалификации руководителей кружков; выдвижение наиболее талантливых кружковцев в профессиональные студии.

---

⁶⁵⁰ Там же. Л. 92.

⁶⁵¹ Там же. Л. 97.

⁶⁵² Там же. Л. 102.

⁶⁵³ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 29. Л. 104.

⁶⁵⁴ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 259. Л. 311.

⁶⁵⁵ Там же Л. 409.

⁶⁵⁶ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 4. Л. 27.

ДНТ для осуществления этих задач должны иметь штаты: директор, методистов по всем видам искусства (5 человек), бухгалтера, секретаря-библиотекаря, курьера-уборщицу.

Помещения должны вмещать зрительный зал со сценой, кабинет директора и несколько кабинетов методистов, оборудованных наглядными пособиями»⁶⁵⁷.

Главной задачей ДНТ являлось ведение методической работы, направленной на оказание помощи художественной самодеятельности всех видов искусств: музыкального, танцевального, изобразительного и народного творчества. Несмотря на нехватку специалистов ОДНТ, проводил мероприятия по обслуживанию весенне-посевных, уборочных кампаний, смотры музыкальных и хореографических коллективов, семинары для руководителей районных домов культуры Пензенской области, а так же осуществлял проверку репертуара кружков художественной самодеятельности.

1 июля 1945 г. приказом начальника областного отдела по делам искусства директором Областного Дома народного творчества была назначена Людмила Владимировна Беликова⁶⁵⁸. Тем не менее, было признано, что до 25 июня 1946 года работа Дома народного творчества «велась неудовлетворительно, в результате чего после тщательной проверки начальник областного отделения по делам искусств снял с должности бывшего директора ОДНТ т. Беликову Л. В. и принял на эту должность т. Корнилова А.И.»⁶⁵⁹.

В штате ОДНТ на 1 июня 1946 г.: методист по музыке; методист по драме; методист по фольклору; бухгалтер; курьер⁶⁶⁰.

В целях повышения «знаний творческого руководства над кружками художественной самодеятельности, Дом народного творчества в 1946 г. провел 6-дневный семинар для руководителей художественной самодеятельности районных домов культуры Пензенской области. Он включал «цикл лекций, вечерние мероприятия»⁶⁶¹.

На семинаре присутствовали 13 руководителей области и 5 человек из города Пензы.

Руководители художественной самодеятельности РДК области просмотрели в театрах Пензы: «Севильский цирюльник», «Бесприданница»; «Факир на час» прослушали концерт Дома им. Кирова»⁶⁶².

На 1 июля 1946 года в библиотеке ОДНТ было 1078 книг⁶⁶³.

---

⁶⁵⁷ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 80. Л. 43.

⁶⁵⁸ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 5. Л. 3.

⁶⁵⁹ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 4. Л. 7.

⁶⁶⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 63. Л. 17.

⁶⁶¹ Там же Л. 7.

⁶⁶² ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 14. Л. 18.

⁶⁶³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.

В сведениях о работе ОДНТ на 1 января 1948 года, поданных в отдел культпросветработы, говорилось, что «в сентябре 1947 г ОДНТ переехал в отвоеванное помещение – 1 комната с отдельным входом, 55 квадратных метра, (недостаточно светлое). В ОДНТ имеется библиотека с количеством 1991 книга. Музыкальных инструментов нет. Очень в них нуждаемся. При ОДНТ имеется кружок ИЗО. В 1948 году намечено организовать драматический и музыкальный показательный кружок»⁶⁶⁴.

Для оказания практической помощи кружкам художественной самодеятельности работники Дома народного творчества выезжали в районы. Так же помощь оказывалась путем переписки с Домами культуры руководством сельских кружков. Было послано 9 методических писем. К ним прилагались списки рекомендованного репертуара. В Пензе работники ОДНТ посещали репетиции кружков, проводили просмотр репертуара и спектаклей, способствовали организации новых кружков, рекомендовали руководителей. Таких кружков в 1946 г. было организовано 12 и рекомендовано руководителей 10.

Для консультации и творческой помощи кружкам привлекались работники искусств. 18 апреля 1947 г. организован 10-тидневный 80-часовой семинар руководителей сельских хоровых кружков. В июне – 10-ти дневный семинар – худруков районных Домов Культуры.

В период проведения выборов в Верховный Совет СССР Домом народного творчества была оборудована агитмашина с культбригадой. Кружками самодеятельности в период подготовки к выборам было дано 152 концерта, обслужено 41 избирательный участок.

При ДНТ было организовано 2 бригады, выезжавшие на посевные станы. В феврале работники ДНТ принимали постоянное участие в проведении областных смотров воинской самодеятельности, школ трудовых резервов, предприятий железнодорожного транспорта, смотрах музыкальных и хореографических коллективов области.

Дом народного творчества регулярно отчитывался о проведении массовых кампаний:

– «В период проведения выборов в Верховный Совет СССР для обслуживания избирателей г. Пензы и ближних сел ОДНТ совместно с Горкомом ВКП(б) и ВЛКСМ была оборудована агитмашина с общегородской молодежной культбригадой в составе 42 человек, вокальный ансамбль, чтецы, танцоры и певцы. Бригада была подготовлена директором ОДНТ и директором театра Оперы Вазерским. В репертуаре культбригады были песни и стихи о Сталине, выборах в Верховный Совет и Сталинской Конституции. Бригадой было дано 36 концертов, которые прошли с большим успехом»⁶⁶⁵.

⁶⁶⁴ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 14. Л. 21.

⁶⁶⁵ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 4. Л. 17.

– «По обслуживанию весенней посевной кампании при ОДНТ было организовано 2 концертных бригады, которые выезжали в полевые станы и дали 7 концертов. За день 9 мая было организовано 10 выступлений в парках и на площадях города»⁶⁶⁶.

– «Всего за время проведения выборов в Верховных Совет СССР было дано кружками самодеятельности города 152 концерта на избирательных участках»⁶⁶⁷.

– «Ряд избирательных участков были оформлены силами художественной самодеятельности»⁶⁶⁸.

Смотры художественной самодеятельности послевоенных лет свидетельствовали о реальном богатстве культурно-массовой жизни области.

В течение 1946 года в области было проведено множество смотров. В феврале методисты Областного Дома народного творчества принимали участие в организации и проведении областного смотра самодеятельности всех военных частей. В нем принимали участие 5 хоровых коллективов, 2 духовых оркестра, 1 джаз оркестр, 1 ансамбль народных инструментов, 4 драматических кружка и 46 индивидуальных исполнителей⁶⁶⁹.

Весной, в апреле-мае прошел смотр художественной самодеятельности Областного Управления трудовых резервов. В смотре приняли участие 8 ремесленных училищ и 12 школ, 8 хоровых коллективов, 3 духовых оркестра, 1 оркестр, народных инструментов и 121 человек индивидуальных исполнителей, всего приняли участие 762 человека⁶⁷⁰.

Большая работа была проделана в организации и подготовки сводного хора из учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ г. Пензы в составе 200 человек в сопровождении духового оркестра. Сводный хор был создан по инициативе директора ОДНТ и организован под управлением директора театра оперы Вазерского. В репертуаре хора были песни советских композиторов, «народная плясовая песня Пензенской области, исполнявшаяся с группой плясунов в 30 человек подготовленных постановщиком из Театра Оперы. Хор выступал на заключительном концерте в Облдрамтеатре»⁶⁷¹.

В мае проводился смотр художественной самодеятельности железнодорожного транспорта. В этом смотре приняли участие 2 хоровых коллектива, оперный коллектив техникума МПС, 3 духовых оркестра и 1 музыкально – драматический детский кружок, 2 танцевальных коллектива и 15 одиночек-исполнителей⁶⁷².

---

⁶⁶⁶ Там же. Д. 14. Л. 28.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 34.

⁶⁶⁸ Там же. Д. 4. Л. 27.

⁶⁶⁹ Там же. Д. 7. Л. 1.

⁶⁷⁰ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 7. Л. 5.

⁶⁷¹ Там же. Д. 4. Л. 7-8.

⁶⁷² Там же. Л. 10-11.

С 15 августа по 15 сентября – проводился областной смотр музыкальных и хореографических коллективов. В смотре приняли участие только 3 района Пензенской области, в основном в этот смотр были вовлечены городские кружки. Всего приняло участие 75 кружков с числом участников в 595 человек. «Из этого количества по жанрам участвовали 58 хоровых кружков, 8 духовых оркестров, 4 оркестра народных инструментов, 1 джазовый оркестр, 2 оркестра баянистов, 1 оркестр аккордеонистов, 86 индивидуальных танцоров исполнителей и 56 одиночек музыкальных исполнителей. Смотр этот до конца не был доведен по причине недостаточной подготовки и отсутствия средств, своевременно не изысканных профсоюзными организациями»⁶⁷³.

1 ноября – 30 декабря в г. Пензе был проведен общегородской смотр художественной самодеятельности всех предприятий, учреждений учебных заведений ремесленных училищ и школ ФЗО. В период подготовки к этому смотру «в городе было создано вновь 42 различных кружка.

Индивидуальных исполнителей с разбивкой по жанрам: сольное пение – 83 человека; художественное чтение – 45 человек, солистов на разных музыкальных инструментах: скрипка, баян, аккордеон, балалайки – 31 человек; танцоров – 35 человек. Всего 194 человека»⁶⁷⁴. 4 лучших коллектива было премировано денежными премиями и награждено почетными грамотами⁶⁷⁵.

По архивным документам на 1 декабря 1946 г. «по Пензенской области имеются следующие действующие кружки художественной самодеятельности драматических – 440 кружков, хоровых – 222 кружка, музыкальных – 80 кружков, танцевальных – 16 кружков. Изобразительное искусство – 1 кружок. Литературных – 20 кружков. Всего 779»⁶⁷⁶.

В другом архивном документе присутствуют иные данные: «При культпросветучреждениях области к концу 1946 г. создано и работает 896 кружков художественной самодеятельности, драматических – 460, хоровых – 264, музыкальных – 102, балетных и танцевальных – 48»⁶⁷⁷. В области «в кружках занимается 8000 человек»⁶⁷⁸. В другом документе говорится, что в области на 1 января 1946 года было 411 кружков художественной самодеятельности⁶⁷⁹.

Особенно масштабным был смотр 1948-49 гг. В нем приняли участие 334 коллектива. Первое место в смотре завоевал старейший Вадинский народный театр, который возглавляли И.Ф. Рассказова и Л.П. Дубков⁶⁸⁰.

⁶⁷³ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 4. Л. 12-13.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 27-30.

⁶⁷⁵ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 4. Л. 34.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 43-44.

⁶⁷⁷ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 30.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 31.

⁶⁸⁰ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 97. Л. 4.

Программы выступлений отличались богатством содержания и жанров, проникнутых народным искусством и военно-патриотической тематикой. Популярностью пользовались произведения народных сказителей — сказы, былины, песни, частушки на темы войны. Это — «Большая утрата» колхозницы Мордовской АССР Ф.И. Беззубовой, «Заветный меч-кладенец и волшебное кольцо», «Кто несет в мире зерно злобное, тот пожнет горе горькое»⁶⁸¹.

Заметный вклад в повышение профессионального мастерства самодеятельных артистов внесли известные в Пензе музыкант Ф.П. Вазерский и театральный деятель В.Т. Нечунаев.

В отчетах указывалось, что «значительно повысился идейно-художественный уровень исполнения коллективов и одиночек»⁶⁸². «Наиболее успешно смотр прошел в гг. Пенза, Кузнецк, в районах: Вадинском, Чембарском, Лунинском, Сосновоборском, Нижнеломовском, Сердобском. Однако в некоторых районах: Николо-Пестровском, Нечаевском, Неверкинском, Каменском, Соседском, Головинщенском, Иссинском, Голицынском смотры либо были сорваны, либо в них принимали участие только школьники»⁶⁸³.

В архиве хранится множество приказов областного отдела по делам искусств о создании жюри для всевозможных конкурсов и смотров. Например, в мае 1945 г. был издан следующий приказ: «Для проведения 1-го тура Всесоюзного конкурса Инструменталистов и вокалистов создать жюри в составе следующих товарищей:

Ковальский А.Ф. — дирижер театра оперы и балета (председатель жюри);

Грачев Н.С. — солист оперы;

Витвер Н.А. — педагог музыкального училища;

Фокин Ф.Ф. — солист оперы;

Вазерский Ф.Б. — дирижер театра оперы и балета.

Привлечь для участия в конкурсе ведущих солистов театра оперы и балета, мастеров эстрады, педагогов музыкального училища. Практическую работу по организации конкурса возложить на руководство Облгосэстрады. 1-ый тур Всесоюзного конкурса провести в зале Музыкального училища в установленные сроки. Подготовку концерта, посвященного 1 мая 1945 г. возлагаю на руководителей Облгосэстрады тов. Чарского Н. И. и Штейнвиля А.»⁶⁸⁴.

Отметим, что своими приказами областной отдел по делам искусств утверждал и экзаменационные комиссии в образовательных учреждениях культуры. В этом процессе непосредственно участвовали и секретари партийных организаций. Так, 9 июня 1945 г. вышел следующий приказ: «Ут-

⁶⁸¹ Очерки Мордовской организации КПСС Саранск, 1967. С. 322.

⁶⁸² ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 89. Л. 36.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 46. Л. 5-6.

вердить экзаменационную комиссию по выпуску оканчивающих ПХУ в 1944-1945 учебном году.

Председатель – заслуженный деятель искусств Директор ПХУ товарищ Горюшкин-Сорокопудов И.С.

Члены: представитель от ОДНТ, зав.учебной частью Училища Карташов И.С.

Преподаватели: Валукин М.Е., Вавилин А. Г., Постнов А. И., Краснов Н.К., Бурдин О.В., Дубков В. Н., Ульянов А.А., Котельников О.В.

Секретарь парторганизации Тумасьева А.Н., Нач. ООДИ К. Королев»⁶⁸⁵.

В 1945 – 1950 г.г. в подчинении областного отдела по делам искусств состояло 5 театров, из них 2 – в области: Областной драматический театр им. Луначарского; Областной театр оперы и балета; Областной театр кукол; Кузнецкий городской драматический театр; Областной колхозно-совхозный театр в Нижнем Ломове.

Власти тщательно отслеживали репертуар театров: «По прежнему большое место и внимание должно быть уделено отбору произведений классической драматургии, утверждающих идеи защиты родины, воспитания благородства, мужества, самопожертвования во имя высоких целей, идей. Наряду с показом произведений отображающих героико-патристическую Отечественную войну», процессов восстановления жизни в районах, где побывали немецкие захватчики, мирного устройства судеб советских людей, в репертуар театра должны быть включены пьесы, ранее написанные нашими драматургами, в которых правдиво показаны становление нашего государства, жизнь и труд советского общества. Эти пьесы должны помочь нам воссоздать картину, как была подготовлена наша победа, всем ходом Октябрьской революции, социалистическим строительством сталинских пятилеток. Поэтому, необходимо широко использовать лучшие произведения советской драматургии созданные до Великой Отечественной войны – Симонов «Парень из нашего города», Рахманов «Беспокойная старость» и др. Должен быть повышен интерес к произведениям драматургии братских республик. Важным разделом репертуарного плана по-прежнему остаются спектакли для детей»⁶⁸⁶.

Во главе Областного драматического театра им. Луначарского с августа 1940 г. стоял Евгений Николаевич Белов, он также являлся и художественным руководителем. Годовой репертуар включал в себя порядка 20 спектаклей, более половины из которых составляли постановки по произведениям советских авторов⁶⁸⁷. В июне 1947 г. по просьбе директора и худрука Белова Е. Н. его освобождают от должности директора и оставляют только на должности худрука. Новым директором становится Влади-

⁶⁸⁵ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 46. Л. 42.

⁶⁸⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 47. Л. 61.

⁶⁸⁷ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

мир Самуилович Муковозов. В одном из приказов областного отдела по делам искусств говорится: «Белов Евгений Николаевич просит об освобождении от обязанностей директора театра с оставлением должности художественного руководителя. Директором назначить Муковозова Владимира Самуиловича с 10 июня 1947 года с окладом 1100 рублей»⁶⁸⁸.

На 27 января 1945 г. в штате Облдрамтеатра было 159 человек, по студии учащихся – 25 человек. Студия при театре работала с февраля 1944 г. Обучалось «20 человек, из них 8 – мужчин (посещаемость 98 %)».

Штатный список театра представлял в 1946 г. следующую картину: «актеры – 37 человек: мужчин – 21, женщин – 16; вспомогательный состав – 20 человек, в том числе учащихся студии – 18 человек: мужчин – 7, женщин – 13; оркестранты – 9 человек: мужчин – 8, женщин – 1. Художественно-руководящий состав: Белов Е.Н. – директор с 1.08.1940; Халфин К.С. – режиссер с 23.07.1944; Эгерт И.В. – художник-постановщик; Рахмис М.П. – заведующий музыкальной частью, композитор. Административно-хозяйственный персонал – 8 человек. Заведующие цехами – 6 человек»⁶⁸⁹.

Уже в 1947 г. количество сотрудников вырастает до 184 человек, из них творческий состав – 37 человек⁶⁹⁰. В художественный руководящий состав входили режиссер К.С. Халфин; художник-постановщик И.В. Эгерт; заведующий музчастью, композитор М.П. Рахлис⁶⁹¹.

Сведения о сотрудниках Пензенского драмтеатра имени А.В. Луначарского за 1948-1956 гг. содержатся в справке о творческом составе театра: «В художественном творческом составе – 45 работников, 9 из них художественно-руководящий персонал. Главный режиссер – Юровский Ю.В. Режиссер очередной – Верминский Н.И. Режиссер – Пятков В.В. Художник постановщик – Епишин Г.Д. Художник – Кузнецов Ф.М. Инспектор сцены – Гунченко М.Н. Помощник режиссера – Кайрис М.Б. Суфлер – Любимова К.Н. Заведующий музыкальной частью – Максимова М.А. Актерский состав: артистов высшей категории – 10; 1-й категории – 17; 2-й категории – 8; 3-й категории – 1».

Из всего творческого состава 4 человека имели почетные звания РСФСР и 1 – почетное звание ТАССР: Воеводина Н.М. – заслуженная артистка РСФСР с 1948 г. (Новосибирский драмтеатр); Кирсанов П.М. – заслуженный артист РСФСР с 1952 года (Пензенский облдрамтеатр); Морозов Н.М. – заслуженный артист РСФСР с 1953 года (Пензенский театр); Смирнов Н.Е. – заслуженный артист РСФСР с 1953 (Пенза); Жарков Г.А. –

---

⁶⁸⁸ Там же. Д. 84. Л. 27.

⁶⁸⁹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-3.

⁶⁹⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

⁶⁹¹ Там же Д. 47. Л. 7.

заслуженный артист ТАССР с 1954 года (Казанский большой драматический театр им. Качали)»⁶⁹².

В январе 1946 г. в репертуаре облдрамтеатра были включены следующие пьесы: «Падение Острова Блютенбайль», «Раскинулось море широко», «Поединок», «Сирано де Бержерак», «Модная лавка», «Давным-давно», «Так и будет». 25.10.1945 г. пьесы «Поединок», «Сирано де Бержерак», «Падение острова Блютенбайль» – ликвидированы из репертуара⁶⁹³.

В 1946 г. в действующем репертуаре театра было 10 постановок, перешедших из 1945 г., 9 новых и 1 восстановленная⁶⁹⁴. За постановку пьесы «Великий Государь» театр получил грамоту Обкома ВКП(б) и Облисполкома, а также 15000 рублей на премирование его участников. Спектакль «За тех, кто в море» получил положительную оценку в печати и у зрителя.

По плану за 1946 г. театр должен был дать 310 спектаклей, но по факту дал лишь 273. Недовыполнено было 27 утренников. Это объясняли низкой посещаемостью, отсутствием света и другими техническим причинам.

По мнению Уполномоченного Главреперткома, в 1949 г. «пользовались успехом спектакли советских авторов: «Особняк в переулке», «За вторым фронтом», «Счастье». Из западной классики – «Собака на сене». Вдумчивая проработка ролей, красивое оформление, талантливое музыкальное сопровождение. В 1949 году был выпущен детский спектакль «Сказка о царе Салтане»⁶⁹⁵. На ответственные роли выдвигались молодые артисты.

За достигнутые успехи в производственно-хозяйственной и творческой деятельности в 1955 г. коллектив театра был награжден Почетной грамотой Пензенского обкома КПСС и Облисполкома. Обкомом КПСС и Облисполкомом за достигнутые творческие успехи артистка Людмила Алексеевна Лозицкая (перешедшая из Кузнецкого драматического театра в июне 1947 г.) представлена к званию заслуженной артистки РСФСР, а художник Епишин к званию – заслуженный деятель искусств.

С февраля 1944 при театре работала студия, где обучалось 20 человек.

Областной театр кукол был организован 1 апреля 1943 года в годы Великой Отечественной войны. До марта 1946 г. работал как передвижной театр, без стационарной базы, обслуживал районы области, а также школы Пензы. Театр находился в непосредственном подчинении Пензенского Областного отдела по делам искусств и был хозрасчетной организацией, тем не менее, отдел перечислял в театр дотацию⁶⁹⁶.

⁶⁹² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.

⁶⁹³ Там же Д. 58. Л. 1.

⁶⁹⁴ Там же Д. 47. Л. 11.

⁶⁹⁵ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 97. Л. 111.

⁶⁹⁶ Там же. Д. 78. Л. 1-2.

В отчете директора театра говорилось: «Пензенский Детский театр кукол работает в трудных условиях при отсутствии собственного помещения (размещается в доме пионеров)»⁶⁹⁷.

Изначально театр был укомплектован не специалистами-кукловодами, а драматическими артистами, которые лишь в процессе работы осваивали специфику кукольного дела. Это, естественно, отрицательно влияло на художественный уровень спектаклей.

Штат Театра кукол на июль 1946 г.: «Директор, администратор, старший бухгалтер, кассир билетной кассы, контролер-билетер, уборщица, сторож, актеры. Всего 12 человек»⁶⁹⁸.

Штат ОДТК им. Зои Космодемьянской на 1 апреля 1947 г. составлял уже 6 человек⁶⁹⁹. Сокращение было проведено в целях экономии.

За 1945 г. театр дал 197 спектаклей, по плану было предусмотрено 300. Работа театра за этот год была признана неудовлетворительной.

В феврале 1946 г. театр получил стационарное помещение на улице Московской, в котором был проведен капитальный ремонт. Штат сотрудников в 1947 г. – 26 человек.

Репертуар театра включал в себя следующие постановки: «По щучьему веленью», «Черная стрела», «Красная шапочка», «Конек-горбунок», «Каштанка», «Два Потапыча» и т. д.

20 марта 1946 г. Облсполком решил «присвоить Облтеатру кукол имя Зои Космодемьянской и впредь именовать театр «Областной детский театр кукол им. Зои Космодемьянской»⁷⁰⁰.

Возглавлял театр с октября 1945 г. Николай Борисович Беликов. В списке работников Пензенского областного театра кукол имени З. Космодемьянской, представленном в отдел по делам искусств о нем говорится: «Беликов Николай Борисович – худрук. (Образование среднее, гимназия, юридические курсы). Г. р. 1901 член ВКП(б). Работает с 20.10.1945 года (до этого армия)»⁷⁰¹.

За 1946 г. театр дал 232 спектакля на стационаре, в том числе было проведено 76 выездных спектаклей по обслуживанию посевной и уборочной компаний⁷⁰².

Коммерческая вместимость театра составляла 210 мест. В 1946 г. стоимость билета в кукольный театр была 3 рубля⁷⁰³.

В 1946 г. в январе, феврале и частично в марте театр почти не работал в связи с ремонтом здания. Весной 1946 г. театр объявил конкурс на «созда-

---

⁶⁹⁷ Там же. Д. 55. Л. 23.

⁶⁹⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 141.

⁶⁹⁹ Там же. Д. 87. Л. 2.

⁷⁰⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

⁷⁰¹ Там же. Л. 70.

⁷⁰² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 64.

⁷⁰³ Там же. Д. 78.

ние лучших образцов детской игрушки»: «Могут принять участие вес жаляющие. Срок предоставления работ на конкурс – 25 мая 1946 г. Работы предоставлять по адресу: Пенза, Московская 8, Государственный Областной детский Театр кукол»⁷⁰⁴.

Отдел по делам искусства считал, что театру «необходимо помочь путем посылок его руководящего состава в творческие командировки для ознакомления с постановками спектаклей лучших кукольных театров, а так же снабжением методической литературой и репертуаром, а равно и материалами для оформления спектаклей»⁷⁰⁵.

Отсутствие своего транспорта мешало интенсивной работе в районах области, тем не менее, в июне-июле 1946 г. состоялись гастроли в Сердобском, Бековском и Тамалинском районах.

В репертуаре были новые постановки: «Сказка партизанского леса», «Волшебная калоша», «Финист – Ясный сокол».

Театр, как говорилось в одном из отчетов, «отошел от чисто сказочного материала и поставил ряд детских спектаклей на тему партизанского движения и классовой борьбы. Значительно повысилось качество техники кукловодства, оформления и проработки ролей»⁷⁰⁶.

В 1948 г. в репертуаре – 11 пьес, из них 9 – советских авторов, 2 – русских классиков. В 1949 г. было поставлено 3 новых спектакля: «Сказка об Иване-царевиче и Сером волке», «Мишутка-партизан», «Веселые медвежата»⁷⁰⁷. Уполномоченный Главреперткома считал, что в 1949 г. «кукловедение стало гораздо профессиональнее»⁷⁰⁸.

Заметную роль в культурной жизни Кузнецка играл театр. В 1946 г. Кузнецкий драматический театр осуществил 11 новых постановок. Было дано 232 спектакля против плановых 310. доминирующее положение занимали произведения советских авторов. Был усилен творческий состав приглашением 10 человек, что дало возможность ставить новые спектакли. Из классиков в репертуаре произведения Островского, Лермонтова, Лопе де Вега. Лучшим советским спектаклем являлся «За Камою рекой» Тихонова.

Отсутствие автотранспорта, особенно за период гастрольной поездки, приводило к частым срывам спектаклей, которые должны были проходить в селах района и области. К недостаткам работы в отчетах относили «бедность оформления, костюмов, мебели, слабая работа со зрителем... в репертуаре отсутствуют пьесы для детей, условия работы неблагоприятные, в основном из-за отсутствия топлива». Зрители смотрели спектакли в пальто, артисты играли при низкой температуре, в связи с этим посещаемость в

---

⁷⁰⁴ Там же. Д. 59. Л. 131.

⁷⁰⁵ Там же. Д. 62. Л. 3.

⁷⁰⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 101.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 121.

⁷⁰⁸ Там же. Д. 97. Л. 117.

феврале-марте значительно снизилась. Театру пришлось отложить 20 спектаклей и понести серьезные убытки (в размере 56000 рублей). Само здание театра долгое время находилось в аварийном состоянии, только проведенный ремонт дал возможность возобновить полноценную работу в 1947 г. Неисправность отопительной системы, аварийное состояние театра усугубляли тяжелые условия, посещение зрителей в феврале и марте 1946 г. значительно снизилось. Театр отложил 20 спектаклей, понеся убыток в 56 тысяч рублей. Отсутствие в театре водопровода и других противопожарных мероприятий явилось причиной того, что с 5 мая, приказом полковника НКВД т. Харькова театр был закрыт, а комиссия, обследовавшая помещение театра, нашла его вообще непригодным для дальнейшей эксплуатации и подтвердила необходимость его закрытия. По инициативе Горисполкома и горкома партии был возбужден вопрос о дотации театру на капитальный ремонт с тем, чтобы реставрировать театр до строительства нового помещения в Кузнецке и тем сохранить художественно-творческий состав, значительно окрепший в 1946 г. После ремонта здание театра было «приведено в относительно культурное состояние, хотя и недостаточно уютное».

Интересны ответы директора театра Гусева, на заданный в конце отчета за 1947 г. вопрос «Что нужно для обеспечения дальнейшей работы театра?»: «увеличение завоза топлива; назначить нового директора; добиться фондового материала для оформления; выделить квартирный лимит; урегулировать вопросы продуктового снабжения; усиление парторганизации и увеличение партийного контроля в работе театра; необходим свой автотранспорт; оборудовать театр мебелью, создать уют»⁷⁰⁹.

В отчетах за 1946 г. отмечалось: «Состав (художественно-творческий) театра в н. 1946 г. (всего 18 человек) был спаян единым творческим методом работы, обеспечившим высокое качество спектаклей (что было отмечено не только на гастролях в Пензе и Гродно, но и московскими критиками). Морально здоровый коллектив изжил все недостатки прошлого (склоки, дразги, ликвидаторские настроения, жалобы, недовольство). Обеспечил планомерную работу, завоевал уважение зрителей и руководящих организаций города. В этом большую роль сыграли местные партийные и советские руководящие работники»⁷¹⁰.

В отчете о художественно-творческой работе театра за 1946 г. также говорилось: «...состав театра – 18 человек; в репертуарном плане было утверждено 10 спектаклей: «Окно в лесу» Рысса; «Самолет опаздывает на час» Рыбака и Савченко; «Чрезвычайный закон» бр. Тур и Шейнина и др. Из советской драматургии были представлены работы «Инженер Сергеев» и «Так и будет». На 1948 г. в репертуаре 17 спектаклей; из них советских авторов – 10, русских

⁷⁰⁹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 80. Л. 25-27.

⁷¹⁰ Там же. Л. 14.

классиков – 3, западноевропейских классиков – 4. Директором и художественным руководителем являлся тов. Гуштин».

29 июля 1947 г. отделом по делам искусства был издан приказ: «Актрису Кузнецкого драмтеатра Лозицкую Л.А. перевести на работу в Облдрамтеатр»⁷¹¹. В Кузнецком городском театре Лозицкая проработала 5 лет⁷¹². Позже Л.А. Лозицкая станет одной из наиболее ярких актрис Пензенского театра.

В 1938 г. в Земетчино на бывшей базе филиала Московского малого театра был организован Колхозно-совхозный театр. В 1940 г. он был переведен на базу в г. Нижний Ломов. В докладе на совещании в республиканском Комитете 17 апреля 1947 г. о работе Пензенского Областного колхозно-совхозного театра за 1942-1946 гг. с гордостью говорилось о значении Нижнеломовского района: «В северо-западной части области Н-Ломов это самый крупный сельскохозяйственный район. В нем 83 колхоза. Кроме того, это промышленный районный центр (фанерный завод, спичечная фабрика, пенькозавод, большая сеть промысловой корпорации). В радиусе на 100 км – 14 районов с хорошо оборудованными домами культуры»⁷¹³.

У театра имелось свое здание, переоборудованное из Дома культуры в 1935 г. Также на его территории в саду имелось здание летнего театра с закрытым зрительным залом на 480 посадочных мест.

Судьба театра складывалась достаточно сложно. В середине 1941 г. в области решили его расформировать, для расчета с сотрудниками даже была распродана часть имущества, оголена сцена. И только вмешательство Москвы приостановило расформирование.

В репертуаре на 1946 г. у театра было 10 постановок, их них 5 новых и 1 капитально-возобновленная. На стационаре было дано 137 спектаклей, а во время летней поездки, которая длилась 4 месяца 12 дней по 16 районам области, было дано 112 спектаклей. Но, тем не менее, план не был выполнен. По плану невыполнено 86 спектаклей. Это объяснялось неукомплектованностью труппы ведущими творческими работниками, отсутствием своего транспорта во время летних поездок (до войны было 2 грузовых машины)⁷¹⁴.

В самом театре практически не было мебели, «сцена одета очень бедно, стульев в зрительном зале – 50 %, костюмерная не пополнялась. Но тем не менее в репертуаре достаточно серьезные постановки: «Васса Железнова», «Иван да Марья», «Женитьба Бальзаминова», «Кому подчиняется время», «Инженер Сергеев», «Гроза», «Батыр Курманбек» и т. д. Спектакль «Доходное место» был отмечен высокой оценкой – грамотой Облсполкома и премией участникам спектакля»⁷¹⁵.

⁷¹¹ Там же. Д. 97. Л. 82.

⁷¹² Там же. Д. 92. Л. 1.

⁷¹³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.

⁷¹⁴ Там же. Л. 12.

⁷¹⁵ Там же. Л. 16.

Штат сотрудников театра составлял 34 человека, административно-руководящий состав – 4; художественно-руководящий – 4; творческий состав – 12; монтажно-технический – 7; обслуживающий – 7. В театре «отсутствовали крепкие творческие единицы на ведущие роли, почти 50 % актерского состава – молодежь, недавно пришедшая в театр, основной творческий костяк – 7 человек, работающих 5-9 лет. Театру были необходимы кадры, как-то: режиссер, герой, героиня, комик и т. д. Обслуживание села осуществлялось не в полном объеме, прежде всего из-за отсутствия транспорта, сельские клубы не были оборудованы для зимней работы».

В 1948 г. в репертуаре театра было уже 15 пьес, из них советских авторов – 9, русских классиков – 5, западноевропейских классиков – 1.

В декабре 1941 г. был организован на основе «рабочей оперы», созданной Ф. П. Вазерским при Доме культуры им. Кирова, Пензенский театр оперы и балета.

В конце 1943 г. после отъезда Ростовского театра музыкальной комедии оперному коллективу было предоставлено помещение Дома культуры им. Дзержинского. К 1945 г. в репертуаре театра были спектакли «Евгений Онегин», «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова, «Травиата», «Риголетто» Верди и др. Героико-патриотическая тема в репертуаре была представлена операми «Дубровский» Направника, «Кровь народа» Дзержинского. В труппу театра входили как местные, так и эвакуированные артисты. Так, дирижером оркестра был выпускник Лейпцигской и Московской консерваторий виолончелист Л. М. Гинзбург, в оркестре работал Л. Коган – будущий народный артист СССР.

В 1943 г. хозрасчетный оперный коллектив приказом комитета по делам искусства при СНК СССР переведен в сеть Государственных театров с присвоением ему III тарифной группы, а в 1944 г. он был переведен во II тарифную группу. С марта 1945 г., согласно соответствующему постановлению Совета министров РСФСР, театр был снят с дотации и переведен на самоокупаемость. При этом творческий профиль был изменен и театр реорганизован в Театр оперы и музкомедии.

Несмотря на усилия руководства театра, финансовое положение его поправить не удалось, хотя театр действительно пытался выжить:

– «Для постановок новых спектаклей в театре оперы и балета в 1945 году привлечены новые творческие силы: режиссер-постановщик Басманов В.К., Художник облдрамтеатра т. Эгерт И. В., главный дирижер – Карпов В.П.»⁷¹⁶;

– «В 1945 году повышение квалификации творческих кадров проводилась путем ежедневных занятий солистов с педагогами и ежедневного балетного класса под руководством балетмейстера»⁷¹⁷.

⁷¹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.

⁷¹⁷ Там же. Д. 53. Л. 29.

По итогам годового отчета Пензенского театра Оперы и Балета за 1945 г. работа театра была признана удовлетворительной⁷¹⁸.

С 1944 г. театр шил костюмы собственными силами⁷¹⁹.

Директор театра оперы и балета Кельманович в своем отчете о выполнении производственного плана писал:

1) длительность производственного периода в целом за 1945 год, намечалась по плану 330 дней, что и было выполнено фактически, в частности на стационаре 240 дней и в гастрольях – 90;

2) посещаемость театра по плану на стационаре 45 %, а фактически 38 %;

3) кол-во спектаклей на стационаре по плану предусматривалось 246 спектакля, фактически 153 спектакля, т. е. 58 % к плану и на гастрольях по плану не предусматривалось, фактически же выполнено 73 спектакля. Невыполнение плана на стационаре объясняется выездом театра на 3 месяца на гастроли (Гастроль на 3 месяца, в город Астрахань – 150 человек)⁷²⁰.

Шестимесячный опыт реорганизованного театра показал его нерентабельность. Ходатайство местных организаций о включении театра вновь в сеть дотационных театров удовлетворено не было.

Театр размещался в Доме культуры им. Дзержинского на арендных условиях, общее число мест зрительного зала – 967, коммерческая вместимость – 958. За отсутствием собственного помещения, театру оперы и балета приходится работать в 1945 году в помещении железнодорожного клуба им. Дзержинского на арендных условиях. Руководство театра жаловалось: «Согласно заключенному договору, нам представлено в нем на проведение спектаклей очень мало дней в месяц. Музейная и выставочная работа в 1945 году из-за отсутствия подходящего помещения развернута не была»⁷²¹.

В 1945 г. было проведено 309 спектаклей, 5 новых постановок, 2 спектакля были возобновлены⁷²². Штат сотрудников 329 человек. Это и административно-управленческий персонал, и художественно-руководящий персонал, концертмейстеры оперы, хора, балета, балетмейстер-постановщик, артисты-солисты и т. д. Возглавлял театр Лев Самойлович Кельманович.

В 1945 г. в действующем репертуаре было 10 постановок, перешедших с 1944 г., 3 постановки новых опер и 2 капитально-возобновленные: «Царская невеста», музыкальной комедии «Аршин Мал-Алан» и «Табачный капитан». Для укрепления театра был приглашен ряд новых работников – солистов и

⁷¹⁸ Там же. Д. 60. Л. 29.

⁷¹⁹ Там же. Д. 89. Л. 2.

⁷²⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

⁷²¹ Там же. Л. 7.

⁷²² Там же. Л. 15.

артистов хора. Всего в 1946 г. было дано 209 спектаклей вместо плановых 264, было обслужено 63200 человек.

Тяжело отражалось на работе неудовлетворительное состояние помещения, арендуемого театром. Штат театра на 1946 г. – 221 человек, балетных постановок в театре в этом году не было из-за отсутствия необходимых кадров⁷²³.

1 квартал 1948 г. прошел под знаком повышения качества спектаклей. Наметились положительные изменения по линии оркестра, хора и декоративного оформления. В репертуаре театра было 17 пьес, из них советских авторов – 10, русских классиков – 4, западноевропейских классиков – 12. Штат сотрудников – 213 человек. Финансовое положение театра очень тяжелое, перспектив нет. Для сохранения основного творческого состава было необходимо сократить его до 50 человек в виде оперного ансамбля, включив в состав эстрадного бюро. Решением облисполкома от ноября 1948 г. № 1085 театр был все-таки ликвидирован, все сотрудники получили расчет. Решение облисполкома о ликвидации театра Оперы и балета гласило: «Прекратить работу театра с 1 ноября 1948 года». В газете «Сталинское знамя» от 4 марта 1948 г. было опубликовано сообщение о ликвидации. В архиве хранятся материалы и переписка по ликвидации театра оперы и балета⁷²⁴.

Правопреемником театра стало КЭБ. Здание, все «материально-товарные ценности, кредиторская и дебиторская задолженности полностью переданы Пензенскому КЭБ»⁷²⁵.

Уполномоченный Главреперткома по Пензенской области в одном из своих отчетов в 1948 г. писал: «Театр оперы и балета. Со второго квартала, в связи с резким сокращением в творческом составе и экономией средств на оформление, качество спектаклей стало катастрофически снижаться. В третьем квартале театр оперы и балета прекратил свое существование»⁷²⁶.

Спасти театр не удалось, несмотря на попытки облисполкома включить в 5-летний план строительство в Пензе здания для Театра оперы и балета на 1000 посадочных мест, с расчётом ввести его в эксплуатацию в 1950 г. В объяснительной записке к форме проекта плана восстановления и развития народного хозяйства на 1945-1959 гг. по Пензенскому областному отделу по делам искусств говорилось: «Пензенский Областной театр Оперы и Балета, возник в 1942 году, в виде хозрасчетного коллектива, вырос в крепкий профессиональный государственный театр. Поэтому строительство здания театра ОиБ совершенно необходимо»⁷²⁷.

⁷²³ ГАПО. Ф.2584. Оп.1. Д. 14. Л. 7-8.

⁷²⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 104.

⁷²⁵ Там же. Л. 17.

⁷²⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 97. Л. 101.

⁷²⁷ Там же. Д. 55. Л. 17.

Так как многие актеры жили в гостинице и не имели собственного жилья, проектировалось в 1949 г. начать строительство Дома актера⁷²⁸.

В мае 1945 г. председатель Облсполкома М. И. Захаров подписал следующее решение: «В производственно-финансовые планы театра Оперы и Облдрамтеатра включить дополнительные расходы по найму квартир для творческого состава и увеличить фонд зарплаты согласно утвержденных для этих театров новых штатных расписаний»⁷²⁹. Семья директора театра Оперы и Балета Кельмановича (жена и дочь) проживала в г. Борисоглебск Воронежской области. Пензенские власти обеспечили Кельмановича квартирой, и он вызвал в Пензу семью⁷³⁰.

С 7 августа по 7 октября 1946 года согласно договору состоялись гастроли театра в Архангельске.⁷³¹ Театр направил заявку на участие в смотре Театров оперы и балета РСФСР, который должен был пройти с 1-го февраля по 1 мая 1947 года. По правилам должны быть «представлены 4 названия: советского композитора, русского оперного классика, западноевропейского классика, балет». Но принять участие в смотре театр уже не успел⁷³².

Активно продолжала свою деятельность организованная 1 сентября 1942 года Областная Госэстрада, руководимая Н.И. Чарским. Собственной площадки эстрада не имела, поэтому всю работу вела на арендованных площадках г. Пензы и области. В состав Госэстрады входили: Театр трансформации, эстрадные и цирковые бригады, бригады иллюзионистов и вокалисты. Производственная деятельность Госэстрады развивалась по двум основным направлениям – собственными силами и за счет приглашенных артистов (из Москвы, Львова, Ленинграда, Ульяновска и др.)⁷³³. При конторе Госэстрады был репетиционный зал, в котором имелось пианино⁷³⁴.

В отчете Облэстрады за 1945 г. назывались такие цифры: количество проведенных концертов – 1508; платные из них – 1238; шефские – 270; на фронте проведено – 50; в тылу – 220; в областном центре проведено – 345; в городах области – 93; в колхозах, совхозах, райцентрах – 800; за 1945 год план по обслуживанию зрителей выполнен на 90 %⁷³⁵.

В 1946 г. власти отмечали, что Облэстрадой «проведена большая работа по обслуживанию частей и учреждений РККА и колхозного села, обслуживание г. Пензы и крупных городов Пензенской области высококвалифицированными гастролерами, проведен ряд концертов филармонического плана. Улучшено качество эстрадных бригад и проведено системати-

⁷²⁸ Там же. Л. 19.

⁷²⁹ Там же. Л. 23.

⁷³⁰ Там же. Л. 25.

⁷³¹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

⁷³² Там же. Л. 7.

⁷³³ ГАПО. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁷³⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 68. Л. 10.

⁷³⁵ Там же. Л. 10.

ческое обновление их. Перевыполнен план по количеству концертов, по количеству обслуженного зрителя и по валовому сбору»⁷³⁶.

В репертуарном плане Пензенской областной Государственной Эстрады на 1-ую половину 1946 года говорится о работе музыкального лектория при театре: «В творческий состав лектория, на ряду с актерами и филармоническими ансамблями, состоящими в штате Облгосэстрады, привлечены 2 лектора, 5 актеров Облдрамтеатра, 6 певцов Областного театра Оперы и Балета и 3 педагога музучилища, работающие в лектории по совместительству»⁷³⁷. Работа в лектории шла по двум циклам – русская музыка и русская литература⁷³⁸. Музыкально-литературный лекторий работал в помещении Областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (позже – в Доме культуры им. Кирова, в доме офицеров)⁷³⁹. В 1946 г. «по музыкально-литературному лекторию проведено 90 лекций – концертов, по русской классической и современной музыке и литературе, а так же Западно-Европейской музыке»⁷⁴⁰.

Тем не менее, отдел по делам искусств не устраивала финансовая деятельность Облэстрады: «Отрицательные стороны – эстрада не перестроила и не наладила своего финансового хозяйства. Общая оценка. Работу Пензенской Облгосэстрады за 1945 год признать неудовлетворительной»⁷⁴¹.

С 1947 г. в Пензе работало Концертно-эстрадное бюро. Директором КЭБ был Мунькин, а худруком – Штейнвиль

Жизнь театров области строго регламентировалась властями. В архивах – множество приказов, связанных с кадровыми проблемами, командировками, гастролями и т.д.: «Разрешить театру оперы и балета гастрольную поездку в г. Астрахань с 8 июля сроком на 2,5 месяца. Начальник Областного отдела по делам искусства К. Королев». Это выдержка из приказа от 4 июля 1945 г.

В апреле 1947 г. по настоянию Облисполкома был проведен конкурс творческой молодежи театров (возраст участников 27-30 лет)⁷⁴².

Большую и разнообразную культурно-просветительскую работу вели музеи области. В 1946 г. начальником Областного отдела культпросветработы Дмитриевым был издан приказ о проверке наличия музейных фондов: «Директорам музеев провести проверку наличия музейных фондов в соответствии с записями в инвентарных книгах, проверку наличия фондов начать с 1 сентября 1946 года, руководствуясь «Инструкцией о порядке проведения проверки наличия фондов». Установить календарные сроки

---

⁷³⁶ Там же. Д. 60. Л.21.

⁷³⁷ Там же. Д. 68. Л. 2.

⁷³⁸ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 68. Л. 4.

⁷³⁹ Там же. Л. 16, 23, 52.

⁷⁴⁰ Там же. Д. 80. Л.25.

⁷⁴¹ Там же. Д. 60. Л.23.

⁷⁴² Там же. Д. 92. Л. 16.

проведения проверки музейных фондов для: областного краеведческого музея до 1 сентября 1948 года; Чембарского музея Белинского до 1947; В-Аблязовского музея Радищева до 1947 года; Наровчатского краеведческого музея до 1948 года; Атмисского краеведческого музея до 1947 года; Кузнецкого краеведческого музея до 1947 года; Сердобского краеведческого музея до 1947 года; Вадинского краеведческого музея до 1947 года»⁷⁴³.

В справке о состоянии краеведческих музеев Пензенской области, составленной в 1946 г., говорится: «Всего в области 6 краеведческих музеев: областной в гор. Пензе и районные: в Наровчате, Сердобске, Кузнецке, Вадинске и Атмиссе»⁷⁴⁴.

В 1949 г. о работе областного краеведческого музея говорилось так: «помещений недостаточно. Состояние экспозиции – удовлетворительное по отделу природы. Выставки: а) посвященная памяти 200-летия со дня смерти Радищева, б) посвященная 70летию со дня рождения Сталина»⁷⁴⁵.

Наровчатский краеведческий музей был «организован 28 февраля 1925 г. в здании бывшего Собора с полезной площадью в 560 кв. м – 470 кв. м под экспозицией. В музее 5524 экспоната»⁷⁴⁶. Обращает на себя внимание штат музея – «директор и уборщица»⁷⁴⁷. Музей имеет «отделы природы, истории, соцстроительства и стационарные выставки «Великая Отечественная война с германским фашизмом» и выставка санитарного просвещения»⁷⁴⁸.

Пензенская Картинная галерея известна далеко за пределами области. Ее живописная коллекция богата и разнообразна. Значение галереи в культурной жизни послевоенных лет вызывает необходимость исследования ее деятельности в отдельном разделе.

Пензенская Картинная галерея была учреждена в 1898 году, причем с середины 1920-х гг. до 1938 г. составляла часть краеведческого музея. Об этом периоде И.С. Горюшкин-Сорокопудов с горечью писал: «...картинный музей существовал с самого основания училища и не тронут был даже тогда, когда здание училища было занято под лазарет. И вдруг, в период нашего мирного строительства эти вандалы весь музей навалили как дрова на подводы, свезли в Краеведческий музей и свалили в кучу, где его частью разворовали, а большинство картин было испорчено. Картины прорваны, рамы разбиты, много было фарфора, бронзы и других ценностей, которые расхищены»⁷⁴⁹.

⁷⁴³ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 2. Л. 16-17.

⁷⁴⁴ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁷⁴⁵ Там же. Д. 22. Л. 40.

⁷⁴⁶ Там же. Д. 3. Л. 7.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 3.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 10.

⁷⁴⁹ Горюшкин-Сорокопудов И.С. Мои грустные воспоминания. ГАПО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 4а. Л. 16.

С 1 мая 1938 г. она была переведена в комитет по делам Искусств при Совнарком РСФСР⁷⁵⁰. Музейный фонд галереи насчитывал более 1000 экспонатов, в том числе – живопись, скульптура, графика и предметы прикладного искусства⁷⁵¹.

Галерея располагалась в здании Художественного училища, возглавлял ее в послевоенные годы заслуженный деятель искусств И.С. Горюшкин-Сорокопудов. После его смерти в 1954 г. в галерею из его усадьбы поступило больше 150 его произведений, его мебель и вещи, которые легли в основу мемориального музея И.С. Горюшкина-Сорокопудова⁷⁵². Отказываясь, как правило, от заказных портретов, он создал обширную галерею образов своих друзей и товарищей по работе⁷⁵³.

В одной из справок отдела по делам искусств от 12 июня 1945 г. говорилось: «Картинная галерея, утвержденная в 1898 году, входит в систему комитета по делам искусств с 1938 г. Картинная галерея помещается в здании Пензенского Художественного училища и финансируется через текущий счет училища.

В справке начальника отдела по делам искусств Муковозова от 1948 г. говорилось: «КГ помещается в ПХУ. Архитектурной ценности здание не имеет. Дата постройки здания 1897»⁷⁵⁴.

В годы войны власти покупали в картинную галерею работы пензенских художников, в основном на военную тематику. В архиве хранится акт от 20 июля 1944 г. «о передаче в Советский отдел ПКГ оплаченных работ А.Г. Вавилина «В рабство» (1944 г. масло, холст), В.П. Иванова «Последняя граната» (м.,х. 1944 г.), А.И. Постнова «2-я военная весна» (м.,х.), Н.К.Краснова «В деревне, отбитой у немцев» (м., картон), И.А. Капитанова «Тарханы» (1941 г. м, картон⁷⁵⁵).

В дополнительном списке картин, приобретенных ПКГ за 1942-1946 гг. (дополнение) числятся следующие произведения: «Дубков В.Н. «Пионеры», Краснов Н. К. «Крестьяне дарят коня Лермонтову», Каштанов И.А. «Портрет А. Дорогова», Постнов А. И. «9 мая 1945 год. Москва», Вавилин А.Г. «Речь товарища Молотова на ст. Пенза-I в 1933 году»⁷⁵⁶.

Да и в послевоенные годы мы находим свидетельства о том, что подобная практика продолжалась. 13 августа 1946 г. Горюшкину-Сорокопудову были «перечислены 50 000 руб. за купленные у него работы (7 картин): «Из культа прошлого» – 15000 руб., (М\Х) в хорошей деревянной резной коричневой раме, «Портрет жены» (М\Х) – 7000 руб., в раме светло-зеленого багета с бронзирровкой слегка побитою; «Мать с ребенком» (М\Х) –

⁷⁵⁰ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 16. Л. 14.

⁷⁵¹ Там же. Л. 45.

⁷⁵² Подробнее см.: Сазонов В.П. Картинная галерея имени К.А. Савицкого. Пенза, 1988.

⁷⁵³ Там же. С. 69.

⁷⁵⁴ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 65. Л. 15.

⁷⁵⁵ Там же. Л. 5-7.

⁷⁵⁶ Там же. Д. 88. Л. 1-2.

5500 руб.; «Поцелуй» (М\Х) – 5 000 руб., в раме из бронзированного багета; пейзаж «Зима» (М\К) – 2 300 руб.; «Портрет художника Сычкова» (М\Х) – 10000 руб.; пейзаж «Зима» (М\Х) – 5200 руб.; «Базарный день в старом городе» (Гуашь, картон)⁷⁵⁷.

Отметим, что по поводу этих картин произошел конфликт с И.С. Горюшкиным-Сорокопудовым. В 1946 г. начальник областного отдела по делам искусств Королев направил ему письмо: «Директору КГ Горюшкину-Сорокопудову. За счет средств местного бюджета было приобретено для КГ 7 выполненных вами картин. Несмотря на ряд напоминаний картины до сих пор в музей не поступили. Сообщаю, что до получения акта КГ о приемке упомянутых работ мною прекращено финансирование КГ»⁷⁵⁸.

В 1947 г. Картинной галереей были закуплены работы, рекомендованные художественным советом и правлением товарищества «Художник»:

А. Г. Плещов «Красный обоз» – 9000 руб.

А. А. Федосеев «Дети на пляже» – 5000 руб.

М. Ф. Глотов «Обед на колхозном стане» – 7000 руб.

М. Е. Валукин «Село Лермонтово» – 5000 руб.⁷⁵⁹

7 февраля 1948 г. директором КГ Горюшкиным-Сорокопудовым, старшим научным сотрудником ПКГ Елатонцевой Н.И. и Председателем Правления Пензенского Областного Товарищества «Художник» Ивановым В.П. был составлен акт о принятии картин приобретенных за счет средств ПОО по делам искусств. Эти картины экспонировались на выставке «Тридцатилетие СССР»:

1. Валукин М. Е. м/х «Село Лермонтово» 150x100

2. Иванов В. П. м/х «Колхозница» 100x110

Существование Пензенской картинной галереи и в довоенные годы не было безоблачным. В 1934 г. были ликвидированы центральные реставрационные мастерские, которые являлись научным и практическим центром работ по учету, охране и реставрации памятников. Дело охраны на местах было поручено музеям, не имевшим для этого ни финансовых, ни юридических возможностей. Проблемы реставрации предметов искусства, хранившихся в галерее, ее сотрудники вынуждены были решать своими силами. Руководство галереи только и могло, что отмечать в отчетах: «Проведено повторное обследование картин, нуждающихся в реставрации»⁷⁶⁰. Ранее реставрация проводилась в помещении галереи – реставраторами Третьяковской галереи. Заявки на реставрацию художественных произведений в центральную реставрационную мастерскую делались не меньше чем за год.

⁷⁵⁷ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 65. Л. 25-26.

⁷⁵⁸ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 65. Л. 27.

⁷⁵⁹ Там же. Д. 67. Л. 7-8.

⁷⁶⁰ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 65. Л. 1.

Безусловно, на деятельность ПХУ повлияла война. В 1941-1942 гг. Картинную галерею перестали отапливать, и она была закрыта⁷⁶¹.

Директор ПХУ Горюшкин-Сорокопудов писал в одном из своих отчетов: «В связи с уменьшением призывного возраста в 1939 году было призваны в РККА с 5-го курса – 34 человека, с 4-го курса – 52 человека, с 3-го курса – 55 человека, с 2-го курса – 54 человека. Чем и объясняется малое число выпускников в последующие годы»⁷⁶².

Смета Картинной галереи на 1946 г. была «утверждена в сумме 38000 руб., затем дополнительно ассигнованием 15000 рублей на приобретение картин художника Горюшкина-Сорокопудова доведена до 53000 руб.»⁷⁶³

В этой же справке была дана оценка деятельности картинной галереи: «Положительные стороны деятельности. Несмотря на недостаточный размер экспозиционных залов, Картинная Галерея откликается на памятные даты жизни русских художников, отмечает эти даты выставками и докладами. Хорошо поставлено хранение экспонатов. Отрицательная сторона: Картинная галерея недостаточно популяризирует хранящиеся в музее художественные ценности, в связи с чем невыполнен план по зрителю и входной плате. Вследствие необеспечения Картинной галереи дровами музей на зимние месяцы закрывается. Не производятся работы по изучению народного творчества.

В целом работу Картинной галереи за 1944 г. признать неудовлетворительной.

Предложения:

1. В 1945 году усилить работу по привлечению и обслуживанию зрителя и добиться выполнения плана.

2. Обеспечить Картинную галерею дровами, с тем, чтобы работа музея не прекращалась.

3. Устроить выставку работ Горюшкина-Сорокопудова.

Приступить к изучению народного творчества и сбору произведений народных ремесел»⁷⁶⁴.

Несмотря на то, что отмечалось хорошее хранение экспонатов, конечно же, галерее было уже тесно в здании ПХУ, где было лишь одно помещение для хранения фондов, которые нужно было размещать согласно довольно строгим правилам: «Экспонаты живописи находятся в стенной повеске и на стендах, а также в штабелях с соблюдением правил укладки по форматам картин. По отделу «графики» в специальном сундуке и папках. По разделу «ДПИ» – частично в запаснике, частью в нижних, закрытых ярусах витрин. В виду недостаточности помещения запасника требуется дополнительное помещение»⁷⁶⁵.

⁷⁶¹ Там же. Л. 1.

⁷⁶² Там же. Д. 55. Л. 21.

⁷⁶³ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 16. Л. 25.

⁷⁶⁴ Там же. Д. 46. Л. 43-47.

⁷⁶⁵ Там же Д. 68. Л. 25.

После войны проблемы с отоплением постоянно дестабилизировали работу галереи: «В виду неотопления галереи на зимне-весенний период часть экспонатов живописи и графики свертывается для предохранения от порчи»⁷⁶⁶.

Приказ Областного отдела по делам искусства от 22 сентября 1945 г. гласил: «С 22 сентября 1945 года – согласно заявлению Горюшкина-Сорокопудова уволить с должности директора Картинной галереи и ПХУ, назначить директором Картинной галереи и ПХУ Анисимова Григория Ивановича»⁷⁶⁷. Тем не менее, Г.И. Анисимов не проработал долго в этой должности: «Анисимова И. И. директора ПХУ и Картинной галереи освободить от обязанностей директора Картинной галереи, назначить по совместительству директором Детской художественной школы (с 15 ноября 1945 г.) Директором Картинной галереи с 1 декабря 1945 года назначить Горюшкина-Сорокопудова»⁷⁶⁸.

Штат Картинной Галереи на 1945 год оставался на уровне 1944 г.⁷⁶⁹:

В галерее работали высококлассные специалисты. Также, как и в Художественном училище, проблемы с кадрами не было: «Потребности в специалистах с высшим и средним образованием на 1948 г. по ПКГ не имеется. Горюшкин-Сорокопудов»⁷⁷⁰. Старший научный сотрудник Надежда Илларионовна Елатонцева окончила искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета в 1947 г. и сразу же начала работу в галерее. Н.И. Елатонцева составляла путеводитель галереи, а также проводила консультации по вопросам атрибуции картин с отделом живописи «Русского» музея.

Научный сотрудник Татьяна Борисовна Мантурова тоже закончила «Искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета в 1947 и приступила к работе в галерее.

В рамках научно-исследовательской работы сотрудники галереи проводили «уточнение биографических дат русских художников и круга некоторых картин повышенной ценности неизвестных художников в иностранном отделе»⁷⁷¹, собирали «материал к новому бронзированным этикетажу, к экспонатам живописи и графики с биографическими данными художников, а в «неизвестных художниках» – с указанием школ и веков»⁷⁷².

Большую роль сыграла работа научно-инвентаризационной комиссии в составе И.С. Горюшкина-Сорокопудова, старшего искусствоведа И.А. Каштанова, искусствоведа Л.В. Орловой, экскурсовода Н.Д. Валукиной.

---

⁷⁶⁶ Там же Д. 67. Л. 16.

⁷⁶⁷ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 16. Л. 34.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 44.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 52.

⁷⁷⁰ Там же. Л. 27.

⁷⁷¹ Там же. Д. 80. Л. 16.

⁷⁷² Там же. Л. 19.

В «Отчете о научно-популяризационной работе» за 1947 г. говорилось о том, что в комитет по делам искусств при Совете Министров РСФСР были «посланы фотоотпечатки с картин, намеченных к репродуцированию. При фотоотпечатках приложен общий список картин намеченных к фотографированию (общий список составлен художественным жюри и научными сотрудниками при консультации директора Картинной галереи)... на выставку картин художника Саврасова послана в Государственную Третьяковскую Галерею картина «Берег моря» из собрания ПКГ⁷⁷³.

В экспозициях были представлены школы русского, советского и западноевропейского искусства. По отделам прикладного искусства – фарфор, стекло, мебель, бронза. Перед ремонтом помещения КГ в 1948 г. экспонаты были свернуты из экспозиции и находились в консервации. По окончании ремонта и просушке помещения была проведена «экспозиция с доработками в ранее бывших экспозициях во всех отделах. Общее количество экспонатов, находящихся в экспозиции 472»⁷⁷⁴.

Общее количество экспонатов на 1 января 1948 составляло 1147. В том числе живописи (масло и акварель) – 610. Скульптуры – 28. Графики (рисунки и офорты и пр.) – 95. ДПИ – 369. Все экспонаты были внесены в инвентарные книги»⁷⁷⁵.

От галереи ждали доходов, но время было настолько трудным, что денег, безусловно, она не приносила: «Смета доходов по входной плате утверждена на 1946 год в сумме 2000 рублей – исполнение 250 рублей. Посетителей за год было всего 4903 человека вместо 33000 по плану. В числе посетителей 3930 человек бесплатные – учащиеся Художественного училища и красноармейцы»⁷⁷⁶.

В 1948 г. «план посещаемости галереи составлял 22 000 человек. Фактически посетило – 13 020 человек. Количество экскурсий – 65. Количество экскурсантов – 2600 человек. Общее число платных экскурсантов -843. Количество дней открытых для посещения – 184 (в виду ремонта план не выполнен)»⁷⁷⁷.

Сотрудники галереи пытались проводить «мероприятия по организации экскурсий. Велась договоренность по организации плановых экскурсий с Областным Отделом экскурсий с Областным Отделом Трудовых резервов, с учебными заведениями»⁷⁷⁸.

Тем не менее, по традиции власти искали виновных: «Невыполнение плана посетителей объясняется тем, что аппарат галереи слабо ведет работу среди населения, с целью организации коллективных просмотров и экс-

⁷⁷³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 53. Л. 27-29.

⁷⁷⁴ Там же. Д. 43. Л. 22.

⁷⁷⁵ Там же. Д. 43. Л. 52.

⁷⁷⁶ Там же. Д. 17. Л. 51.

⁷⁷⁷ ГАПО. Ф.2356. Оп.1. Д. 27. Л. 5.

⁷⁷⁸ Там же. Д. 57. Л. 25.

курсий»⁷⁷⁹. В 1945 входная плата в музей была 10,25,50 коп. Картинная галерея работала для посетителей каждый день с 11 до 17, кроме понедельника и четверга.

Руководство галереи в 1948 г. подверглось резкой критике. В постановлении отдела по делам искусств от 12 октября 1948 г. говорилось: «Не проводятся в должном количестве передвижные выставки и лекции по Пензе и области. Работа музея не освещается по радио и в местной прессе... Отсутствует советский отдел, превалирует западноевропейское искусство. В запасниках картины хранятся небрежно. Не проведена атрибуция коллекции фарфора... Помещение КГ частично занято под частные квартиры, которые в течение ряда лет не отапливаются, вследствие чего картинам угрожает порча в зимнее время. Принимая во внимание преклонный возраст и физическое состояние, Горюшкина-Сорокопудова освободить от занимаемой должности»⁷⁸⁰.

Планы так называемых сквозных экскурсий отсылались в отдел по делам искусств: «Продолжительность экскурсии 45-50 минут. Знакомство с художественными ценностями галереи в исторической последовательности, начиная с западного искусства эпохи Возрождения до русского искусства начала XX века. Экскурсия проводится с учетом уровня развития групп экскурсантов как-то: школьники, студенты, солдаты и офицеры СА и т.д.»⁷⁸¹.

Отслеживая поступления денег, власти, тем не менее, обязывали галерею заниматься бесплатной просветительской работой. В 1946 г. Картинная галерея организовала передвижную выставку по Пензенской области с маршрутом в районы – в Кузнецк и Совхоз «Гигант». На выставку выделялись картины из «Советского отдела» галереи. Посещение выставки было бесплатным, количество дней и посетителей не учитывалось⁷⁸². После войны активизировалась экспозиционная работа.

Например, в 1947 г. сотрудники галереи провели две выставки: «В День выборов в Верховный Совет РСФСР (в помещении ПХУ). Выставка, посвященная «30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (в здании краеведческого музея)»⁷⁸³.

Почти ежегодно при участии сотрудников галереи проводились областные выставки Пензенского отделения ССХ. На эти выставки галерея выделала некоторые работы «Советского отдела». Как правило, в первые годы после войны выставки размещались в здании краеведческого музея, а потом (в основном летом) передвигались по городам области. Согласно указанию исполкома часть картин по возвращению из поездок по области

⁷⁷⁹ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 17. Л. 72.

⁷⁸⁰ ГАПО. Ф.2356. Оп.1. Д. 57. Л.47.

⁷⁸¹ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 82. Л. 11.

⁷⁸² Там же. Д. 17. Л. 77.

⁷⁸³ ГАПО. Ф.2356. Оп.1. Д. 47. Л. 7.

экспонировалась в фойе облдрамтеатра. ДК им. Кирова и др. Галерея совместно с Оргбюро ССХ по Пензенской области проводила выставки, посвященные годовщинам Октябрьской революции: «На выставке экспонировались картины «Советского отдела» КГ членов ССХ Пензенской области и учащихся ПХУ. Выставка популяризировалась по радио, афишами в печати»⁷⁸⁴.

Картины советских художников постоянно покидали галерею:

– «Для экспонирования передвижной выставки в фойе театров выделено 9 картин «Советского отдела». Оставшиеся картины «Советского отдела» экспонированы в галерее и избирательном участке ПХУ»⁷⁸⁵.

– «Ряд картин передан директором на временное экспонирование в зал заседаний Пензенского облисполкома картин членов ССХ по Пензенской области из «Советского отдела» галереи»⁷⁸⁶.

Расширение сети учебных заведений сферы культуры началось в области с 1944 г. Кроме восстановленного Музыкального училища за это время вновь организованы театральная студия, детские музыкальные школы в Кузнецке и в Заводском районе города Пензы, а также детская художественная школа⁷⁸⁷.

Война фактически прекратила деятельность подавляющего большинства образовательных учреждений культуры в области. Но сразу же после Победы они стали открываться заново.

Пензенское музыкальное училище существовало с 1882 года, в системе по делам искусств – с 1937 года. ПМУ в сентябре 1941 года было «консервировано и возобновило свою деятельность с 1 сентября 1944 года»⁷⁸⁸. В училище были фортепианное, вокальное, оркестровое (струнное и духовое), дирижерско-хоровое отделения, отделение народных инструментов, а также «отделение военноослепших по классу баяна»⁷⁸⁹.

Музыкальное училище с 1946 года работало по новым программам. По общеобразовательным предметам преподавание велось по программе средне-специальной школы. (8,9, 10 классы). В отделении слепых инвалидов войны преподавание велось по системе Брайля (общеобразовательные и специальные предметы). Естественным для того времени был «недостаток педагогических кадров – по музыкально-теоретическим предметам, по истории музыки, по медным духовым инструментам и по фортепиано»⁷⁹⁰. Причина была традиционная – «за отсутствием для них жилплощади»⁷⁹¹. На 1 января 1947 года в школе обучалось 102 человека, на 1 января 1948 года –

⁷⁸⁴ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 17. Л. 79.

⁷⁸⁵ Там же. Д. 80. Л. 57.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 61.

⁷⁸⁷ Там же. Л. 4-5.

⁷⁸⁸ Там же. Д. 6. Л. 7.

⁷⁸⁹ Там же. Д. 144. Л. 25.

⁷⁹⁰ Там же. Д. 80. Л. 11.

⁷⁹¹ Там же. Л. 14.

141 человек⁷⁹². С начала учебного 1946 года в школе стали работать методические комиссии: фортепианная, музыкально-теоретическая, оркестровая, вокальная⁷⁹³. В этом же году было проведено «8 закрытых и 4 открытых концерта учащихся»⁷⁹⁴.

В 1949-1950 г. Музыкальное училище организовало целый ряд симфонических концертов из произведений Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, Чайковского и советских композиторов. В концертах принимали участие преподаватели и учащиеся, а так же солисты ГАБТ И.М. Скобцов, А.А. Яхонтов. Первый концерт состоял из произведений Глинки и Даргомыжского. Областная газета на первой странице дала отчет о концерте и снимок всех участников хора, оркестра, солиста А.А. Яхонтова и дирижера Вазерского⁷⁹⁵. Второй симфонический концерт из произведений Могучей кучки состоялся в конце декабря. В концерте принимал участие солист ГАБТа И.М. Скобцов.

В декабре 1952 г. в помещении Областного драмтеатра отмечалось 70-летие училища. В первый день была торжественная часть и концерт солистов, хора и симфонического оркестра. На следующий день был поставлен оперный спектакль. «Борис Годунов» при участии в главной партии солиста ГАБТа Скобцова, преподавателей и учащихся с симфоническим оркестром.

В ноябре 1945 года вновь открылась музыкальная школа в Заводском районе Пензы (директор – Михаил Ефимович Будылин). ДМШ Заводского района была организована решением Пензенского Областного Исполкома от 23 октября 1945 г. Работала школа в арендованном помещении в Пензенском Доме культуры им. Кирова, подчинялась областному отделу по делам искусств и находилась в ведении Комитета по делам искусств, при Совете Министров РСФСР.

Вообще, с директорами этой школе не везло. 4 января 1946 года вышел приказ: «Назначить директором музыкальной школы заводского района Иванова Ивана Анатольевича (с 1-го января 1946 года) вместо Будылина Михаила Ефимовича».

Через несколько дней появился еще один приказ: «25 января 1946 года временно исполнявшего обязанности Директора музыкальной школы Иванова от работы освободить и назначить директором Полферова Василия Яковлевича (с 10-го января 1946 года)»⁷⁹⁶.

В приказе от 26 сентября 1946 г говорилось: «Ввиду того, что директор Детской Музыкальной школы Заводского района Полферов В. Я. совершил

---

⁷⁹² Там же. Л. 17.

⁷⁹³ ГАПО. Ф.2355. Оп.1. Д. 80. Л. 20.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 23.

⁷⁹⁵ Сталинское знамя. 27 ноября 1949 г.

⁷⁹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 60. Л. 18, 20.

уголовное преступление с должности снять, директором назначить Якушева Константина Александровича (с 27 сентября 1946 г.)»⁷⁹⁷.

В годовом отчете областного отдела по делам о работе подведомственных учреждений за 1947 г. о работе Детской музыкальной школы Заводского района говорилось: «Количество учащихся 108 человек. Специальности фортепиано – 61 чел. Скрипка – 8. Народные инструменты – 12. Баян и аккордеон – 27»⁷⁹⁸.

В 1951-1952 учебном году в школу было принято 60 учеников: «по классу фортепиано – 33, скрипки – 5, балета – 22. На конец года – 163 ученика (по плану должно быть 181). Отсев 45 учеников (отъезд родителей, неуспеваемость в общеобразовательной школе, по болезни, из-за неоплаты обучения). Директор – Матвеев»⁷⁹⁹.

Существовала с 1946 г. музыкальная школа и в Южном районе. В ней предполагалось открыть специальности: фортепиано, скрипка, виолончель и духовые инструменты (количество учащихся на 1 января 1947 года – 178 человек). Власти, характеризуя работу школы, отмечали: «Основным недостатком является ненормальное соотношение специальностей – много пианистов, мало духовиков и виолончелистов, а также отсутствие необходимого количества оркестровых инструментов. Успеваемость – 90 %. Методическая работа осуществляется вместе с ПМУ»⁸⁰⁰.

Работали образовательные учреждения культуры также и в городах и районах области. В одном из приказов областного отдела по делам искусств говорилось о начале деятельности Кузнецкой детской музыкальной школы с 1 октября 1944 года⁸⁰¹. С 1946 г. Кузнецкая детская музыкальная школа работала с количеством учащихся в 1946 году – 78 человек и четырьмя педагогами. С 1-го сентября 1946 года осталось 58, это объяснялось так: «отсев произошел за счет разэвакуированных учащихся»⁸⁰². Проблема в работе школы была общей – «не велись предметы: в 3-7 классах музыкальная литература, класс аккомпанемента за отсутствием педагогов. Школа не имеет достаточного количества инструментов, нот»⁸⁰³.

Постоянной проблемой училищ и музыкальных школ была нехватка дров. В архивных документах эта проблема – «дежурная»: «В 1945 году ввиду недостатка дров и средств предполагается использовать калориферную систему отопления, хотя бы через день»⁸⁰⁴. Власти области весьма тщательно следили за деятельностью образовательных учреждений культуры: «Согласно распоряжению Облисполкома №182 от 07.07.1945 г. ус-

⁷⁹⁷ Там же. Л. 34.

⁷⁹⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 96. Л. 10.

⁷⁹⁹ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 90. Л. 16.

⁸⁰⁰ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 80. Л. 25.

⁸⁰¹ Там же. Д. 16. Л. 4.

⁸⁰² Там же. Д. 80. Л. 27.

⁸⁰³ Там же. Л. 29.

⁸⁰⁴ Там же. Д. 43. Л. 7.

тановить начало занятий в учреждениях искусств с 9.00 утра до 17.30 вечера, с перерывом на обед 30 минут. Приказываю директорам учреждений искусств перейти на указанный распорядок работы с понедельника 9 июля 1945 г. И.о. начальника Областного отдела по делам искусства Н. Чарский»⁸⁰⁵.

Самым известным учебным заведением было Пензенское Художественное училище (ПХУ). Пензенское художественное училище пользовалось широкой популярностью в стране. В справке о состоянии ПХУ за 1947 г. указывалось, что всего в училище обучалось – 237 человек: «Из них жителей Пензенской области – 64 (41-городских, 23-сельских жителей)»⁸⁰⁶.

В 1944 г. в Пензенском Художественном училище было 19 штатных единиц, в 1945 – 21⁸⁰⁷. Директором Пензенского Художественного училища был И.С. Горюшкин-Сорокопудов. Его заместителем – М. Е. Валукин. Несмотря на то, что в своих воспоминаниях И.С. Горюшкин-Сорокопудов писал, что дореволюционный период истории художественного училища «отличался стройностью и серьезностью постановки учебного дела», а «после Октябрьской революции начинается тот развал и безобразие, которые носили характер вандализма»⁸⁰⁸, училище не прекращало свою работу и в годы войны, а после Победы начался новый этап его истории.

В первые послереволюционные годы преподавание в училище велось исключительно на основе левых течений в искусстве. И.С. Горюшкин-Сорокопудов писал: «В 1918 г. из Москвы был назначен комиссаром по искусству некто Е. Равдель. Это первый период развала нормальной учебы в ПХУ. Наркомом просвещения и искусства в то время был А.В. Луначарский, который покровительствовал тем левым течениям, которые своей бессмыслицей отражались во всех областях искусства. Во главе изобразительного искусства стоял Татлин, мой ученик, который учился в ПХУ. Безусловно очень талантливый человек, но по окончании училища увлекся новыми течениями: футуризмом, кубизмом и тому подобными непонятными идеями и делал такие вещи, которые ничего общего не имели с искусством... Вот эти люди и диктовали по перифериям свои непонятные и чуждые народным массам идеи, проводили ломку везде, где существовал здравый смысл... Был создан исполнительный комитет учеников, которые и были руководителями учебы. Они создавали для себя все планы учебы, выдумывали всевозможные чудачества, отрицали все, что называлось здравым смыслом... Они связывали разные предметы обихода, на веревке подвешивали к потолку и раскачивали эту связку, а другие ученики должны были рисовать. Это называлось «натюрморт в динамике»... В тот пери-

---

⁸⁰⁵ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.

⁸⁰⁶ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.

⁸⁰⁷ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 47. Л. 72.

⁸⁰⁸ Горюшкин-Сорокопудов И.С. Мои грустные воспоминания. ГАПО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1-2.

од училище было переименовано в художественные мастерские... У нас было много античных гипсовых фигур и голов, все они были разбиты и выброшены во двор. Был у нас кабинет пособий, где были всевозможные костюмы: среднеазиатские шелковые халаты, мордовские костюмы, боярские и т.д. Были прекрасные драпировки из бархата, плюша, шелка всевозможных цветов. Весь этот кабинет был расхищен до основания»⁸⁰⁹. Но училищу был нанесен ущерб не только в первые послереволюционные годы, в предвоенное десятилетие оно также пострадало: «Начато было с библиотеки, в которой был прекрасный материал, – многое было вывезено на бумажную фабрику «Маяк революции» как утиль»⁸¹⁰. В это время И.С. Горюшкин-Сорокопудов был вынужден оставить педагогическую работу (1931 г.). В 1936 г. его вновь пригласили в училище. Он писал: «Руководу вновь открытым отделением станковой живописи. Привело меня сюда всепобеждающее стремление передать молодежи свои знания, воспитать новых больших советских мастеров кисти. Я поставил перед собой задачу – дать учащимся знания строгого рисунка и живописи»⁸¹¹.

В его возвращении огромную роль сыграл поворот в культурной политике государства, создание официального стиля – социалистического реализма, во многом основанного на достижениях классического дореволюционного искусства. В вопросах педагогики И.С. Горюшкин-Сорокопудов придерживался в основном репинских принципов. Многие в его педагогической системе шло от старой Академии художеств.

Горюшкин-Сорокопудов И.С. сыграл огромную роль в жизни Художественного училища. С его помощью с 1936 г. начал восстанавливаться нормальный учебный процесс. С конца 1930-х гг. как живописец И.С. Горюшкин-Сорокопудов работал в основном над небольшими пейзажами. У него ухудшилось зрение и все свои силы он посвятил педагогической работе⁸¹².

ПХУ с 1936 г. входило в систему комитета по делам Искусств при СНК РСФСР и состояло в непосредственном ведении Отдела Искусств Пензенского Облисполкома. Пять лет – с 1942 по 1947 г. директором училища был И.С. Горюшкин-Сорокопудов. На короткое время директором училища был назначен Анисимов, но в августе 1946 директор ПХУ Анисимов, «как необеспечивший руководство училищем от работы освобожден»⁸¹³. 18 июля 1946 г. директором ПХУ и Детской Художественной школы уже был назначен «демобилизированный из Красной Армии Владимиров Иван Васильевич (до марта 1942 года работал на этой должности, до отправки на

⁸⁰⁹ Горюшкин-Сорокопудов И.С. Мои грустные воспоминания. ГАПО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 4а. Л. 3-4, 6.

⁸¹⁰ Там же. Л. 10.

⁸¹¹ Волжская коммуна. 12 ноября 1936.

⁸¹² Подробнее см.: Нехорошев Ю. Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов. Л. 1968.

⁸¹³ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 137.

фронт)»⁸¹⁴. Но он также проработал в этой должности лишь несколько месяцев.

В трудные послевоенные годы И.С. Горюшкин-Сорокопудов боролся за то, чтобы из стен училища выходили хорошо подготовленные специалисты – учителя рисования, театральные декораторы, скульпторы, способные творчески работать. В 1947 г. он сдал пост директора, но продолжал вести большую общественную работу – его избрали депутатом городского Совета, к тому же он был неизменным членом всех областных выставочных комитетов. Не бросал И.С. Горюшкин-Сорокопудов и педагогическую работу – он регулярно приезжал в училище, обходил мастерские старшекурсников, консультировал дипломников, участвовал в просмотрах отчетных выставок.

В дни Великой Отечественной войны училище не прекращало своей работы и за 1942-1945 гг. выпустило 38 специалистов. На фронтах Отечественной войны сражались за Родину свыше 200 учащихся и преподавателей училища.

В 1948 г. в училище было: «Аудиторий и мастерских – 19. Площадь 900 квадратных метров. Библиотека и читальный зал 1 (85 квадратных метров). Зал – 1 (130 квадратных метров). Служебных помещений – 6 (125 квадратных метров). Скульптурная мастерская – 1 (143 квадратных метра)»⁸¹⁵.

В учебном корпусе кроме мастерских было и общежитие. Принадлежавшее училищу общежитие в 1939 году по решению Пензенского горисполкома было передано в пользование Стрелковой дивизии. Позднее здание перешло в ведение КЭЧ Военного гарнизона: «В связи с этим часть учебного корпуса – 4 аудитории и 2 служебные комнаты заняты под общежитие»⁸¹⁶.

В мае 1946 г. руководство Художественного училища обратилось в Облисполком: «В виду недостаточности ассигнований на оплату частных квартир для учащихся последние стали селиться в учебном корпусе. Здесь расселены вернувшиеся с фронта бывшие учащиеся, в том числе инвалиды Великой Отечественной войны, которым мы обязаны предоставить возможность продолжать образование. Так стихийно возникло общежитие, в котором сейчас проживает 100 студентов, расселившихся в 12 комнатах. Училище не имеет штата, средств на обслуживание общежития, не может создать нормальных условий. Училище почти совершенно лишилось мягкого инвентаря, так как часть его, выданная в годы войны по распоряжениям Облисполкома госпиталям, обратно не получена, а оставшийся инвентарь, за последние годы пришел в негодность. Чтобы исправить положение

---

⁸¹⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 60. Л. 17.

⁸¹⁵ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

⁸¹⁶ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 96.

прошу Вас внести решение о передаче училищу общежития по Садовой улице»⁸¹⁷.

Облисполком отреагировал быстро: «Обязать Пензенский Горисполком освободить и возвратить ХУ принадлежавшего ему общежития по Садовой улице. Одобрить штатное расписание общежития в 7 человек. Утвердить смету на содержание общежития. Выделить Художественному училищу мягкий инвентарь. Обязать Облторготдел выделить промтовары и принять меры к улучшению питания студентов»⁸¹⁸.

С 1940 года ПХУ почти не получало художественных материалов (красок, холста, бумаги), пользовалось случайными приобретениями. В отчетах говорилось, что «наибольшее число плохих оценок падает на русский язык и литературу. Оставлено на 2-ой год по болезни 3 человека. Отчислено по неуспеваемости 5 человек»⁸¹⁹. В 1949 г. руководство училища в своем отчете уже указывало: «Хозяйственный и учебный инвентарь имеется в необходимом количестве и ежегодно пополняется. Натюрмортный фонд пополнился набором гипсов (из Ленинграда) драпировками различных цветов и фактур... Библиотека имеет 14000 книг из них книги по искусству – 5500. В этом году Библиотека значительно пополнилась книгами художественной литературы»⁸²⁰.

Правда, материальные проблемы, безусловно, до конца решены не были: «Физические и химические кабинеты минимально необходимое оборудование не имеют. Недостаточно оборудован кабинет черчения, пластической анатомии и военной подготовки. Спортзала – нет. Снабжение художественными материалами (краски, бумага, холст и пр.) до сих пор упорядочить не удалось, из-за неясности финансовых порядков»⁸²¹. Большую часть материалов училище и учащиеся вынуждены приобретать по рыночным ценам плата – 30-50 рублей за тюбик краски и 8-10 рублей за карандаш.

С 15 ноября 1945 г. при ПХУ существовала Детская художественная школа. В Пензенской художественной школе, организованной при ПХУ, занятия начались 16 ноября 1945 г., «за отсутствием специальной мастерской занятия проводились в кабинете директора училища»⁸²². Были даны объявления по радио, в газету «Сталинское знамя», а в сентябре преподаватели-специалисты посещали общеобразовательные школы и выявляли на месте одаренных детей.

Занятия проводились в две смены. Было принято 49 человек⁸²³.

---

⁸¹⁷ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 59. Л. 101.

⁸¹⁸ Там же. Л. 107.

⁸¹⁹ Там же Д. 65. Л. 38.

⁸²⁰ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

⁸²¹ Там же. Л. 17.

⁸²² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

⁸²³ Там же. Л. 11.

Хотя в другом документе указано, что в школу в 1946 г. было принято 50 детей⁸²⁴.

В отчете за 1947-1948 учебный год отмечалось:

ДХШ существует 3 года при ПХУ. В первом кл. – 32 человека. Во 2-м – 27. В 3-м – 9. В 4-м – 3. Итого 71 человек

В 1946-1947 году было выпущено 7, из которых 5 было принято в ПХУ. Занятия в 2 смены. 4 учителя»⁸²⁵.

Училище имело 3 отделения и готовило:

1. Художественно-педагогическое отделение – преподавателей ИЗО т черчения для средних школ.

2. Театрально-декоративное отделение – декораторов мех – районных театров, клубов, дворцов культуры

3. Скульптурное отделение – художников-скульпторов средней квалификации. Срок обучения 5 лет⁸²⁶.

В архиве мы обнаружили список преподавателей ПХУ с указанием образования:

Постнов Алексей Иванович – закончил Ленинградский Высший Художественный институт. Ведет – живопись и композицию.

Краснов Никита Карпович – Ленинградский Высший Художественный институт.

Вавилин Алексей Григорьевич – Ленинградский Высший Художественный институт.

Бурдин Омар Бадреевич – Пензенский художественный техникум и 1-ые краткосрочные курсы. Преподает – рисунок.

Котельникова Ольга Петровна – 4 класса Саратовского художественного училища, Высшие государственные художественные мастерские. Преподает – методику.

Ульянов Александр Алексеевич – закончил ПХУ в 1915 г. Преподавал черчение и методику черчения.

Смирнова Александра Ивановна – Московский государственный педагогический институт. Преподавала – педагогику и историю СССР.

Горюшкин-Сорокопудов Иван Силыч – Питерская Академия Художеств. Преподавал живопись и рисунок.

Валукин Михаил Емельянович – Московский Институт изобразительных искусств. Преподавал рисунок⁸²⁷.

Сведения о сотрудниках и преподавателях Художественного училища предоставлялись в отдел по делам искусства. В них кроме биографических данных отмечались и военные награды: «Горюшкин-Сорокопудов работает

---

⁸²⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 47. Л. 82.

⁸²⁵ Там же. Д. 48. Л. 8.

⁸²⁶ Там же. Д. 47. Л. 52.

⁸²⁷ Там же. Д. 43. Л. 77-79.

в ПХУ с 1908 года (до этого учился в АХ). Орден «Трудового красного Знамени», медаль «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Владимирова Иван Васильевич. Г. р. – 1905, русский, член ВКП(б), родился – Кемеровская область г. Слободской. Закончил высший Ленинградский Художественный Институт. (Орден «Красного Знамени», Орден Красной Звезды», медали «За отвагу», «За Сталинград», «За победу над Германией»). Директор ПХУ и преподаватель специальных дисциплин работает в ПХУ с 1932 года (август). До этого работал в Ленинградском институте Пролетарского изобразительного искусства»⁸²⁸. «Анисимов Григорий Иванович. Родился в 1902 году, русский, член ВКП(б). Родился в г. Пенза. Образование – высшее, Казанский Восточный педагогический институт. Орден «Славы III степени», медали «За отвагу» и «За Победу». Преподаватель педагогики. Заведующий учебной частью. Работает в ПХУ с 24.09.1945 года. Демобилизован из Советской Армии; Валукин Михаил Емельянович. Родился в 1908 году, русский, член ВКП(б). Родился в г. Фролов Сталинградской области. Образование высшее, Московский институт Изобразительного искусства. Медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За Победу над Германией». Преподаватель специальных дисциплин. В ПХУ с ноября 1937 года. Из Тамбовского Художественного училища»⁸²⁹. Вавилин Алексей Григорьевич. Родился в 1903 году в Пензе, русский. Кандидат в члены ВКП(б). Образование высшее. Ленинградский художественный институт. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Преподаватель рисунка и живописи. В ПХУ – с 13.09.1935. До этого работал на Пензенском Велозаводе; Каштанов Илларион Александрович. Родился в 1897 году. г. Пенза. Русский. б/п. Образование среднее, ПХУ. Преподаватель рисунка. С сентября 1947 преподает в ПХУ. Предыдущая работа – ПКГ (н/с) работал в ПКГ с декабря 1937 года»⁸³⁰; Постнов Алексей Иванович. Родился в 1900 году. Русский. Член ВКП(б), родился в г. Спасск Рязанской области. Образование – высшее, Куйбышевский государственный Педагогический Институт (заочно). Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Преподаватель специальных дисциплин. В ПХУ декабрь 1937 г. (до этого работал в Пензенском Госдрамтеатре)»⁸³¹.

Надо отметить, что в отличие от других учебных заведений кадровой проблемы перед Художественным училищем в послевоенные годы не стояло: «Преподавательские кадры. Училище к началу года преподавателями полностью укомплектовано. Вакансий нет. Была организована поезд-

---

⁸²⁸ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 86а. Л. 3.

⁸²⁹ Там же. Л. 10-11.

⁸³⁰ Там же. Л. 17-19.

⁸³¹ Там же. Л. 30.

ка преподавателей в Москву для посещения выставок. В расписании учебных занятий один день свободный для творческой работы. Создана возможность для практических занятий преподавателей по рисунку вечером»⁸³². Это отрывок из отчета 1949 г. Училище в исследуемый период, к счастью, обошли массовые кадровые проверки, которым подвергались образовательные учреждения культуры в Ленинграде и Москве (см., например, докладную записку Агитпропа ЦК Г.М. Маленкову о результатах проверки кадров ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина⁸³³).

Ежемесячно училище предоставляло информацию о «работе по повышению политического уровня и деловой квалификации работников ПХУ»⁸³⁴.

В октябре 1946 г. руководству ПХУ было приказано «кроме нормального приема на 1 курс принять обратно 60 бывших учащихся, демобилизованных из рядов КА»⁸³⁵.

В Объяснительной записке по годовому бухгалтерскому отчету ПХУ за 1945 г. указывалось: «Штатный контингент: Среднегодовой контингент учащихся – 126 человек, по плану 127. По штату сотрудников (преподавателей) – 16 единиц вместо 19. Подсобное хозяйство: Училище эксплуатировало участок земли в 2 га под сельскохозяйственные культуры. Вспашка земли лошадей. Прополка и посадка служащими и учащимися. Полученный урожай – картофель – на дополнительное питание учащихся. Лошадь – кобыла «Манька»⁸³⁶.

В первое полугодие 1947-1948 учебного года было укомплектовано 16 групп с числом учащихся 237 человек.

В отчете ПХУ за 1947-1948 учебный год указывались такие цифры:

«1 курс – 50 студентов
2 курс – 48 студентов
3 курс – 46 студентов
4 курс – 44 студента
всего 188»⁸³⁷.

Ежегодно в июне в училище традиционно проводилась защита дипломных работ учащимися Живописно-Педагогического, Театрально-декоративного и Скульптурного отделения. В 1949 г. живописно-педагогическое и театрально-декоративное отделения переименовали в Творческое и Декоративное.

⁸³² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 86а. Л. 43.

⁸³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 73. Л. 131-133.

⁸³⁴ ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 86а. Л. 47; Д. 56. Л. 34; Ф. 448. Д. 73. Л. 43.

⁸³⁵ Там же. Д. 59. Л. 147.

⁸³⁶ Там же. Д. 47. Л. 79.

⁸³⁷ ГАПО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 77. Л. 9.

Подводя итог анализу деятельности образовательных учреждений культуры Пензенской области и их роли в культурной жизни в послевоенный период, отметим, что их руководство и преподаватели внесли заметный вклад в развитие культуры области и повышение образовательного и культурного уровня ее жителей. Пензенское художественное училище славилось по всей стране. Из его стен вышли многие именитые советские художники. Исследование показало, что большую роль в послевоенном развитии училища сыграл, несмотря на преклонный возраст, И.С. Горюшкин-Сорокопудов. Преподаватели училища не только занимались учебным процессом, но и продолжали заниматься творчеством, их работы тех лет находятся в настоящее время в картинной галерее. Большую роль в культурной жизни области сыграло музыкальное училище и музыкальные школы. Несмотря на тяжелые в экономическом отношении послевоенные годы, власти поддерживали и развивали систему образовательных учреждений культуры области.

Проведенное исследование показало, что, несмотря на тяжелое время, власти области, как могли, помогали учреждениям культуры – выделяли деньги на ремонт и закупку оборудования, музыкальных инструментов. Несмотря на то, что власти чаще всего относились к культуре как к пропагандистскому средству, они ни на минуту не выпускали из виду ее рентабельность и финансовую отдачу. Послевоенное десятилетие было непростым временем для культуры и многих отраслей советской науки. Жесткий идеологический пресс оказывал воздействие на все стороны духовной жизни общества.

3. Мусульмане Среднего Поволжья

Исторические области распространения ислама на территории СССР охватывали три основные зоны: Средняя Азия и Казахстан, Кавказ, Поволжье и Приуралье.

В 1940-е гг. главным районом проживания татар в России являлся Волго-Уральский регион⁸³⁸. Поволжские татары, за исключением небольшой этнической группы кряшен (крещеных татар), являются мусульманами-суннитами. В отличие от мусульман Кавказа, Средней Азии и Казахстана, мусульмане Поволжья характеризовались длительным сосуществованием с православными, главным образом, русскими, серьезной европеизацией быта и отдыха, включенностью некоторых элементов русской культуры, в том числе языка, в собственную культуру.

В Татарской АССР мусульманский культ исповедовало около 45-52 % населения⁸³⁹. В Пензенской, Ульяновской, Самарской (Куйбышевской) областях ислам был второй по численности религией после православия. В Ульяновской области татары составляли около 12 % всего населения региона. Наиболее компактно мусульмане проживали в Старокулаткинском, Павловском, Цильнинском и Заволжском районах края. Татарское население Пензенского региона (5,4 % всего населения) проживало в 45 татарских селах 13 районов области. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области условно подразделял данные населенные пункты по степеням религиозности: повышенная (с. Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района, Кобылкино Каменского района, Кочелейка Головинщенского района, Индерка Сосновоборского района, Большой Труев Кузнецкого района, население которых характеризовалось стабильно высокой религиозной активностью, доминирующим содержанием мужчин среди верующих и т.д.), умеренная (с. Малый Труев, Татарский Канадей, Бестянка Кузнецкого района, Демино Неверкинского района, где «молодежь ... мечетей не посещает, а если и бывают отдельные случаи посещения молодежью мечетей, то они весьма незначительны, не массовы»⁸⁴⁰); относительно низкая (с. Татарский Шелдаис Беднодемьяновского района, Татарское Никольское Пачелмского района, Татарская Пенделка Кузнецкого района, Бигеево Неверкинского района, в которых наблюдалась более низкая посещаемость мечетей верующими, главным образом, пожилых и средних возрастов, хождения на

⁸³⁸ Татары. М.: Наука, 2001. С. 158.

⁸³⁹ Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань: Иман, 2002. Ч. II. С. 314; Галлямов Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сборник статей / Научн. ред. Кимитака Мацузато. Саппоро; М.: РОССПЭН, 2007. С. 72.

⁸⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 545.

кладбища не носят массовый характер и т.п.⁸⁴¹). В Куйбышевской (Самарской) области татары среди национальных меньшинств губернии были третьими после чувашей и мордвы и составляли около 3,5 % всего населения. Татары концентрировались в 60 татарских населенных пунктах – в г. Куйбышеве, Нефтегорске, Новокуйбышевске, Сызрани, Тольятти, Чапаевске и других городах и в 34 селах с преобладанием татарского населения в Камышлинском, Похвистневском, Елховском, Шенталинском, Челно-Вершинском районах. Помимо татар в Куйбышевской области ислам исповедовали казахи (около 8000 чел.) и башкиры (не более 4000 чел.)⁸⁴².

В середине 1940-х гг. в 56 районах Татарской АССР функционировало 16 зарегистрированных религиозных мусульманских общин и 25 религиозных объединений, не имевших разрешения органов государственной власти. В каждом из незарегистрированных обществ насчитывалось от 20 до 130 членов, в 18 были свои служители культа⁸⁴³. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров Татарской АССР Ф.С. Мангуткин подчеркивал, что необходимо учитывать «особенности Татарской республики, где преобладает мусульманский культ,.. и большое распространение имеют неофициальные общества»⁸⁴⁴. Так, в ходе единовременного учета в 1961 г. было выявлено 646 неофициально действующих религиозных групп, основная доля которых приходилась на мусульманские⁸⁴⁵.

В середине 1940-х гг. в Пензенском крае было зарегистрировано 14 мусульманских религиозных обществ, в каждом из которых насчитывалось до 3500-4000 чел. верующих. Общее количество верующих мусульман в Пензенском крае составляло свыше 20000 чел.⁸⁴⁶.

В Ульяновской области насчитывалось 10 официальных мусульманских обществ и 35 незарегистрированных религиозных объединения⁸⁴⁷.

В Куйбышевской области в 1946 г. действовало 18 зарегистрированных мусульманских общин⁸⁴⁸. Уполномоченный Совета по Куйбышевской области К.Ф. Работалов замечал в связи с этим, что незарегистрированные мусульманские объединения «в некотором отношении ... находятся в более выгодном положении по сравнению с зарегистрированными обществами, так как действуют по существу без всякого контроля»⁸⁴⁹.

Реального сокращения мусульманских обществ, несмотря на меньшие цифры, не происходило, поскольку просто возрастало количество «нелегальных» объединений. Данная ситуация объясняется тем, что в 1948 г Со-

⁸⁴¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

⁸⁴² ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁸⁴³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 21-21-об, 33.

⁸⁴⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

⁸⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 166.

⁸⁴⁶ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 545.

⁸⁴⁷ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

⁸⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Д. 30. Л. 77, 151; Д. 41. Л. 26.

⁸⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.

ветом по делам религиозных культов предписывалось уполномоченным на местах прекратить выносить положительные решения о постановке на учет религиозных общин и регистрации культовых зданий на основании аргументов, изложенных в постановлении СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.): малочисленность объединения, непригодность здания, наличие поблизости молельного здания той же конфессии (в таких случаях заявителям рекомендовалось объединяться с находящимися на близком расстоянии зарегистрированными религиозными общинами), использование здания под культурно-просветительские цели и т.д.⁸⁵⁰. Как следствие, уполномоченный Совета по Куйбышевской области П.И. Алексин докладывал в столицу: «... В 1945-1947 годах была допущена ошибка со стороны райисполкомов, уполномоченных Совета... и Совета по делам религиозных культов... Ошибка заключается в том, что без анализа и глубокого изучения на местах действительного положения, а также определения необходимости в общественном отпращивании религиозных обрядов, у нас в отдельных сельских районах были зарегистрированы (по настоящее время действующие) много религиозных обществ»: «26 марта 1945 года было зарегистрировано общество № 2 приход 2, в с. Новое Усманово Камышлинского района, а ровно через месяц 28 апреля 1945 г. было зарегистрировано второе религиозное общество № 4 мусульман в этом же селе Новое Усманово.

26 марта 1945 г. было зарегистрировано религиозное общество № 3 мусульман в с. Бакаево Ново-Усманского сельсовета; находится в 4-5 клм. от сел Н-Усманово, где было всего только 100-140 чел., а здание мечети в Н-Усманове площадью 120 кв.м. могли разместить 250 челов.

В райцентре село Камышла 17 мая 1945 г. было зарегистрировано одно общество мусульман, а через 22 дня, т.е. 8 июня 194 г. было зарегистрировано новое общество в с. Давлеткулово в 3 клм. от Камышлы, Камышлинского с/совета общество с количеством верующих до 50 человек.

5 июля 1945 г. было зарегистрировано мусульманское общество № 12 в поселке Бузбаш Камышлинского с-совета в 4 клм. от Камышли, где уже было зарегистрировано одно мусульманское общество, в этот же день, 5 июля было зарегистрировано общество в селе Татарский-Бейтуган, находится в 3 клм. от п. Бузбаш, в 4 клм. от села Новое-Усманово, где уже были зарегистрированы 2 общества.

В течение полугодия в Камышлинском районе было зарегистрировано 9 религиозных обществ мусульманского вероисповедания.

В одном колхозе им. Тарасева Алькинского с/совета Похвистневского района было зарегистрировано 4 религиозных общества мусульманского вероисповедания, в т.ч. 3 общества в селе Алькино и одно в поселке Нугайка в 4-х клм, от села Алькино.

---

⁸⁵⁰ НА РГ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5.

Религиозное общество № 1 мусульманского вероисповедания находится в селе Благодаровка Сиделькинского с/совета Челно-Вершинского района в северной части нашей области, граничит с Тат. АССР. Население с. Благодаровки составляет 50 % – мордвы и 50 % – татар»⁸⁵¹.

В послевоенные годы отмечалось оживление в деятельности верующих мусульман, в связи с чем уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев подчеркивал: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ ... необходимо отметить некоторое их оживление и активизацию в области расширения своего влияния на окружающее население»⁸⁵². Уполномоченные с мест верно определяли, что практика местных мусульманских общин «направлена, главным образом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных обрядов населением,.. на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих и особенно молодежи»⁸⁵³. И необходимо отметить, что мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов.

В послевоенный период около 15-20 % от всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. «Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети», – отмечал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области⁸⁵⁴. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода «идеологическая база» – отдать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

Основной состав верующих-мусульман – мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше, главным образом, крестьяне-колхозники. Уполномоченный Совета по Пензенской области С.Д. Горбачев отмечал, что «другие слои населения (кустари-ремесленники, рабочие и интеллигенция) стоят от религиозности как бы в стороне»⁸⁵⁵. Уполномоченный Совета по Куйбышевской области К.Ф. Работалов также подчеркивал, что верующими, в основном, являются колхозники, крестья-

⁸⁵¹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 32. Л. 4-5.

⁸⁵² ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

⁸⁵³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

⁸⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

⁸⁵⁵ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

не-единоличники, частично рабочие⁸⁵⁶. Уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Татарской АССР постоянно докладывали представители власти с мест: «Религиозные обряды среди татарского населения соблюдают преимущественно старики и старухи, а татарская молодежь подавляющим большинством религиозные обряды не соблюдает»⁸⁵⁷. По сведениям уполномоченного Совета по Ульяновской области С.М. Агафонова, около 70 % мусульман составляли верующие мужчины старше 60 лет⁸⁵⁸.

Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста, сельчане, являлись главными «проводниками» веры. Верующий с Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. ... Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, .. если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом»⁸⁵⁹. Секретарь сельсовета с. Большой Труев Пензенской области З. Аббясова, девушка, честно говорила в беседе с уполномоченным Совету по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом». В 1945 г. уполномоченный по Куйбышевской области сообщал в столицу о ситуации в дер. Денискино Шенталинского района: «... В беседе с отдельными муллами и с отдельными верующими о степени посещения мечетей молодежью выяснилось, что молодежь в мечеть ходит мало и не по своим религиозным убеждениям, а просто, чтобы не обидеть стариков-родителей, и что ходят они очень редко»⁸⁶⁰. При разборе зданий мечети в 1946 г. в с. Алееве Неверкинского района Пензенской области имели место столкновения верующих-стариков с рабочими, разбиравшими постройки, старики кричали и бросали в рабочих камни⁸⁶¹.

Тенденция преобладания граждан преклонного возраста среди верующих нашла свое отражение и в составе мечетных «двадцаток». Подавляющее количество членов «двадцаток» являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах 4 классов, не судимые ранее, получавшие пенсию, имевшие различные правительственные награды, т.е. люди достаточно уважаемые⁸⁶². В Куйбышевской области влияние «двадцаток» было невелико в деятельности объединений, т.к., по замечанию уполномоченного Совета, «двадцатки» в мусульманских религиозных обществах «никакой

⁸⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁸⁵⁷ НА РТ. Ф. Р-872. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁸⁵⁸ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

⁸⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.

⁸⁶⁰ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁸⁶¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

⁸⁶² ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.

роли не играют», «числятся лишь формально, вопросы, связанные с управлением мечетями, решаются на собраниях всех верующих, поскольку каждое религиозное общество объединяет жителей только одного села»⁸⁶³.

Поскольку власти позволили проводить религиозные службы в 1940-е гг. мусульмане начали весьма активно подавать прошения об открытии мечетей в Среднем Поволжье.

Кабирова А.Ш. в связи с этим следующим образом характеризует ситуацию в Татарстане: «Разрешение властей проводить службы и обряды выявило потребность населения Татарстана в культовых зданиях, т.к. из 42 мечетей Азнакаевского района уже на 1 января 1941 г. не действовала ни одна; в Акташском районе из 18 мечетей все были закрыты; в Альметьевском районе перестали действовать 34 мечети и 3 церкви; в Кузнечихинском районе – 17 мечетей и 10 церквей и т.д.⁸⁶⁴. Плачевное положение с молитвенными домами было зафиксировано во всех районах. Не лучше обстояло дело и в городах. Достаточно сказать, что в Казани, население которой к весне 1942 г. с прибытием эвакуированных увеличилось с 401 тыс. до 515 тысяч человек⁸⁶⁵ в годы войны функционировали всего одна мечеть в Сталинском районе и одна церковь при городском кладбище⁸⁶⁶ ...

В архивах Татарстана сохранилось огромное количество подобных ходатайств верующих в высшие органы власти. В частности, к председателю Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметову обратились старики дер. Кулмаксы Новошешминского района, дер. Н. Челны Алькеевского района⁸⁶⁷. Мусульмане, как правило, свои ходатайства отсылали на имя уполномоченного Совета по делам религиозным культов при СНК ТАССР Х.С. Багаева. Так, в 1945 г. к нему на рассмотрение поступило 30 заявлений от верующих об открытии мечетей из 26 районов, в том числе от жителей д. Старое Алпарово Алькеевского района, дер. Ибрайкино Аксубаевского района и др.»^{868,869}.

29 сентября 1944 г. уполномоченный от 79 мусульман м.п. Бугульмы Ф. Хаиров, проживавший по ул. Насырова, дом 106, обратился в Верховный Совет ТАССР с просьбой о разрешении возвращения мечети для поль-

⁸⁶³ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Д. 9. Л. 47.

⁸⁶⁴ НА РТ. Ф. Р. 873. Оп. 2. Д. 3. Л. 17; Д. 5. Л. 12; Д. 8. Л. 21; Д. 7. Л. 38.

⁸⁶⁵ История Казани. Кн. 2. Казань, 1991. С. 266. К сожалению, в источниках не зафиксировано количество верующих жителей города, но нам представляется, что в условиях военного лихолетья оно было значительным / А.Ш. Кабирова // Изменения в государственной религиозной политике в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарстана) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 430.

⁸⁶⁶ НА РТ. Ф. Р. 873. Оп. 1. Д. 2. Л. 26; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1844 б. Л. 10.

⁸⁶⁷ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Л. 1, 7, 12.

⁸⁶⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1844 б. Л. 1; НА РТ. Ф. Р. 873. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁸⁶⁹ Кабирова А.Ш. Изменения в государственной религиозной политике в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарстана) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 430-431.

зования мусульманам города. Заявление было подписано мусульманами, проживавшими на улицах Тукая, Насыровой, Сталина, Гоголя, Курмышенской, Ленина, Коробковской, Герцена, Воровского, Широкой, Советской, Якуповой, Шоссейной»⁸⁷⁰.

Только в 1946 г. на имя уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачева поступили ходатайства об открытии мечетей из 17 татарских селений⁸⁷¹.

Инициаторами обращений в партийные и государственные организации с ходатайствами об открытии культовых зданий выступали, в первую очередь, люди пожилого возраста. Так, организаторами подачи заявления об открытии мечети в с. Алеево Неверкинского района Пензенской области являлись Я.И. Салихов, 66 лет, отец бывшего председателя колхоза; А.Б. Бексалиев, 65 лет, бывший мулла; Х.А. Рахматулин, 75 лет, отец председателя сельсовета⁸⁷².

Порой верующие пытались в своих посланиях даже привести серьезную, с их точки зрения, аргументацию в пользу открытия культовых зданий. Например, мусульмане (418 чел.) с. Старое Зеленое Старо-Кулаткинского района Ульяновской области следующим образом пытались убедить «Комитет по религиозным культам при Совете Министров РСФСР» в необходимости «оказать верующим гражданам мусульманской веры дать возможность в отправлении религиозных обрядов»: «Всем ясно, что всякая религия имеет свои глубокие корни в народе, что искоренение ее не проходит безболезненно. Наши молитвы не мешают работе, потому что первая часть утренний намаз – до начала работ, второй – в обеденный перерыв, а третий – вечером, т.е. после работы. Мы обращаемся к Вам разрешить в открытии мечета и прихода, будем молиться и просить всевышнего, чтобы царил мир во всем мире»⁸⁷³.

Кабилова А.Ш. замечает, что «процедура рассмотрения заявлений верующих об открытии церквей и мечетей была достаточно сложной, часто затягивалась, положительное решение вопроса нередко необоснованно отклонялось. Тем не менее, уже сама прозрачная возможность удовлетворения сокровенных чаяний и надежд вдохновляла и поддерживала верующих»⁸⁷⁴.

---

⁸⁷⁰ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 5. Л. 97 // Гибадуллина Э.М. Государственно-религиозные отношения в годы Великой Отечественной войны на примере мусульманской общины г. Бугульмы // Великая Отечественная война советского народа: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2 февраля 2013 г. Казань: Издательство «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. С. 50.

⁸⁷¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

⁸⁷² ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

⁸⁷³ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 33. Л. 70-71.

⁸⁷⁴ Кабилова А.Ш. Изменения в государственной религиозной политике в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарстана) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 431.

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения кино, собраний, концертов и т.д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако, и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников»⁸⁷⁵.

В Куйбышевской области, по замечанию уполномоченного Совета П.И. Алексина, женщина-татарка не имела права участвовать в похоронах своих близких, посещать мечеть могли только девушки до 14 лет или женщины старше 60; во многих населенных пунктах Шенталинского района сохранились еще и такие старые традиции, что при встречах мужчин с женщинами или девушками-татарками, в лучшем случае женщины отворачиваются, а в отдельных случаях женщины закрывают свое лицо»; во время урока ученицы вынуждены были стоять у доски вполборота к учителю, чтобы не показывать полностью своего лица, «женщина верующих татар ... ест оставшуюся пищу после мужчины»⁸⁷⁶; в ауле «Сталинский Дром» Богдановского сельского совета Куйбышевского района исполнялся обычай уплаты калыма за невесту⁸⁷⁷.

Поскольку женщинам запрещалось посещение мечети, они собирались в частных домах моления осуществляли «чтеры Корана», т.е. более грамотные женщины (это было распространено в Куйбышевской области)⁸⁷⁸.

«Традиционной и характерной для довоенного и военного периода, оставалась форма домашних индивидуальных бесед, которые вели жены мулл («абыстай»). Они устраивали специальные женские молитвенные собрания, наставляли молодежь, частным образом, в нарушение действовавшего советского законодательства, т.е. фактически рискуя свободой, обучали детей азам религиозной грамоты и арабской графики»⁸⁷⁹.

Гусева Ю.Н. подчеркивает: «Источники показывают, что в годы войны в отдельных сельских населенных пунктах имели место коллективные моления представительниц слабого пола на кладбищах и в домах под руководством женщин. Подобные факты отмечались в Горьковской, Ульяновской областях. Подчеркнем, что данные факты в Поволжье были единичными,

⁸⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.

⁸⁷⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 26. Л. 24-25; Д. 30. Л. 166-167.

⁸⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 166; Д. 41. Л. 10.

⁸⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 37. Л. 65.

⁸⁷⁹ Гусева Ю.Н. «Женщины-муллы»? Роль женщин в практиках мусульманских общин Среднего Поволжья в военный и послевоенный период // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3-4 (30). С. 319-320.

но в предшествующие периоды они были вообще невероятны. Объяснение этому явлению вполне очевидно – отсутствие имамов-мужчин, большинство которых пострадало в годы репрессий 1930-х годов и ушло на фронт, при наличии высокой потребности в духовной опоре.

Кроме того, женщины, как правило, преклонного возраста (старше 60 лет) посещали те мечети, которые по каким-либо причинам не были закрыты в годы гонений, число таковых было по понятным причинам весьма незначительным. В годы войны факты посещения мечетей женщинами отмечались в некоторых религиозных объединениях в Татарской АССР, Куйбышевской, Пензенской областях. Материалы устной и письменной истории свидетельствуют, что число прихожанок возрастало в дни крупных религиозных праздников (ураза-байрам, курбан-байрам)»⁸⁸⁰.

Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Власти Среднего Поволжья, пытаясь исправить ситуацию и ратуя за женское равноправие, нацеливали местных активистов на усиление внимания к этой проблеме, при этом обращалось внимание на тот момент, чтобы лекторами выступали женщины-татарки⁸⁸¹.

Мухаметшин Р.М. весьма резко утверждает, что «в условиях массовой атеизации ислам полностью утрачивает свое значение социокультурного комплекса и существует только как форма соблюдения определенных религиозных обрядов. Ислам переместился на бытовую и обрядовый уровень»⁸⁸².

Наиболее распространенными религиозными обрядами у средневожских мусульман являлись отпевание (джаназа), религиозное бракосочетание (икях), наречение имени (исим), обрезание (сунет). Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров Татарской АССР И.А. Михалев объективно сообщал в столицу, что «крещение детей, наречение имени новорожденным, обрезание, венчание, отпевание покойников, соблюдение постов и других религиозных обрядов среди значительной части населения остается массовым явлением»⁸⁸³. Аналогично складывалась ситуация во всех регионах Среднего Поволжья. В течение исследуемого периода пензенское мусульманское духовенство за год совершало примерно 130 религиозных браков, что составляло примерно 46,7 % от числа всех зарегистрированных браков; 477 обрядов наречения имен новорожденным – около 57,3 % от числа всех рождений детей; 206 религиозных похорон – приблизительно 100 % от общего количества умерших⁸⁸⁴. В

⁸⁸⁰ Гусева Ю.Н. «Женщины-муллы»? Роль женщин в практиках мусульманских общин Среднего Поволжья в военный и послевоенный период // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3-4 (30). С. 317.

⁸⁸¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 125. Л. 67.

⁸⁸² Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. М.: Логос, 2007. С. 27.

⁸⁸³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁸⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. Р-5235. Л. 58; Д. 5218. Л. 10; Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 3.

сельской местности уровень обрядовой религиозности был значительно выше, чем в городах.

Религиозные браки и обряд наречения имени совершались гражданами татарского населения, в основном, в возрасте до 35 лет, занятыми общественно-полезным трудом, подавляющее большинство которых составляли колхозники и рабочие. Зачастую религиозные обряды совершались представителями интеллигенции, в том числе учителями школ, коммунистами и комсомольцами. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области со слов верующих докладывал: «Неустойчивое положение коммунистов в отношении посещения мечети, в соблюдении религиозных обрядов зависит, прежде всего, от семьи, а особенно от старших в семье. Семья, независимо от желания или нежелания самого коммуниста, принимает участие в празднике, делает все по своему усмотрению, т.е. по заранее заведенному обычаю»⁸⁸⁵.

Но и сами коммунисты, в том числе представители власти, допускали в своем поведении явные отклонения от партийной дисциплины. Так, в 1949 г. празднование «Курбан-байрама» в колхозе им. В.М. Молотова Куйбышевской области проходило в доме председателя колхоза Галиахмерова с участием секретаря первичной парторганизации, заведующего пунктом «Заготзерно», председателя ревизионной комиссии колхоза и других членов актива: «В процессе этой пьянки была устроена драка», докладывал уполномоченный Совета в столицу⁸⁸⁶. Зачастую советские и партийные руководители попустительствовали проведению религиозных обрядов и праздников⁸⁸⁷.

Практически среди всего татарского населения продолжал совершаться обряд обрезания мальчиков, который выполняли нелегальные резакки. Если в Казахстане, Средней Азии, по сообщениям представителей власти, данный ритуал тщательно скрывался, то, например, в Пензенской и Куйбышевской областях все проходило празднично, с привлечением обширной родни.

По сообщениям уполномоченных из регионов Среднего Поволжья, религиозная обрядность мусульман там, как и по всему Советскому Союзу, была достаточно высока⁸⁸⁸. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев особо подчеркивал, что в тех мусульманских населенных пунктах, которые поддерживали между собой «тесную экономическую связь, обрядность является наиболее устойчивой и высокой»⁸⁸⁹. Посещения молитвенных собраний верующими об-

⁸⁸⁵ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 292; Д. 41. Л. 50.

⁸⁸⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁸⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 19. Л. 77.

⁸⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 58; Д. 5218. Л. 10; Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 56; Д. 59. Л. 3; Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.

⁸⁸⁹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

ласти и отправления общественных намазов в праздники среди татарского населения были весьма многочисленны – до 10000-12000 чел., о чем постоянно докладывали в Совет по делам религиозных культов уполномоченные Среднего Поволжья⁸⁹⁰. После молений верующие, как правило, в религиозные праздники направлялись на кладбища для поминовения умерших родственников. Уполномоченный Совета по Куйбышевской области откровенно докладывал в центр: «Все верующие татарского населения свято соблюдают пост – Ураза от стариков до детей школьного и дошкольного возраста»⁸⁹¹.

В обычные дни мечети посещало не много верующих (до 44 человек); по пятничным дням – до 850 чел.; в дни религиозных праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-байрам» – до 4500 чел., из них 300-400 – женщины⁸⁹². Поступательная динамика посещения молитвенных собраний верующими мусульманами Пензенской области в будни была очевидна⁸⁹³:

№ п/п	Населенный пункт Пензенской области	Количество верующих	
		1947 г.	1948 г.
1.	с. Кобылкино Каменского района	500 чел.	700 чел.
2.	с. Средняя Елюзань Городищенского района	250 чел.	300-400 чел.
3.	с. Телятино Каменского района	200-250 чел.	400-500 чел.
4.	с. Кутеевка Белинского района	100-150 чел.	250-300 чел.
5.	с. Суляевка Лопатинского района	150 чел.	200 чел.

Аналогично ситуация складывалась и в других регионах Среднего Поволжья.

Уполномоченный по Куйбышевской области сообщал в столицу в 1948 г., что «В действующих мечетях посещаемость молитвенных собраний по сравнению с прошлыми годами несколько ниже. Например, в дер. Нугайка в прошлом посещаемость в простые дни составляла 10-15 человек, а в пятницы 60-70 человек, то теперь она составляет соответственно 4-5 и 25-30 человек. В мечетях дер. Алькино раньше посещаемость была в обычные дни 25 человек – а теперь она составляет 10-15 человек, а в пятницы вместо 40-50 человек, посещают 25-30 человек. В дер. Тат. Выселки Ставропольского района в прошлом году в мечети собирались в будни по 25-30 чел., сейчас бывает 15-20 чел., а в пятницы вместо 120-150 чел. посещают

⁸⁹⁰ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 168-172; ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 162, 163, 204-343, 570; ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 7; ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 74-78 и т.д.

⁸⁹¹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 165.

⁸⁹² НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 65; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 161, 163, 209.

⁸⁹³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 161, 163, 209.

50-60 человек. В селе Теплый Стан Елховского района в обычные дни посещают мечеть 8-10 чел., а в пятницы доходит до 40 человек и т.д.

Основная причина такого спада посещаемости заключается в том, что в текущем году резко изменилось отношение колхозников к колхозному труду, в связи с постановлением правительства. И если раньше имелось много случаев, когда вполне трудоспособный колхозник вместо работы в поле или на других участках, шел в мечеть. Чтобы совершить намаз, то в текущем году отмечается, что мечети посещаются даже в пятницы, не говоря уже о простых днях, преимущественно стариками»⁸⁹⁴.

Мусульманские нормы, пускай даже в виде традиции и привычки, оказывали значительное влияние на поведение людей в повседневной жизни. Так, часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Например, уполномоченный Совета по Куйбышевской области докладывал в столицу: «Характерно привести такой факт, имевший место в прошлое лето 1945 г. в Камышлинском районе. Во время празднования мусульманского праздника «Ураза-байрам», совпадающего с периодом уборки хлеба в колхозах, несмотря на ряд проведенных райкомом ВКП(б) собраний коммунистов, комсомольцев и сельского советского актива с тем, чтобы в первый день праздника все вышли на работу по уборке хлеба, все же в этот день на полях татарских колхозов не было ни одного человека. Видя такое положение, один из уполномоченных обкома ВКП(б), будучи в этот день в селе Ново-Усманово, решил обратиться к мулле с предложением, чтобы тот призвал стариков после молитвы выйти в поле на работу. И когда мулла обратился с этим призывом к мусульманам, находившимся в это время в мечети, то после молитвы все село вышло на работу»⁸⁹⁵. На «Курбан-байрам» в 1948 г. в с. Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района; Старый Карлыган, Суляевка Лопатинского района Пензенской области «прогуливали» не только рядовые колхозники, но и руководство, наряды не выдавались и т.д. В колхозе «Гигантский» Средне-Елюзанского сельсовета председатель колхоза в дни мусульманского праздника не выдавал нарядов бригадирам для выхода на работу. В колхозе «Прогресс» того же сельсовета на третий день религиозного праздника колхозники собирались, но не работали, «ссылаясь на различные болезни», и в итоге на погрузку картофеля вышли только четыре женщины. Уполномоченный по Куйбышевской области писал: «Праздники «Ураз-Байрам» и «Курбан-Байрам» в отличие от прошлых лет в текущем году прошли, как правило, с участием верующих в работе колхозов. Например, в с. Алькино сразу же после богослужения муллы всех трех мечетей призвали верующих, после того как они только покушают, немедленно бы выходили на работу. Кроме того, председатели колхо-

⁸⁹⁴ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁸⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

зов этого села так же предупредили своих колхозников о выходе на работу. В результате с обеда все колхозники, занятые на работах в колхозе, вышли на свои участки. Аналогичное положение было и дер. Нугайка, дер. Теплый Стан, Тат. Выселки, селе Камышла и др., и только в отдельных деревнях, как например, Мочлеевка Подбельского района, празднование проводилось по 2 дня. Подобные случаи, как мне заявил председатель Камышлинского райисполкома Т. Фахретлинов, были и в некоторых селах Камышлинского района»⁸⁹⁶.

В 1949 г. празднование «Курбан-байрама» в Куйбышевской и Пензенской областях приняло столь широкий размах, что уполномоченные Совета забили тревогу. Да и было от чего волноваться. Уполномоченный Совета по Куйбышевской области писал: «Деятельность мусульманского культа особенно проявилась в октябре м-це т.е. в дни мусульманского праздника «Курбан-байрам».

Проведение этого праздника истекшем году характеризуется, прежде всего, большей активностью всех групп татарского населения вокруг совершения обрядов празднования, чем оно было в предшествующие годы. Это можно видеть из того, что в Камышлинском районе, где имеется 12 населенных пунктов с татарским населением, в которых действуют 9 зарегистрированных мечетей. Здесь празднование во всех татарских селах, вне зависимости от наличия мечетей, началось 2-го октября и сопровождалось оно массовым посещением мечетей, массовым совершением намаза и массовым забоем скота. Причем, в большинстве татарских колхозов празднование продолжалось 2-3 дня. В эти дни подавляющее число колхозников не выходило на колхозные работы.

Например, в колхозах им. Молотова, им. Кирова, «Яна Турмыш», расположенных непосредственно в районном центре – в с. Камышла, колхозники праздновали со 2 до 4-5 октября, здесь только 2 октября ими было забито больше 15 голов овец. В колхозе им. Молотова, сам председатель колхоза Галиахмеров устроил у себя на дому праздник, который превратился в сплошную пьянку. На это празднество Галимовым были приглашены гости – секретарь первичной парторганизации этого колхоза – Мингалиев, заведующий глубинным пунктом «Заготзерно», председатель ревизионной комиссии колхоза, заместитель председателя правления колхоза и др. актив. В процессе этой пьянки была устроена драка, в которой активное участие принял секретарь парторганизации Мингалиев...

Подобное празднование было устроено в этом же колхозе и бригадиром колхоза Турбалиным, где активное участие принимал гл. агроном райсельхозотдела т. Буциков.

В колхозе им. Ленина с. Новое Ермаково, в колхозе «Кзыл-Кряше», с. Старо-Ермаково празднование продолжалось так же 2-3 дня, колхозники

---

⁸⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

на работу не выходили, в то время, как на токах находилось большое количество неотработанного хлеба. В эти дни в колхозе им. Ленина было забито около 10 голов овец, а в колхозе «Кзыл-Кряше», около 30 голов. Сам председатель колхоза им. Ленина на эти дни выехал из колхоза в Бугуруслан, где и находился в течение 3 суток.

Аналогичное положение имело место и в других колхозах этого района⁸⁹⁷. Когда уполномоченный Совета по Куйбышевской области «поинтересовался» у председателя Камышлинского райисполкома Фахретдинова о причинах таких «больших прогулов» и ответных действиях советских и партийных органов, последний ответил: «Праздновали неплохо, и мы им не мешали»⁸⁹⁸. В колхозах «Двадцать первая годовщина Октября» с. Исикеево Неверкинского района Пензенской области, им. В.И. Ленина с. Новое Ермаково, «Кзыл-Кряше» с. Старое Ермаково, «Дамир» Красноярского района Куйбышевской области и других населенных пунктах данных регионов в дни праздника «Курбан-байрам» на полевые работы не вышел ни один колхозник, в том числе и руководители⁸⁹⁹.

Особой проблемой сельского татарского населения Среднего Поволжья, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабу-повивалку.

Еще хуже в средне-волжских татарских селах складывалась ситуация с больными туберкулезом. Основная их масса не лечилась, утверждая, что это заболевание – «болезнь от бога». В связи с этим работники медицинских пунктов проводили особую разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями на темы «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней», «Медицина и религия о здоровье и болезнях человека»⁹⁰⁰ и т.д. Но, подчеркивал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, «все эти беседы не увязываются с антирелигиозными вопросами, не учитываются и не направляются культпросветотделом по соответствующему руслу, когда можно было бы использовать все эти беседы на борьбу с религией и религиозными предрассудками»⁹⁰¹. Особый акцент делался на женщин, поскольку именно она являлась хранительницей домашнего очага и через нее, в первую очередь, шел воспитательный процесс.

⁸⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁸⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

⁸⁹⁹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 12-13; ГАПО Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 570.

⁹⁰⁰ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 125. Л. 67.

⁹⁰¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 320.

Советские власти настороженно относились к фактам концентрации татар в пределах одного отдельно взятого региона. Так, «в самой Татарской республике, в целях предотвращения консолидации татарского народа, советский режим с самого начала образования республики стал проводить специальную демографическую политику, направленную на то, чтобы не допустить перевеса татар в республике. Это достигается тем, что татарское население непрерывно переселяется из своей республики на территории других краев, областей и республик»⁹⁰². Таким образом, удельный вес татар в общей массе населения Татарской АССР составлял в 1939 г. – 50,4 %, в 1956 г. – 47,2 %⁹⁰³. «Опасность» Татарстана заключалась еще и в сильной концентрации татар-мусульман с «дореволюционным» стажем», что естественно оказывало сильное воздействие на молодые поколения.

Таким образом, в Среднем Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности был заметно выше среднего.

Контингент мусульман Среднего Поволжья был представлен людьми всех возрастных групп, но, в основном, преклонных лет, проживавших в сельской местности, занятых в сельскохозяйственном производстве. Именно граждане-пенсионеры мужского пола выступали наиболее активными проводниками веры Аллаха в обществе. В сельской местности религиозность мусульман была выражена значительно по сравнению с городом. В послевоенный период наблюдался приток верующих за счет демобилизованных солдат.

Женщины-татарки, по положениям Корана, принимали минимальное участие в общественной жизни своих населенных пунктов. По окончании школы девушки-татарки, как правило, прекращали свое членство в комсомольских организациях.

В силу религиозной ограниченности не все мусульманское население Среднего Поволжья пользовалось услугами здравоохранительных органов, что в первую очередь касалось мусульманок. Особенно плачевно складывалась ситуация с гинекологическими и легочными заболеваниями.

Количество верующих мусульман на протяжении исследуемого периода оставалось достаточно стабильным, что, по мнению уполномоченного Совета по делам религий по Пензенской области, свидетельствовало о том, «что убыль верующих, которая происходит в результате естественного движения населения, восполняется религиозниками за счет привлечения вновь к религии людей из более молодых возрастов»⁹⁰⁴.

---

⁹⁰² Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1947. С. 61; Правда. 1959. 10 мая; Вестник советской статистики. 1960. № 4. С. 71; Советская Россия. 1971. 20 мая.

⁹⁰³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 167.

⁹⁰⁴ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 14, 51, 107.

Практически в полном составе, по собственной воле или под давлением ближайшего окружения, в том числе и комсомольцы, и коммунисты, верующие мусульмане-татары Среднего Поволжья соблюдали религиозные праздники и обряды. Высокий уровень соблюдения мусульманских обрядов доказывал «завидную устойчивость ислама как формы общественного сознания, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным и политическим условиям благодаря перенесению центра тяжести на те компоненты религиозного комплекса, которые более созвучны происходящим в обществе трансформациям»⁹⁰⁵. Однако не стоит преувеличивать «качество» или глубину религиозного чувства верующих. В результате государственно-партийной конфессиональной политики и идеологического прессинга, с одной стороны, объективного воздействия мирового процесса секуляризации, с другой стороны, религия в СССР была оттеснена на окраину общественной жизни и общественного сознания, что, в свою очередь, определяло уменьшение количества верующих, причем, главным образом, в молодых, социально активных группах населения с достаточно высоким образованным цензом.

Ислам является весьма объемной по директивности системой социального регулирования. Практически все сферы жизни мусульманина признаются религиозно важными. Исламская религия выполняла регулятивно-поведенческую функцию, что по-своему, примитивно понимало верующее население и выступало за активное приобщение к вере молодежи. Сами мусульмане-верующие говорили: «... Мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине и порядку. Вот ... начнется «рамазан», и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?»⁹⁰⁶. В семье с рождения исподволь или активно внедрялось в сознание молодежи, что исламская религия является носителем общечеловеческих норм нравственности, гуманизма, личной морали, и, напротив, отрицание Аллаха ведет к аморальному поведению и безнравственности. Юношам и девушкам внушалось, что прочным может быть только брак, основанный на принципах мусульманства. В контексте вопроса следует согласиться с Л.Р. Сюкияйненем, утверждавшим, что «одним из сильнейших факторов, негативно повлиявших на развитие мусульманской культуры в России, искажение и даже утрату многих ее элементов, была десятилетиями проводившаяся государственная политика агрессивного атеизма, последствием которой стали отсталость религиозных институтов и сравнительно низкий уровень знаний самих мусульман»⁹⁰⁷.

⁹⁰⁵ Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим // *Общественные науки и современность*. 1991. № 6. С. 110.

⁹⁰⁶ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 409.

⁹⁰⁷ Сюкияйнен Л.Р. Шариат, адат и российское законодательство // *Мусульмане изменяющейся России*. М.: Институт Российской истории РАН, 2002. С. 54.

Применительно к Среднему Поволжью объективно подходит характеристика уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попова: «... Религиозным движением охвачено более 50 % всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет...»⁹⁰⁸.

Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих, и, в принципе, способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формирования трудолюбия и т.д. Татарское население Среднего Поволжья стабильно возрастало, и, как следствие, не уменьшалось и количество мусульман-верующих. Фактически ислам являлся элементом национального самосознания татар Среднего Поволжья, выступал как этнообразующий фактор.

В целом же, время показало, что «мусульмане Поволжья представляют собой миролюбивое и толерантное сообщество, укорененное в окружающей социокультурной среде с присущим ему образом жизни»⁹⁰⁹.

Мусульмане считают ислам наиболее «демократичной» религией, поскольку в отличие от христианства, иудаизма и буддизма у последователей ислама нет так называемого штатного духовенства; отсутствует церковь как таковая с ее жесткой иерархией и четкой структурированностью; не существует единого религиозного центра или общепризнанного лидера как патриарх у православных или папа римский у католиков. Считается, что мусульманские общины действуют самостоятельно. Мусульмане вправе молиться необязательно в мечетях, они могут «обращаться» к Аллаху напрямую, без посредников – духовенства. «Если все мусульмане – «рабы Аллаха», то священнослужители должны быть еще и самыми ревнивыми «слугами Аллаха». Но ни по чьей-то воле или назначению, а только по «велению сердца» и «зову души»⁹¹⁰.

Существование мусульманского духовенства в советский период истории было весьма сложным. Призывы советской власти, содержащиеся в обращении СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.), безусловно, способствовали укреплению позиций большевиков в регионах традиционного распространения ислама. Мусульмане с энтузиазмом восприняли благоприятную для себя перспективу: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраи-

---

⁹⁰⁸ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. Р-1. Л. 51.

⁹⁰⁹ Мухарямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сборник статей / Научн. ред. Кимитака Мацузато. Саппоро; Москва: РОССПЭН, 2007. С. 13.

⁹¹⁰ Медведко Л.И. Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М.: Политиздат, 1988. С.35.

вайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно»⁹¹¹. Однако провозглашенные принципы взаимоотношений носили во многом декларативный характер и постепенно трансформировались в свою противоположность⁹¹².

В советский период была насильственно прервана преемственность в развитии как богословия, так и религиозных течений общественной мысли. Часть богословов и служителей культа была уничтожена. Оставшиеся в живых были вынуждены многим поступаться, чтобы сохраниться под мощным натиском официального курса на массовую атеизацию. Жесткий контроль ислама со стороны советского государства, различные ограничения мусульманской активности обусловили полное разрушение системы подготовки высокообразованных мусульманских богословов. Около десятка духовных лиц, получивших в советское время образование в Бухарском исламском духовном учебном заведении, были скованы в своих действиях и мыслях атеистической политикой государства.

Великая Отечественная война способствовала оживлению религиозной жизни в СССР. Мусульманское духовенство заняло патриотическую позицию и призывало верующих к борьбе с фашизмом. Муфтий ДУМЕС Габдрахман Расулев обратился к мусульманам 2 сентября 1941 г.:

«Ко всем приходам мусульман». 2 сентября 1941 г.

Дорогие братья мусульмане!

Всем известно – хитрый, беспощадный, неумолимый враг начал войну, без объявления на нашу дорогую родину, даже человечество не помнит такого издевательства. Родина терпит в настоящее время, наши друзья, наши братья погибают на фронте, их жены и дети остаются сиротами. В этом виноваты те, которые воюют с нами. С нападением на нашу [родину] родные сестры и дети обрекаются на несчастье, поэтому духовное собрание просит Вас защищать родину во имя религии, и также Вы просите всех родных мусульман о защите родины. В мечетях и частных домах моленных надо просить Бога, чтоб он помог победить Красной армии врага.

Дорогие мусульмане!

Известно, что это война – война за родину, поэтому на фронте и в тылу мусульмане с точки зрения религии обязаны бороться до уничтожения врага.

Коран говорит: «Убивайте с именем Бога, не отступая перед врагом, Бог отступающих не любит». Вы поступайте так, как они поступали с Вами, как выгоняли из родных городов и сел. Мщение хуже смерти. Враг нам мстит, и уничтожение его простит Бог. Вы не чувствуйте себя слабыми.

---

⁹¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 34.

⁹¹² Гайнутдин Р. Ислам в современной России. М.: Фаир-Пресс, 2004. С. 38; Набиев Р.А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. С. 93.

Если Вас сотня, то Вы победите две сотни. Если Вас тысяча, победите две тысячи по милости божьей. Бог помогает тем, которые настойчивы в своей борьбе. Вы воюете с теми, которые с Вами воюют, а сами не объявляете войну. Мирным объявить войну – Бог этого не любит. Которые с нами воюют, их, где попало, беспощадно уничтожайте, откуда Вас выгнали, а Вы оттуда их выгоняйте. Беспокорство их хуже войны, т.е. издевательство врага над женщинами и детьми. Пророк Магомет говорил: «Любовь к Родине – честь религии».

Принимая во внимание слова Бога и Пророка, не оказывая слабости в борьбе, героически бороться настойчиво, до окончательной победы.

С приветом, Муфтий Центрального духовного управления мусульман. Г. Уфа,

ул. Тукаевская, д. № 50.

Перевел Усманов Летфулла Камалетдинович»⁹¹³.

«В мае 1942 г. в Уфе собрался съезд представителей мусульманского духовенства и верующих. Выступивший на нем председатель Центрального Духовного управления мусульман муфтий Абдурахман Расулев, призывая выполнять заветы великого пророка Мухаммеда, подчеркивал, что любовь к Родине и ее защита являются одним из условий веры; что помощь воину, идущему на фронт, вооружением равносильна участию в сражении, а мирный труд мужчин и женщин, занявших рабочие места ушедших на фронт воинов равносильна участию в бою. Представители мусульманского духовенства осудили террор немецко-фашистских войск против народов Советского Союза, в том числе и свершаемые оккупантами разрушения мечетей, аресты и расстрелы духовенства и верующих мусульман. Одновременно они призвали мусульман, не жалея сил, «сражаться на поле брани за освобождение великой Родины, всего человечества и мусульманского мира от ига фашистских злодеев». А оставшихся в тылу мужчин и женщин призвали приложить «все силы для изготовления всех необходимых предметов для успешного ведения Отечественной войны и обеспечения жизни населения»⁹¹⁴. Текст выступления муфтия был опубликован в газете «Труд» и стал известен во всех махалля:

«Великий Аллах в Коране говорит: «Сражайтесь с теми, которые сражаются с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Бог не любит несправедливых» (Бакара, стих 186). «Истребляйте их, где ни застигнете, изгоняйте их, откуда они вас изгнали: мятежи и искушение губительнее убийства» (Ба-

---

⁹¹³ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 10. Л. 15.

⁹¹⁴ Одинцов М.И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // <http://xreferat.ru/81/1089-1-gosudarstvo-i-religioznye-organizacii-v-sssr-nakanune-i-v-gody-velikoij-otechestvennoij-voiny>

кара, стих 187). «Будьте неумолимы к врагу, не зовите к примирению, вы победители, с вами Бог, он не оставит без награды ваши подвиги» (Мухаммед, стих 37). «Для победы над врагом укрепляйте, сколь можно, свой тыл, готовьте боеприпасы, конницу, ими будете держать в страхе врагов ваших и, кроме того, всех других, которых не знаете вы, но которых знает Бог. Что ни пожертвуете вы для пути Божия, вам за то верно отплатится и с вами не поступят несправедливо» (Анфаль, стих 62). «Выходите в поход на врага, легким или тяжелым он будет, оставшиеся в тылу мужчины или женщины, помогайте своей армии имуществом, скотом и другими всеми путями, знайте, в этом благо для вас» (Ат-тауба, стих 41).

Великий пророк Мухаммед говорит: «Любовь к родине, защите ее есть долг религии». Помощь воину, идущему на фронт, вооружением равносильна участию в сражении. Даже мирный труд мужчин и женщин, занявших должность ушедших на фронт воинов, равносильна участию в бою.

Уважаемые братья-мусульмане! Вышеизложенные изречения великого Аллаха и его пророка Великого Мухаммада призывают вас, мусульмане, не жалея сил, сражаться на полях брани за освобождение великой Родины, всего человечества и мусульманского мира от ига фашистских злодеев. Оставшиеся в тылу мужчины и женщины, не поддавайтесь малодушию и панике, приложите все усилия для изготовления всех необходимых предметов для успешного ведения Отечественной войны и обеспечения жизни населения.

В этой святой Отечественной войне против фашистской Германии и ее приспешников, доказав свою правоту, покажите перед всем миром верность своей Родине, молитесь в мечетях и молитвенных домах о победе Красной Армии.

Мы, ученые Ислама и духовные деятели, живущие в Советском Союзе, призываем всех мусульман к единодушной защите любимой Родины и мусульманского мира от германских фашистов и их приспешников.

Молитесь великому и милостивому Богу о скорейшем избавлении врага, освобождении всего человечества и мусульманского мира от тирании человеконенавистников-фашистов»⁹¹⁵.

Свою подпись под Обращением поставил, среди других, мухтасиб Куйбышевской области.

ДУМЕС принял «Обращение ко всем мусульманам Советского Союза» с призывом беспощадно бороться с гитлеровскими убийцами и насильниками, самоотверженно трудиться в тылу, организовывать сбор денег и вещей в фонд обороны. В мечетях читались молитвы и проповеди с пожеланиями скорейшей победы Красной Армии, война советского народа была объявлена джихадом.

---

⁹¹⁵ Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788-1950). Нижний Новгород: Медина, 2006. С. 56-57.

3 марта 1943 г. в газете «Известия» была опубликована информация о сборе средств мусульманами на танковую колонну, в ответ И.В. Сталин направил благодарственную телеграмму⁹¹⁶.

А.Ю. Хабутдинов считает, что Абдурахман Расулев (Габдуррахман Расули) «был последним советским муфтием, который мог позволить себе определенную самостоятельность от властей. В памяти мусульман он навеки останется как лидер, сохранивший корабль мусульманской уммы России в самые страшные годы Мировой войны и тоталитарного террора»⁹¹⁷.

Р.А. Набиев пишет: «Под действием объективных реалий произошли существенные изменения и в политике по отношению к мусульманской религии. Политбюро ЦК 10 июня 1943 г. приняло постановление: «Разрешить организацию Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана»⁹¹⁸.

Вслед за этим Президиум Верховного Совета СССР 31 июля 1943 г. решил: «1. Удовлетворить ходатайство группы мусульманского духовенства Средней Азии и разрешить организацию в г. Ташкенте Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. 2. Разрешить для указанных целей созыв в г. Ташкенте съезда представителей мусульманского духовенства и верующих Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской и Киргизской ССР»⁹¹⁹.

Инициатива в принятии этого решения в первую очередь исходила из НКГБ СССР. Министр этого ведомства В. Меркулов в мае 1943 г. писал Сталину, что существующее в настоящее время в Уфе ЦДУМ распространяет свои функции (по утвержденному НКВД Уставу от 30 ноября 1923 г.) на Европейскую часть РСФСР и Сибирь. Между тем мусульманское духовенство Средней Азии и Казахстана не имеет руководящего центра⁹²⁰. Далее он сообщал, что «посредством агентуры был организован выпуск и распространение патриотических обращений к верующим мусульманам. Для пресечения попыток иностранных разведок и антисоветских элементов внутри СССР использовать мусульманское духовенство против Советской власти, предоставления патриотическим элементам мусульманского духовенства Средней Азии и Казахстана возможностей организации патриотической работы среди верующих мусульман, а также использования этого духовенства при осуществлении мероприятий по Синьцзяну, предусмотренных решением ЦК ВКП(б) от 7 мая т.г. (1943 г.), считаем целесообразным: возложить на НКГБ СССР проведение соответствующих практиче-

⁹¹⁶ Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788-1950). Нижний Новгород: Медина, 2006. С. 57.

⁹¹⁷ Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788-1950). Нижний Новгород: Медина, 2006. С. 57.

⁹¹⁸ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 105.

⁹¹⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 108-109.

⁹²⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 106.

ских мероприятий для организации Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана»⁹²¹.

В НКГБ был разработан и в феврале 1944 г. предложен ЦК ВКП(б) документ «О специальных мероприятиях по Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана». В целях предоставления Среднеазиатскому Духовному управлению мусульман (САДУМ) возможности организации патриотической работы среди верующих НКГБ считал целесообразным разрешить:

«1. Издание ежемесячного мусульманского религиозного журнала в 2 печатных листах тиражом в 5000 экземпляров, из которых на узбекском языке 1500 экземпляров, на казахском – 1400 экземпляров и на таджикском, туркменском и киргизском языках – по 700 экземпляров.

2. Выпуск на 1944 г. мусульманского календаря (5000 экз.) на пяти указанных языках.

3. Открытие духовных училищ (медресе) в городе Ташкенте на 60 человек и в городе Бухаре на 40 человек для подготовки мусульманского духовенства, куда включить не менее 50 % агентуры НКГБ в целях последующего использования ее в интересах советской республики»⁹²².

В этом же разрешительном духе по представлению НКГБ было принято Постановление Политбюро ЦК от 6 марта 1944 г., предусматривающее организацию:

«1) Духовного управления мусульман Северного Кавказа (суннитского учения) в г. Буйнакске Дагестанской АССР.

2) Духовного управления мусульман Закавказья (объединяющего мусульман шиитского и суннитского учения) в г. Баку Азербайджанской ССР»⁹²³ «⁹²⁴.

С 1944 г. управление духовными делами мусульман СССР осуществляли четыре независимых друга от друга центра: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, Духовное управление мусульман Закавказья в Баку, Духовное управление мусульман Северного Кавказа в Буйнакске (ныне Махачкала), Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе. Духовные управления мусульман Европейской части СССР и Сибири, Средней Азии и Казахстана и Северного Кавказа возглавили по традиции ислама суннитской ветви муфтии, Духовное управление мусульман Закавказья по шиитской традиции – шейх-уль-ислам. Поскольку в Азербайджане и других республиках Закавказья имелись суннитские общины, в Духовном управлении мусульман Закавказья их интересы представлял муфтий, который являлся заместителем

⁹²¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 107.

⁹²² АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 110-111.

⁹²³ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 112.

⁹²⁴ Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Издательство Казанского университета, 2002. С. 100.

шейх-уль-ислама. По мнению советологов⁹²⁵, именно в целях разобщения мусульманских религиозных объединений каждое из Духовных управлений имело свой официально принятый язык: Средней Азии и Казахстана – арабский язык, Европейской части СССР и Сибири – язык казанских татар, Северного Кавказа – русский язык, Закавказья – азербайджанский.

В 1944 г. специальным правительственным распоряжением религиозным объединениям было дозволено с санкции государственных советских органов арендовать, строить, покупать требуемые для них помещения, иметь специальные духовные школы, готовящие кадры священнослужителей, издавать религиозную литературу, в том числе и мусульманскую: Коран, журналы. Принятые меры в годы войны оживили церковную жизнь и обеспечили некоторую стабилизацию религиозной ситуации. В 1948 г. (25 октября) состоялся IV Всероссийский съезд (меджлис) мусульманского духовенства, на котором присутствовало 53 делегата. ДУМЕС было лишено многих полномочий – права выдачи разрешений на открытие новых приходов, образования мухтасибов, составления метрических книг, открытия духовных школ и курсов по подготовке служителей культа, организации мероприятий по улучшению материального положения мусульманского духовенства и т.д.

Даже в 1950-е гг. И.В. Полянский писал Н.А. Булганину: «Руководители мусульманского культа со времени существования советского государства ни разу не принимались руководителями советского правительства, хотя мусульманское вероисповедание в Советском Союзе по количеству верующих занимает второе место после русской православной церкви»⁹²⁶. Православные иерархи, католикос армянской церкви несколько раз встречались с руководителями советского правительства.

К тому же эти руководители духовных управлений неоднократно принимались главами восточных государств во время паломничества и других поездок.

Совет по делам религиозных культов считал целесообразным организовать прием Н.А. Булганиным председателя САДУМ муфтия Ишана Бабахана (Ташкент), председателя ДУМЕС муфтия Шакира Хилялетдинова (Уфа), председателя ДУМ Северного Кавказа и Дагестана муфтия Магомед Гаджи Курбанова (Махачкала) и председателя ДУМ Закавказья шейх-уль-ислама Хаким Заде Шейх Мовсума (Баку).

Международные контакты советских мусульман со странами Востока были весьма ограничены. Советское руководство подходило к решению вопросов об их организации весьма осторожно и расчетливо»⁹²⁷.

⁹²⁵ Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Казань: Иман, 1999; Рой Я. Ислам в Советском Союзе после Второй мировой войны // Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Казань: Иман, 1999 и т.д.

⁹²⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 17. Л. 128-130.

⁹²⁷ Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Издательство Казанского университета, 2002. С. 101.

Руководство служителями исламского культа и верующими мусульманами Среднего Поволжья находилось в ведении Центрального Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (г. Уфа).

После войны, в 1945 г., в г. Москве на татарском языке, арабским шрифтом было издано подготовленное Г. Расулевым религиозное пособие «Ислам Дини», в котором были изложены основные постулаты мусульманской веры.

К середине 1940-х гг. в Татарской АССР насчитывалось 16 официально действующих и 25 незарегистрированных мечетей. Большинство «разрешенных» мечетей было зарегистрировано в 1945-1947 гг.⁹²⁸.

В Пензенской области в 1945 г. было зафиксировано 7 действовавших исламских культовых зданий – мечетей (Кузнецкий, Городищенский, Каменский, Неверкинский, Беднодемьяновский, Сосновоборский районы); причем, четыре из них было открыто собственно в 1945 г.⁹²⁹; три – в 1946 г.; две – в 1947 г.⁹³⁰. Поскольку основная часть татарского населения Пензенской области проживала в Кузнецком районе, то там официально функционировало 5 мечетей⁹³¹. Недействовавших мечетей в середине 1940-х гг. в Пензенском крае было 75, из них 29 зданий мечетей было занято под детские, лечебные учреждения, клубы и кинотеатры, 28 – под склады, мастерские и другие хозяйственные помещения, 18 зданий просто пустовало⁹³². В Вадинском, Шемышейском, Иссинском, Лунинском, Лопатинском, Белинском районах Пензенской области, в которых имелись татарские села, действовавшие мечети отсутствовали⁹³³.

В Ульяновской области функционировало 9 мечетей в сельской местности и 1 молитвенное здание в г. Ульяновске. Все сельские мечети были зарегистрированы и переданы религиозным обществам по договору в 1945-1947 гг.⁹³⁴. Недействовавших мечетей в регионе на 1945 г. насчитывалось 79, часть которых просто пустовала, другая использовалась в хозяйственных целях⁹³⁵.

В Куйбышевской области в середине 1940-х гг. действовало 18 мечетей (в 4 районах области – Камышлинском, Похвистневском, Шенталинском, Челно-Вершинском)⁹³⁶. Уполномоченный Совета замечал, что «в области имеется столько же мечетей, что и русских православных церквей, а с уче-

⁹²⁸ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 21, 25, 33; Д. 7. Л. 8-9.

⁹²⁹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

⁹³⁰ Там же. Д. 1. Л. 51.

⁹³¹ Там же. Д. 1. Л. 391; Д. 41. Л. 5; Д. 91-а. Л. 19.

⁹³² ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 59.

⁹³³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

⁹³⁴ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 7-101.

⁹³⁵ Там же. Д. 12. Л. 7-52.

⁹³⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 5. Л. 7-8, 20; Д. 30. Л. 151; Д. 41. Л. 1.

том незарегистрированных обществ мусульманам принадлежит право первенства»⁹³⁷.

Собственно в г. Пензе и Куйбышеве действующих мечетей не было. В качестве места сбора верующих мусульман использовались городское татарское кладбище и дома мусульман. Организаторами молений в г. Пензе являлись пенсионеры в возрасте 70-80 лет Л. Бекташев, кладбищенский сторож, Л. Каркаев, Ларин, М. Тифитуллин⁹³⁸; в г. Куйбышеве – пенсионеры Х. Алмакаев, Г. Галлиев, Г. Габатдулин, Х. Гилимуллин, Х. Гильманов, Ф. Сагиров, Ю. Якупов⁹³⁹.

Мечети являются материальной базой социальной консолидации мусульман, духовными центрами мусульманского населения и опорными точками в процессе массового распространения ислама. Большая часть мусульманских общин возникла и существует на базе мечетей. Без их создания невозможна активная пропаганда исламского учения. Советская власть нанесла значительный ущерб исламским культовым зданиям. Так, в Татарской АССР до 1917 г. действовало 1878 мечетей, к началу 1960-х гг. их осталось 0,6 %⁹⁴⁰. В Пензенском регионе верующим мусульманам в большей степени, нежели христианам, удалось сохранить свои культовые здания. Если общая численность действовавших православных церквей в Пензенской области к концу 1940-х гг. по сравнению с дореволюционным периодом составляла лишь 2 %, то количество мечетей достигало 17,5 %⁹⁴¹. В соответствии с «Инструкцией для уполномоченных Совета по делам религиозных культов» после разрешения Совета на открытие мечети необходимо было в 7-дневный срок заключить с местными верующими договор на передачу здания мечети и культового имущества. В договоре предусматривалась передача здания в бессрочное бесплатное пользование верующим, которые, в свою очередь, должны были «беречь здание,.. мечетью и ... предметами культа ... пользоваться исключительно для удовлетворения религиозных потребностей...»⁹⁴².

Мечети в Татарской АССР, Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областях являлись своего рода универсальными культовыми зданиями, т.е. среди них в исследуемый период уже отсутствовало четкое деление на соборные и пятничные, сельские и квартальные. При большинстве мечетей имелись минареты⁹⁴³. Бассейнов или специальных сооружений для омовений, как правило, в средне-волжских культовых зданиях не было. Мечети в Татарской АССР, Пензенском, Ульяновском, Куйбышевском регионах, в

⁹³⁷ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.

⁹³⁸ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. Р-1. Л. 391.

⁹³⁹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 173.

⁹⁴⁰ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 166.

⁹⁴¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

⁹⁴² Там же. Д. 14. Л. 16.

⁹⁴³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 8-9; ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 26. Л. 183; Д. 18. Л. 124; ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 50-53; ГАСО. Ф. Р-4089. Д. 15. Л. 15-17; Д. 41. Л. 9.

основном, были возведены в период с 1865 г. по 1922 г., представляли собой деревянные срубовые здания средней вместимости 200-500 чел.⁹⁴⁴. Из архивных материалов следует, что «официальные» мечети Среднего Поволжья были зарегистрированы, в основном, в 1945-1946 гг.

В Татарской АССР на государственном учете как памятники архитектуры состояло 13 культовых зданий (мечеть им. Ш. Марджани – г. Казань, Азимовская мечеть – г. Казань, Апанаевская мечеть – г. Казань, Бурнаевская мечеть – г. Казань, Закабанная мечеть – г. Казань, Новослободская мечеть – г. Казань, монастырский погреб – мусульманская усыпальница – Куйбышевский район, Ханская усыпальница – Куйбышевский район, Никольская церковь – мусульманская усыпальница – Куйбышевский район, Соборная мечеть – Куйбышевский район и т.д.)⁹⁴⁵. Ни одно из зданий мечетей на территории Куйбышевской, Пензенской, Ульяновской областей не было признано памятником архитектуры.

Средне-волжское исламское духовенство было представлено муллами (имамами) и муэдзинами. Мулла, обычно выбираемый самими мусульманами из своей среды, отправлял культ и иногда преподавал ислам детям. Муэдзин (азанчи) являлся служителем мечети, который призывал верующих мусульман на молитву (азан).

В середине 1940-х гг. в Татарской АССР было официально зарегистрировано 18 мулл⁹⁴⁶. Численность мусульманского духовенства Пензенской области с послевоенного времени резко увеличивалась. В 1945 г. в Пензенской области было зафиксировано 5 служителей исламского культа⁹⁴⁷.

В Ульяновской области на протяжении исследуемого периода количество зарегистрированных служителей исламского культа варьировалось от 5 до 8, обязанности муэдзина в зарегистрированных мечетях часто «выполняли разные лица из числа верующих»⁹⁴⁸. В Куйбышевской области в середине 1940-х гг. было 7 мулл, в конце 1940-х гг. – 18 зарегистрированных имамов⁹⁴⁹.

В течение исследуемого периода в Среднем Поволжье существовали так называемые «самозванные» или «нелегальные» муллы, которые занимались отправлением религиозных обрядов, главным образом, в сельской местности: в Пензенской области – с. Алеевка Неверкинского района, Кикино, Телятино Каменского района, Усть-Инза Никольского района и т.д.⁹⁵⁰; в Куйбышевской области – с. Алькино, Новом Фейзуллово, Татарские Выселки, Теплый Стан и т.д.; в Ульяновской области – с. Большой

⁹⁴⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 8-9; ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18. Л. 124; Д. 29. Л. 23; ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 50-53; ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-6.

⁹⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 33; Д. 7. Л. 8.

⁹⁴⁶ Там же. Д. 4. Л. 24; Д. 7. Л. 29-об, 43.

⁹⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 26. Л. 187.

⁹⁴⁸ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

⁹⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 5. Л. 19-об; Д. 30. Л. 151.

⁹⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5; Д. 91-а. Л. 19.

Чирклей Николаевского района, Старое Зеленое, Старая Кулатка, Бахтеевка, Средняя Терезка Старокулаткинского района и т.д.; в Татарской АССР в 1961 г. насчитывалось 379 так называемых «бродячих» мулл⁹⁵¹.

Главными проблемами мусульманского духовенства Среднего Поволжья были преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах, недостаточный уровень образования священнослужителей.

Зарегистрированные служители мусульманского культа Среднего Поволжья характеризовались слабой включенностью в общественно-производственную деятельность, продолжительным стажем духовной деятельности, пожилым возрастом, практически отсутствием какого-либо светского образования и наличием хотя бы минимального духовного. Так, к началу 1950-х гг. в Татарской АССР из 9 зарегистрированных мулл только 2 были заняты на производстве, в колхозе и в учреждении; 2 исполняли культовые обязанности еще до революции 1917 г., 2 – с предвоенного времени, 5 – с 1941 г.; возраст одного священнослужителя – от 40 до 59, остальных – 60 и старше; у всех низшее общее образование; у 2 – высшее духовное образование, у 5 – среднее, у 2 – низшее⁹⁵². Из 11 зарегистрированных в Пензенском крае мулл ни один не являлся работником производства или совхоза; мало у кого имелся стаж духовной деятельности до революции 1917 г., в основном, все исполняли обязанности священнослужителей с 1941 г.; все были старше 60 лет; 4 имама имели среднее образование, остальные – низшее; духовное высшее образование имелось у 1, у 2 – среднее духовное, у 5 – низшее духовное и 3 мулл не имели никакого духовного образования⁹⁵³. Из 5 зарегистрированных мулл Ульяновской области, по сведениям уполномоченного Совета С.М. Агафонова, все были старше 60 лет с низшим «советским образованием», не имели никакого духовного образования или богословских степеней⁹⁵⁴. Из 20 зарегистрированных куйбышевских мулл 5 были заняты на производстве, в колхозах и учреждениях; 2 были в возрасте от 40 до 59 лет, 18 – старше 60 лет; общее образование в пределах среднего было у 3, низшее – у 17; духовное образование имели 1 – высшее, 13 – среднее, 4 – низшее, 2 – нигде не обучались (9 были ранее осуждены, причем 7 – «как политически не благонадежные, антисоветски настроенные» по ст. 58¹⁰ УК)⁹⁵⁵.

Одной из важнейших обязанностей служителей мусульманского культа была проповедническая деятельность. По мнению Н. Аширова, «проповедь является наиболее динамичным элементом религиозного комплекса, открывающим широкое поле для маневрирования, для совершенствования аргументации и освоения новой проблематики. Именно с помощью пропо-

⁹⁵¹ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 74-147; ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 19. Л. 277.

⁹⁵² НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 29-об; 43-об; 47-об.

⁹⁵³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 26. Л. 197.

⁹⁵⁴ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 84. Л. 66.

⁹⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 30. Л. 74-147, 151-об; Д. 36. Л. 76-77.

веди в первую очередь модернистские идеи распространяются среди масс верующих»⁹⁵⁶. Проповеди звучали на самые различные темы – от актуальных проблем социально-политического характера, чисто ортодоксально-догматического содержания до нравственных и других жизненно важных вопросов. В.А. Куроедов подчеркивал: «Социалистическая действительность, историческое творчество народов, которые сами стали хозяевами своей судьбы, подорвала веру в божественное предопределение. И мусульманское духовенство в настоящее время проповедует, что хотя многое и предопределено Аллахом, но немало зависит и от намерений людей и их упорства в достижении намеченных целей»⁹⁵⁷.

Социальные и нравственные проблемы жизни советского общества – труд, образование, национальные и семейно-бытовые отношения и т.п. – постоянно находились в поле зрения исламского духовенства. Уполномоченный Совета по Ульяновской области С.М. Агафонов верно определил содержание и задачи проповедей служителей мусульманского культа, отчитываясь о прохождении «Курбан-байрама» в г. Ульяновске: «... Мулла выступал перед верующими с небольшой проповедью, в которой призвал молящихся придерживаться вероучения ислама, во всем проявлять покорность и терпение, не обижать близких, родственников и товарищей по работе, старшим поучать младших, а младшим слушаться и повиноваться старшим, молиться за здоровье и благополучие свое и близких родственников. Цель проповеди – удерживать и закреплять веру не только за теми, кто посещает мечеть, но и за их семьями»⁹⁵⁸. Анализируя публичные выступления мулл Татарской АССР, уполномоченный Совета давал им следующую характеристику: «В своих проповедях имамы мечетей, проявляя лояльность и уважение к конституционным требованиям и одобряя внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, призывали верующих к строгому соблюдению догматов ислама, утверждали, что не всякий добродетельный поступок является истинным добром, а только такой, который сотворен глубоко верующим человеком: что нет и не может быть настоящей нравственности без веры в Аллаха, и поэтому-де религия необходима и при социализме; что нормы морали социалистического общества совпадают с нравственными предписаниями ислама, а положения ислама и его обряды подтверждаются научными данными. Почти во всех проповедях национальное и мусульманское очень часто отождествляется. ... Все это является попыткой мусульманского духовенства ответить на те вопросы, которые ставит жизнь»⁹⁵⁹. Накануне и в дни мусульманских праздни-

---

⁹⁵⁶ Аширов Н. Мусульманская проповедь. М.: Политиздат, 1978. С. 4.

⁹⁵⁷ Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1982. С. 166-167.

⁹⁵⁸ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

⁹⁵⁹ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 90.

ков служители исламского культа выступали с предметными проповедями по поводу этих религиозных празднеств.

Постоянно в богослужениях, особенно в сельской местности, звучали наставления о вреде курения, пьянства, о соблюдении морального облика верующего, о воспитании детей и т.д. В мечети г. Чистополя Татарской АССР имам Н.М. Мофлюхунов говорил: «Водка – мать безобразных дел, начало всех грехов. Тот, кто употребляет водку, – отступник от веры, он не верит в потусторонний мир и рай. Алкоголик разрушает религию ислам. Тот, кто дает деньги алкоголику, подобен соучастнику в убийстве. Не будьте спутником пьющего. Если алкоголик заболел, не интересуйтесь его здоровьем, если умрет – не участвуйте в его похоронах, т.к. он уже отлучен Аллахом от ислама»⁹⁶⁰. Данные сюжеты были актуальны для верующих мусульман и, что особенно важно, доступны для восприятия и понимания.

В общей своей массе проповеди исламского духовенства Среднего Поволжья носили достаточно однообразный характер, повторялись из года в год, в них использовались, как правило, одни и те же аяты и высказывания из хадисов. Так, мулла казанской мечети Х. Яруллин (Татарская АССР) текст праздничной проповеди в неизменном виде использовал 6 лет, мулла бугульминской мечети Г. Хамидуллин (Татарская АССР) более 8 лет выступал с одним и тем же текстом⁹⁶¹. Ситуацию весьма красноречиво обрисовал имам мечети с. Степное Озеро Н. Шаяхматов: «... Я выступаю с одной и той же проповедью с 1946 года. Эту же проповедь читали и мои предшественники. Она нас вполне устраивает. Потому что верующие никакого духовного образования не имеют и в мечеть ходят два раза в год. Вообще наша проповедническая деятельность затухает. Или им говоришь, или стенам – одно и то же»⁹⁶². Безусловно, некоторые конъюнктурные моменты присутствуют, но в целом довольно объективно представлена картина.

По мнению уполномоченного Совета по Татарской АССР И.А. Михалева, причина данного явления крылась в том, что «абсолютное большинство мулл – религиозные самоучки, имевшие низкий уровень общеобразовательной подготовки, кроме того, в настоящее время значительно ослаблены связи духовенства с муфтием, и он не рассылает праздничных посланий»⁹⁶³. Следует отметить, что верующих далеко не всегда устраивал столь низкий уровень «компетентности» служителей культа.

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства и в силу их слабой «профессиональной» подготовки, некоторые из мулл даже не выступали с религиозными проповедями, а ограничивались поздравления-

---

⁹⁶⁰ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 47.

⁹⁶¹ Там же. Д. 81. Л. 2.

⁹⁶² Там же. Д. 105. Л. 65.

⁹⁶³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

ми верующих с праздниками и высказыванием пожеланий им благополучия и мира (особенно часто данное явление встречалось в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях). В Татарской АССР муллы часто просто зачитывали верующим послания муфтия ДУМЕС или поздравительные телеграммы от религиозных объединений за пределами республики, в лучшем случае, со своими минимальными комментариями⁹⁶⁴.

В целом же, имамы областей Среднего Поволжья не блистали оригинальностью в своей проповеднической практике, выступали довольно редко, особенно в Пензенском регионе. По замечанию куйбышевского уполномоченного Совета, «как правило, муллы выступают произвольно, без письменных текстов. Смысл большинства проповедей ... сводился к пересказу отдельных мест Корана и их значению для верующих. Значительное место в проповедях занимала тема морально-нравственных поучений и осуждение еще бытующих пороков (пьянства, разврата, неуважения к старикам и т.д.)»⁹⁶⁵. Особое внимание верующих при этом обращалось на необходимость соблюдения законов советской власти и правильного поведения в общественных местах, что также трактовалось как одно из требований Корана⁹⁶⁶.

В Среднем Поволжье получила распространение практика представления содержания проповедей мулл уполномоченным Совета и в комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах⁹⁶⁷, что расценивалось уполномоченными как «проявление лояльности к органам советской власти»⁹⁶⁸.

Мощное эмоциональное воздействие на верующих оказывало хоровое пение в мечетях, особо распространенное в Татарской АССР; для большего комфорта верующих некоторые мечети в Татарской республике были радиофицированы⁹⁶⁹. В Куйбышевской области практиковалось коллективное пение молитв всеми верующими⁹⁷⁰.

Несмотря на невысокий образовательный ценз, именно от мулл, а не от служителей православного культа, поступало наибольшее количество жалоб на неправильное налогообложение. В 1949 г. мулла с. Кобылкино Каменского района Пензенской области Х.А. Кудряков лично подал заявление уполномоченному Совету об освобождении его от обязанностей муллы «ввиду ... неправильного его обложения подоходным налогом». Уполномоченный Совета по делам религиозных культов С.Д. Горбачев, предупредив верующих о необходимости нахождения в 3-месячный срок священно-

---

⁹⁶⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 90.

⁹⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁹⁶⁶ Там же. Д. 9. Л. 73.

⁹⁶⁷ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 77. Л. 36.

⁹⁶⁸ Там же. Д. 99. Л. 90.

⁹⁶⁹ Там же. Д. 11. Л. 8.

⁹⁷⁰ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 30. Л. 165.

служителя, иначе в противном случае община будет снята с регистрации, действительно вознамерился сократить количество официально действовавших мусульманских обществ, правда, неудачно. С жалобами на неправильное налогообложение к уполномоченному обращались служители мусульманского культа И.С. Ахмяров в 1949 г. (с. Индерка Сосновоборский район), А.К. Бахтеев в 1950 г. (с. Средняя Елюзань Городищенского района), Я.С. Юсупов в 1952 г. (с. Большой Труев Кузнецкого района) и т.д.

Служители мусульманского культа осознавали, что без преемственности поколений нет будущего ни у одной мировоззренческой системы, исходя из чего мусульманское духовенство активнее начало уделять самое пристальное внимание приобщению к вере в Аллаха детей, подростков, юношей. Имам мечети г. Казани З. Сафиуллин в одной из своих проповедей говорил: «Будущее ислама зависит от молодежи, и поэтому долг каждого мусульманина состоит в том, чтобы воспитывать своих детей в религиозном духе»⁹⁷¹. «Работа в данном направлении облегчалась сохранением в ментальности населения привычки следовать вековым народным традициям»⁹⁷². Так, в 1945 г. уполномоченный Совета по Куйбышевской области писал в докладной записке: «Поэтому не случайно старики в мечети с. Камышла выдвинули передо мной со всей серьезностью вопрос о необходимости обучения детей в школах чтению Корана, «иначе, говорят они, мы, старики, умрем, и Коран читать будет некому, так как молодежь Коран не изучает»⁹⁷³. С конца 1940-х гг. со стороны отдельных представителей мусульманского духовенства Пензенского и Куйбышевского регионов отмечалось стремление к организации специального преподавания ислама в мечетях для подраставшего поколения. Мулла с. Индерка Сосновоборского района Ахмиров ставил вопрос об организации религиозного обучения детей при мечети, в чем ему было отказано⁹⁷⁴.

В 1940-е гг. для мусульман Советского Союза произошло огромное по значимости событие – Правительство СССР разрешило паломничество советских мусульман в Мекку. Ю.Н. Гусева замечает: «Реальность советского времени была такова, что паломничество, как и прочие элементы религиозной практики, испытывал на себе серьезное давление со стороны внешних сил и обстоятельств. Влияние государственных интересов на эту сторону жизни верующих было наиболее существенным, так как это был не просто выезд на границу (что само по себе в условиях «железного занавеса» являлось событием неординарным), но пребывание в другой стране, открытой для влияния внешних сил, с религиозными целями»⁹⁷⁵.

⁹⁷¹ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 45.

⁹⁷² ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 28. Л. 182.

⁹⁷³ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁹⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.

⁹⁷⁵ Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: ООО «Офорт», 2013. С. 168.

В.А. Ахмадуллин пишет: «В ходе Великой Отечественной войны руководство СССР стало понимать необходимость смягчения государственно-исламских отношений. В этом плане были приняты серьезные изменения: созданы Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК) и три Духовных управления мусульман (г. Ташкент, г. Баку, г. Буйнакск), муллам разрешили выезжать за границу и вести пропагандистскую работу в целях формирования положительного образа страны, СССР начали посещать исламские руководители из других стран⁹⁷⁶. Выход на международный уровень был во многом инициирован самим государством, им контролировался и всесторонне обеспечивался. Заграничные корреспонденты активно брали интервью у Председателя СДРК И. Полянского и при его участии у курируемых им мусульманских лидеров⁹⁷⁷. Государством также были выделены средства на киносъемку и издание материалов о повседневной жизни, праздниках мусульман и съездах уммы СССР для пропаганды в странах Востока⁹⁷⁸. В 1944 г., после пятнадцатилетнего запрета советским мусульманам разрешили выехать на хадж... Таким образом, с 1944 г. такое важное мероприятие как хадж, после долгих лет запретов, снова стал реальностью мусульманской жизни в СССР, правда для весьма небольшого круга лиц и далеко не каждый год.

После 9 мая 1945 г. многие чиновники партийно-государственного аппарата полагали, что в связи с окончанием войны, нет больше необходимости в организации хаджа и улучшении государственно-исламских отношений. Но руководство СССР приняло решение отправить советских мусульман в хадж 1945 г. Надо отдать должное организаторам хаджа со стороны советской власти, они пытались устранять ошибки предыдущей поездки, настаивали на включение в состав делегаций лиц знающих арабский и персидский языки. Для качественного контроля за хаджи планировалось отправить двух сотрудников НКГБ⁹⁷⁹.

Собрать документы, пройти все проверки и приехать в Москву для заключительных мероприятий, смогли не все претенденты.

Перед вылетом состоялся торжественный обед с участием паломников, представителей мусульман Москвы, членов СДРК. В группе было два старших – муфтии Г. Расулев и И. Бабахан⁹⁸⁰. На борт специально выделенного самолета поднялось всего 17 паломников⁹⁸¹. Специальный самолет, летел по маршруту Москва – Баку – Тегеран – Багдад – Каир. Далее использовался автомобильный и морской транспорт⁹⁸² «⁹⁸³».

⁹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 12. Л. 58; Д. 20. Л. 8–11, 44–65.

⁹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 8. Л. 11, 26, 53, 55, 58.

⁹⁷⁸ Там же. Д. 1. Л. 47; Д. 6. Л. 66; Д. 10. Л. 26; Д. 21. Л. 68.

⁹⁷⁹ Там же. Д. 20. Л. 142.

⁹⁸⁰ Там же. Д. 45. Л. 21.

⁹⁸¹ Там же. Д. 20. Л. 192, 194–196.

⁹⁸² Там же. Д. 45. Л. 2, 16–19.

Ахмадуллин В.А. верно подчеркивает, что «что партийно-государственный аппарат СССР при организации хаджа 1945 г., как и всех остальных, преследовал одну цель – формирование положительного образа СССР. При этом власти постепенно сформировали ряд противоречивых требований, которым должны были соответствовать будущие паломники: владеть восточными языками; знать правила поведения и догматов Ислама; иметь высокий уровень умственного развития и приятный внешний вид для формирования у мусульман зарубежных стран хорошего впечатления о жизни в СССР; не должны способствовать оживлению религиозной жизни в своем регионе»⁹⁸⁴.

В 1946-1952 гг. хадж не состоялся. По мнению В.А. Ахмадуллина, «причин такого положения дел было несколько: беспорядки на автодорогах, по которым должны двигаться паломники; отсутствие железнодорожного пути; крайняя ненадежность морского пути; невозможность использовать воздушное сообщение из-за особо тяжелой метеорологической обстановки, эпидемии холеры в некоторых регионах Ближнего и Среднего Востока⁹⁸⁵, а также из-за политических осложнений в Палестине и в арабских странах⁹⁸⁶. Важными доказательствами того, что в период 1946-1948 гг. советские граждане на хадж не ездили, являются две справки, подписанные Председателем СДРК И.В. Полянским. Первая от 26 мая 1948 г. в СМ СССР, на имя К.Е. Ворошилова, вторая – от 2 апреля 1949 г. для заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского⁹⁸⁷.

Дополнительным аргументом, подтверждающим невыезд советских мусульман на хадж в период 1946-1952 гг., является «Справка о положении религиозных культов в СССР и их состоянии, кроме православной церкви». Этот документ подписал в ноябре 1955 г. заместитель Председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР В.И. Гостев. В справке сказано «Каждый год Советское Правительство оказывает содействие мусульманам Советского Союза, совершающим паломничество в Мекку. Такие паломничества совершались в 1944-45 и далее в 1953, 1954 и 1955 годах.

... Главная причина заключалась в нежелании, прежде всего И.В. Сталина и его ближайшего окружения, способствовать росту Ислама в СССР»⁹⁸⁸.

---

⁹⁸³ Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства по организации хаджа советских мусульман в 1944-1991 гг. // Хадж российских мусульман. 2012. № 5 // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?5773

⁹⁸⁴ Там же.

⁹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 78, 151, 160, 163–164, 172–175; Д. 48. Л. 39–42, 44–53, 58; Д. 58. Л. 75; Д. 60. Л. 22; Д. 68. Л. 33–34, 291; Д. 71. Л. 20; Д. 100. Л. 26, 129, 84; О паломничестве мусульман СССР в Мекку // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б) № 275 (10666) 17.10.1947 г.

⁹⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 58. Л. 74.

⁹⁸⁷ Там же. Д. 54. Л. 72–74; д. 58, л. 74-76.

⁹⁸⁸ Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства по организации хаджа советских мусульман в 1944-1991 гг. // Хадж российских мусульман 2012. № 5 // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?5773

Паломничество в Мекку, в первую очередь, касалось служителей культа:

«На основании представления Совета по делам религиозных культов в Правительство СССР последним разрешено в 1947 году паломничество мусульман в Мекку.

Исходя из этого и учитывая, что паломники должны быть в Мекке обязательно в 20-х числах октября с.г., Совет командировал в Уфу своего сотрудника т. Абушаева для оказания помощи в проведении подготовки паломничества Уполномоченному Совету по Башкирской АССР тов. Каримову.

Совет нашел возможным ЦДУМу РСФСР организовать паломничество 10 человекам, в том числе из Пензенской области одному человеку.

Паломничество в Мекку может быть произведено за счет самих паломников и будет стоить для каждого из них, по ориентировочному подсчету, около 10 тысяч рублей, из коих часть денег, предназначенных для обмена на валюту, в сумме примерно 3500 рублей с каждого паломника должна быть переведена Духовным Управлением мусульман в распоряжение Совета по указанию последнего. Это указание Совет даст после того, как окончательно будут оформлены документы на отобранных паломников. Сбор всех паломников от 4-х Духовных Управлений мусульман в количестве 40 человек предположен в Москве, откуда они на специально зафрахтованных самолетах вылетят в Тегеран (стоимость перелета каждого пассажира равна 3 тыс. рублей), а из Тегерана железнодорожным, водным и автомобильным транспортом по обычному маршруту хаджа направятся в Мекку.

Советом установлен следующий порядок отбора паломников:

Т.т. Каримов и Абушаев рекомендуют муфтию Расулеву срочно составить список лиц, подавших заявление в Духовное Управление с просьбой разрешить им совершить паломничество. Муфтию будет также рекомендовано в этот список включить и тех лиц, которые были отобраны в 1946 году...

По получении от Расулева составленного им списка паломников т. Каримов должен будет передать этот список для проверки помещенных в нем лиц в Министерство Госбезопасности Башкирской АССР.

После возвращения т. Каримову названного списка из Министерства Госбезопасности с указанием, кому персонально можно совершить паломничество в Мекку, муфтий Расулев по рекомендации Совета, исходявшего из целей экономии времени и правильного оформления анкет выездных дел на паломников, должен будет организовать выезд всех лиц, отобранных для паломничества, в Москву...»⁹⁸⁹.

В 1947 г. для паломничества от Пензенского края в результате тщательного отбора была предложена кандидатура Я.С. Юсупова, 1880 года рождения, мухтасиба. Возражений против поездки в Мекку Я.С. Юсупова

⁹⁸⁹ ГАПО. Ф. Р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 36-36об.

не последовало ни от уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, ни от органов госбезопасности⁹⁹⁰.

Как уже указывалось, паломничество 1947 г. не состоялось, «поскольку власти СССР запретили хадж в этом году под предлогом заботы о здоровье советских людей и невозможности транзита из-за установления противохолерного карантина в арабских странах. Забота о здоровье советских мусульман была лишь предлогом, а причиной – нежелание советских руководителей видеть усиление ислама в СССР», – пишет Е.В. Носова⁹⁹¹. По мнению Е.В. Носовой, «одной из причин активизации движения паломников был низкий уровень пропагандистской работы со стороны партийных и советских органов. До конца 40-х годов партийные органы практически не уделяли должного внимания атеистической и антирелигиозной пропаганде, что привело к активизации религиозных организаций в духовной жизни общества. Духовенство стало активно пропагандировать идеи паломничества»⁹⁹².

Имам пользовался фактически непререкаемым авторитетом среди населения. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев объективно подчеркивал, что «рассадником религиозного влияния на население и некоторую часть молодежи и детей служит семья, родственники, пожилые религиозно-настроенные мужчины и женщины, старики и, конечно, главным образом, – мулла, к которому верующие колхозники обращаются за совершением молитвы. Отношение верующих граждан к мулле очень почтительное»⁹⁹³. Религиозные общины в с. Индерке Сосновоборского района, Бестянке Кузнецкого района Пензенской области самовольно, без разрешения построили жилые дома для мулл мечетей⁹⁹⁴. На встречах с членами партии и кандидатами в с. Средняя Елюзань уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев предлагал активизировать разъяснительную атеистическую пропаганду, работу по закрытию мечети, на что председатель сельсовета Баязитов, председатель избирательной участковой комиссии Тугушев, заведующий буфетом Акчардаков и т.д. возражали, что мулла не позволит. Колхозники осенью по призыву муллы («ахуна») добровольно снабжали мечеть дровами, тогда как школа оставалась без топлива⁹⁹⁵. В 1946 г. с. Новое Усманово Камышлинском районе Куйбышевской области колхозники в дни «Уразы-байрам» вышли на работу только после

---

⁹⁹⁰ ГАПО. Ф. Р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 36-37.

⁹⁹¹ Носова Е.В. К вопросу о хадже советских мусульман // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 7. С. 188.

⁹⁹² Там же.

⁹⁹³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 290.

⁹⁹⁴ Там же. Д. 5. Л. 24.

⁹⁹⁵ Там же. Д. 1. Л. 252.

призыва муллы, проигнорировав все предварительные атеистические мероприятия властей⁹⁹⁶.

В Среднем Поволжье особо почиталось приглашение имама на дом для совершения молитвы, особенно в дни религиозных праздников с привлечением мусульман-мужчин – до 25-35 чел. (т.н. «разговение», «гостевание»), что получило особое распространение в Ульяновской и Куйбышевской областях. Из анализа архивных документов явно следует, что и обряды, часто и моления совершались в основном дома у верующих, а не в мечетях.

Священнослужители постоянно стремились расширить свое влияние. Уполномоченный по Куйбышевской области фиксировал в своей докладной записке: «В целях большего охвата населения своим влиянием духовенство прибегает к духовным беседам не только в мечети, но и на дому и, главным образом, с женщинами. Так, известно, что мулла Камышлинской мечети иногда собирает в частных домах по 5-10 женщин, главным образом, старух, которые, как он выражается, «тоже хотят послушать слово божие». На этих собраниях он читает им Коран»⁹⁹⁷.

Служители мусульманского культа активно участвовали в хозяйственной и общественной жизни населения, пытались оказывать стимулирующее влияние на проведение хлебозаготовок, государственных займов, повышение сельскохозяйственной производительности и т.д. Так, имам мечети с. Кривое Озеро Октябрьского района Татарской АССР Х. Шакиров постоянно в своих проповедях говорил: «... Аллах указывает, что людей сделал хозяином над животными, которых мы должны обеспечивать кормом, хорошо содержать, что обеспечит урожай. Наш долг – приложить все силы на удобрение полей и заботу о сборе урожая. Вот почему каждый мусульманин, если он предан Аллаху, должен добросовестно трудиться и выполнять свои обязательства»⁹⁹⁸. Некоторые пензенские муллы (Ахмиров, Юсупов и др.) также выступали с обращениями к верующим во время богослужений, призывая их активнее участвовать в решении насущных хозяйственно-политических задач⁹⁹⁹.

Отдельные служители культа стремились самостоятельно организовать помощь нуждавшимся инвалидам Великой Отечественной войны. Так, в конце 1940-х гг. мулла мечети с. Индерка Сосновоборского района Пензенской области Ахмиров регулярно производил сборы средств в т.н. «Фонд помощи инвалидам войны», и данные средства передавал в органы собесов. Затем аналогичная практика была прекращена¹⁰⁰⁰.

⁹⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 2-об.

⁹⁹⁷ Там же. Д. 3. Л. 5.

⁹⁹⁸ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 48, 74

⁹⁹⁹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

¹⁰⁰⁰ Там же. Д. 1. Л. 119.

Священнослужители мусульманского культа стремились использовать любые возможности для расширения своего влияния. Неупорядоченность похоронного дела приводила к тому, что фактически все похороны умерших совершались по религиозным обрядам, а муллы превращали кладбища в своеобразные места пропаганды веры. В с. Средняя Елюзань Пензенской области по призыву имама зарегистрированной мечети верующие собрали 9 тыс. руб., на которые приобрели и завезли в село для благоустройства кладбища 1200 погонных метров железной ограды¹⁰⁰¹. Исполнительный орган казанского общества верующих мусульман обратился к уполномоченному Совета Ф.С. Мангуткину с просьбой «завершения благоустройства татарского кладбища и наведения на нем надлежащего порядка» с предложением помощи со своей стороны¹⁰⁰².

С целью поддержания своего авторитета мусульманские священнослужители сознательно привлекали в состав актива общин людей, пользующихся уважением у местного населения – бывших председателей сельских советов, руководителей колхозов и т.д. «Все это укрепляло популярность мечети среди населения, позволяло церковникам в разговорах утрировать эти случаи, заявляя, что ... «как ни живи, а под старость мечети не обойдешь»; ... они тоже, будучи молодыми, не верили в бога, были активисты, а пришла старость, пришли в мечеть молиться богу»¹⁰⁰³.

На протяжении всего советского периода истории существовало такое явление, как «самозваные» или незарегистрированные муллы, которые, как правило, действовали в тех населенных пунктах, где отсутствовали мечети. Данные «нелегалы» по просьбе верующих совершали религиозные обряды, по просьбе верующих в нарушение соответствующего законодательства проводили моления вне мечетей – под открытым небом, на кладбищах, в частных домах и т.п. Между «незарегистрированными» имамами шла весьма ожесточенная борьба за источники доходов¹⁰⁰⁴.

Но и между зарегистрированными служителями культа и «нелегалами» также порою возникали конфликты. Так, в 1945 г. в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачевым мулла А.С. Бахтеев (с. Средняя Елюзань Городищенского района) проинформировал последнего, что из четырех мечетей, из которых юридически действующей значится одна, настоятелем которой он является, в других трех также проводятся молитвенные собрания и другие религиозные требы. В связи с этим, уполномоченный Совета по Пензенской области распорядился о соответствующих указаниях райисполкому по поводу недопущения подобных явлений¹⁰⁰⁵.

¹⁰⁰¹ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 321.

¹⁰⁰² НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 110.

¹⁰⁰³ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 415.

¹⁰⁰⁴ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 154. Л. 83.

¹⁰⁰⁵ ГАПО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

В целом же, постепенно религиозная практика служителей мусульманского культа в Среднем Поволжье стабилизируется, «антисоветские» крайности в их деятельности встречаются все реже. Да и само Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири, по замечанию уполномоченного по Куйбышевской области, «проводит очень осмотрительную политику, во внутреннюю жизнь религиозных обществ по существу не вмешивается, а в рассылаемых иногда разъяснениях стремится сдерживать мулл и верующих от наиболее вредных обычаев и поступков», муфтий «занимает реалистическую позицию и свою роль ограничивает лишь выдачей удостоверений о назначении муллы и периодическим изданием разъяснений, в которых содержатся требования строгого соблюдения советских законов и пресечения деятельности религиозных фанатиков и шарлатанов»¹⁰⁰⁶.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода количество действовавших мечетей в регионах Среднего Поволжья оставалось относительно стабильным: время их открытия и регистрации пришлось на послевоенный период, в конце 1940 – начале 1950-х гг. – пик закрытия культовых зданий, затем динамика приняла стационарный характер. В основном, мечети располагались в сельской местности, даже в Пензенской и Куйбышевской областях в «столицах» (до конца 1960-х гг.) мечети не функционировали.

Численность мусульманского духовенства после всплеска в послевоенный период зафиксировалась на одном уровне – в соответствии с количеством мечетей. Служителями исламского культа в Среднем Поволжье являлись муллы и муэдзины. В некоторых селах в связи с малочисленностью священнослужителей ислама имамы и муэдзины отсутствовали, иногда их обязанности выполняли посторонние лица или старики-бабаи.

Мусульманское духовенство всегда развивало активную деятельность, применяя самые разнообразные методы работы среди населения. Важнейшим элементом религиозной практики исламского культа являлась проповедь. Эффективность проповедей мусульманского духовенства была, поскольку звучавшие в них сюжеты о любви к Родине, укреплении семьи, ведении здорового образа жизни, формировании трудолюбия отвечали быденным запросам верующих, были им понятны и близки, в свою очередь, попутно доказывали единство ценностей ислама и общечеловеческого. Но, тем не менее, кризисные тенденции ощущались, поскольку советская действительность явно не благоприятствовала распространению религиозности. Служители исламского культа также говорили в своих выступлениях о лояльном отношении к социалистическому строю, одобрении внешней и внутренней политики КПСС и Советского правительства, в целом, что, с одной стороны, обеспечивало относительно комфортные условия существования, с другой – частично приводило к ослаблению атеистической ра-

¹⁰⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 24; Д. 41. Л. 67.

боты на местах, распространению религиозного мировоззрения и способствовало поддержанию влияния служителей исламского культа.

Мусульманское духовенство Среднего Поволжья характеризовалось высоким возрастным цензом и низким уровнем образования, как общего, так и духовного. В связи с преклонным возрастом имамов некоторые из них крайне редко выступали с публичными проповедями, особенно в Пензенском регионе. Однако в повседневном общении священнослужители усиленно проводили среди верующих идею об «извечности» существования ислама, приверженности к нему «мусульманской нации». Национальное и религиозное в исламе преподносилось как нерасторжимое целое; упорно внедрялась мысль, что именно мусульманская религия является хранительницей национальности татарского народа, его духовных ценностей, традиций и обычаев. Не случайно, в проповеди казанского имама З. Сафиуллина звучало: «Мусульмане потому сохраняют свое национальное единство и являются нацией среди других народов, что они верят в Аллаха, и чтобы так было всегда, необходимо сохранять веру и исповедать исламскую религию»¹⁰⁰⁷.

Мусульманское духовенство Средне-волжского региона ориентировалось на максимальное приспособление идеологии ислама и деятельности религиозности объединений к условиям социалистического общества, модернизацию религиозных догматов Корана, сближение социально-нравственных принципов ислама и коммунизма, религии и культуры. Служители мусульманского культа стремились адекватно реагировать на происходившие изменения в советском обществе; и для укрепления своей базы среди верующих исламские священнослужители активно вовлекали в свою веру молодежь и делали послабления для активной части населения, в том числе и женщин всех возрастов. При некоторых мечетях были организованы специальные школы-курсы по преподаванию основ ислама. Под воздействие мулл и родственников молодежь усваивала и сохраняла в своем сознании религиозные представления как основу своего существования.

В 1940-х гг. советское руководство разрешило паломничество советских мусульман в Мекку. Количество и «качество» паломников, строго контролировавшееся советскими и партийными организациями и органами госбезопасности, строго регламентировалось и постепенно свелось к «плановой» разрядке. В.А. Ахмадуллин замечал: «...1. поездки мусульман в Мекку и Медину на паломничество не были постоянными; 2. в них допускалась очень малая часть от того количества, которое желало и могло осуществить паломничество в Аравию; 3. многие паломники ездили на хадж многократно, т.к. партийно-государственный аппарат СССР имел с ними достаточно прочные связи и мог абсолютно точно рассчитывать на их лояльность... В СССР хадж организовывался не для удовлетворения потреб-

---

¹⁰⁰⁷ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 45.

ностей мусульман, а для решения тех задач, которые намечали руководители партийногосударственного аппарата. Одними из важнейших в этом плане являлись те, которые диктовались текущим положением дел во внешней политике, но постоянная, стержневая задача – формирование положительного имиджа СССР, завоевание симпатий со стороны мусульманского мира. К будущим паломникам власти предъявляли ряд противоречивых требований: паломники не должны способствовать оживлению религиозной жизни в своем регионе, должны владеть восточными языками и знать правила поведения и догматов Ислама, иметь высокий уровень умственного развития и приятный внешний вид «могущие оставить у мусульман зарубежных стран правильное впечатление о жизни мусульман в СССР»¹⁰⁰⁸.

Список документов необходимых для выезда на хадж: анкета, справка-объективка, автобиография, заключение уполномоченного СДРК в соответствующей республике о целесообразности выдачи разрешения на выезд за границу (характеристика), справка о состоянии здоровья с указанием в ней возможности лететь на самолете и переносить высокую температуру в стране с жарким климатом, справка о зарплате, 12 фотографий (без головного убора) размером 6×6 см., сведения о росте паломника, цвете глаз, волос и других приметах¹⁰⁰⁹. Исследователь Р.Р. Ибрагимов утверждает, что было требование по возрасту паломника – не старше 65 лет¹⁰¹⁰. Но как показывает анализ документов, были паломники и более преклонного возраста. Кроме сбора внушительного пакета документов, власти организовывали жесточайший контроль за лояльностью граждан. Одним из следствий жесткого отбора выезжающих в зарубежные страны мусульман, стало отсутствие случаев отказа возвратиться на Родину (бегства). Во всяком случае, таких фактов в архивных материалах обнаружить не удалось.

Необходимо отметить следующий факт, анализ архивных документов и бесед с паломниками, которые смогли выехать на хадж в советское время, позволяет сделать однозначный вывод: никогда высшему мусульманскому духовенству не добиться включения в список всех лиц, кто желал и имел возможность отправиться в хадж. Количество паломников было строго ограничено, кандидатуры проходили строжайший отбор и проверку всеми заинтересованными структурами и ведомствами советского государства: партийными, советскими, органами государственной безопасности. При организации поездок паломникам ставилась четкая задача по развенчанию информации о притеснении мусульман в Советском Союзе, что многие из них делали с высоким мастерством.

---

¹⁰⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1374. Л. 5.

¹⁰⁰⁹ Там же. Д. 1374. Л. 12-13; Д. 1401. Л. 17.

¹⁰¹⁰ См. Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940-1980-е гг. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 30.

С нашей точки зрения, утверждение исследователя З.Р. Хабибуллиной: «Основной причиной ограничения паломничества в Мекку и Медину было отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией ...К тому же существовали трудности с валютой, которые ограничивали поездки за пределы СССР»¹⁰¹¹ является глубоко ошибочным заблуждением. Отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией были всего лишь поводом, а не причиной жесткого лимитирования количества выезжающих. Доктор экономических наук, генерал армии А.С. Куликов утверждает, что во времена СССР всего несколько десятков человек со всего Союза могли себе позволить поехать в хадж¹⁰¹². Но приведенные факты позволяют говорить о том, что утверждения этого исследователя не соответствуют истинному положению вещей.

Анализ документов позволяет утверждать, что главной причиной срыва поездок на хадж было нежелание советского руководства дать даже малейший шанс укреплению Ислама в сознании граждан СССР, а поездка на хадж и рассказы о нем вернувшихся на Родину паломников способствовали росту религиозности населения»¹⁰¹³.

Мулла, особенно в сельской местности, пользовался непререкаемым авторитетом, что выражалось и в материальной форме. Некоторые имамы принимали активное участие в общественной жизни своих населенных пунктов – в хлебозаготовках, государственных займах, повышении производительности труда и т.п. Проповедники ислама всей своей деятельностью целенаправленно пропагандировали гуманизм своей веры, ее высокие нравственные идеалы и принципы и т.д.

Религиозная обрядность верующих мусульман Среднего Поволжья, как и в целом в СССР, была достаточно высока. Значительных изменений количества верующих, принимавших участие в молениях и мусульманских религиозных празднованиях, численности татар, совершавших религиозные обряды, на протяжении исследуемого периода не наблюдалось. Фактически все татарско-мусульманское население Средне-волжского региона почти открыто исполняло обряды джаназа, никях, исим, суннет. В отличие от Средней Азии, в Среднем Поволжье фактически не соблюдались обычаи кровной мести, пени за убийство, умыкания невесты (адат) (за исключением Куйбышевской области, главным образом, в казахских аулах) и т.д.

Муллы, будучи в основной своей массе толерантными в отношении советской власти, все же иногда вступали в открытое противостояние, как по принципиальным вопросам веры (главным образом, в Татарской АССР и

---

¹⁰¹¹ Хабибуллина З.Р. Хадж мусульман Башкортостана: история и современные тенденции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. 2009. № 6. С. 315.

¹⁰¹² См. Куликов А. Эффект бикфордова шнура // Военно-промышленный курьер. № 23 (491) 19–25 июня. 2013 г.

¹⁰¹³ Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства по организации хаджа советских мусульман в 1944–1991 гг. // Хадж российских мусульман. 2012. № 5 // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?5773

Куйбышевской области), так иногда и из корыстных побуждений. Уполномоченный Совета по Куйбышевской области сообщал в столицу в 1945 г.: «Например, мулла Бакаевской мечети Камышлинского района Галимов Ады, 1882 года рождения, сам являясь крестьянином-единоличником, ведет работу против колхозного строительства. Иногда во время горячих колхозных работ сознательно затевает богослужение с тем, чтобы сорвать работу в колхозе. (Сейчас этим муллой занимаются органы НКВД). Причем, свою работу проводит очень хитро. Внешне он кажется вполне лояльным по отношению Советской власти, но в частных беседах с верующими он последовательно проводит свои антиколхозные толкования»¹⁰¹⁴.

Российская умма является, вероятно, единственной частью мусульманского мира, в которой не реализован утвержденный Святым Кораном институт исламского самоуправления – Шура (Совет мусульман). Отсутствие Шуры, по мнению Г. Джемалья, «есть следствие исторического периода, называемого «советским» – семидесятилетия жизни в стране Советов»¹⁰¹⁵. В результате, продолжительная изолированность советско-российского мусульманского духовенства и исламских институтов от остального исламского мира, лидирующих центров исламского знания предопределили отставание от современных достижений мирового ислама, его нравственных, интеллектуальной, правовых, политических тенденций. Нынешний уровень развития российских служителей исламского культа сдерживался во многом устаревшими в некоторых моментах религиозно-культурными рамками, преобладанием архаичных форм быта и недостаточно развитой культурой.

---

¹⁰¹⁴ ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

¹⁰¹⁵ Джемаль Г. Шура (Исламский совет) как инструмент единства уммы // Джемаль Г. Освобождение ислама. М.: Умма, 2004. С. 67-68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наибольшее внимание в монографии уделяется довоенному и послевоенному периоду истории. Это непростое время как для страны в целом, так и для Пензенского края. Проведенное исследование показало, что, несмотря на тяжелое время, власти, как могли, помогали учреждениям культуры – выделяли деньги на ремонт и закупку оборудования, хотя финансирование учреждений культуры и образования всегда оставляло желать лучшего. Характерной чертой работы учреждений культуры края были постоянные финансово-материальные проблемы, что негативно сказывалось на их работе.

Партия весьма внимательно следила за культурной жизнью и использовала культуру в идеологических, политических целях. Жесткий идеологический пресс оказывал воздействие на все стороны духовной жизни общества.

Все учреждения, связанные с культурой и образованием, несли на себе печать идеологии. Музеи рассматривались, прежде всего, как «базы массовой политпросветработы». Избы-читальни, клубы, библиотеки, дома культуры власти всячески старались не выпускать из виду, ведь считалось, что «культуры нет без идеологии». Повысить идейно-политический уровень культурно-массовой работы – главный и первый пункт всех партийных постановлений тех лет.

Основной задачей клубов являлась политико-просветительная работа. Большую роль в повышении культурного уровня жителей области играли устные формы работы – лекции и доклады. Заведующие клубами в обязательном порядке утверждались партийными органами. Даже состав кино-механиков проверялся райкомами. Но, несмотря на высокий уровень политизации, учреждения культуры действительно вели огромную просветительскую работу. Несмотря на присутствие политической направленности в лекциях и мероприятиях, общий уклон был все же образовательным.

На всем протяжении исследуемого периода областные учреждения культуры испытывали нехватку кадров. Кадровый голод восполнялся подвижнической деятельностью многих руководителей и сотрудников учреждений культуры.

Специфической чертой исследуемого периода (да и всего советского периода вообще) было активное привлечение работников культуры и образования к политическим и хозяйственным кампаниям и постоянное внимание к культурному обслуживанию колхозов и совхозов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство [Текст] / Н. Н. Алексеев. – М.: Аграф, 1998.
2. Алексеева, Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период [Текст] / Л. Алексеева. – Вильнюс; М.: Весть, 1992.
3. Аширов, Н. Мусульманская проповедь [Текст] / Н. Аширов. – М.: Политиздат, 1978.
4. Бабиченко, Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК [Текст] / Д. Л. Бабиченко. – М., 1994.
5. Балугев, Б. П. Газета «Правда» в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Б. П. Балугев. – М., 1970.
6. Барулин, В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя [Текст] / В. С. Барулин. – СПб.: Алетейя, 2000.
7. Бауман, З. Мыслить социологически [Текст]: учеб. пособие / З. Бауман; пер. с англ. под ред. А. Ф. Филлипова; Ин-т «Открытое общество». – М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1975.
9. Беда, А. М. Советская политическая культура через призму МВД (от «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества») 1946-1958 [Текст] / А. М. Беда. – М.: Мосгорархив, 2002.
10. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни [Текст] / В. М. Бехтерев. – СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1908.
11. Блюм, А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929-1953. – СПб.: Академический проект, 2000.
12. Боброва, Е. Ю. Основы исторической психологии [Текст]: моногр. / Е. Ю. Боброва. – СПб.: Издательство СПбУ, 1997.
13. Боер, В. М. Российская государственность: от тоталитаризма к правовому государству [Текст] / В. М. Боер, Н. Г. Янгол. – СПб., 1997.
14. Боффа, Д. История Советского Союза [Текст]: моногр. / Д. Боффа. – М.: Международные отношения, 1994.
15. Верт, Н. История советского государства 1900 – 1991 [Текст] / Н. Верт. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
16. Виноградов, А. Тайные битвы XX столетия [Текст] / А. Виноградов. – М.: Олма-пресс, 1999. – 463 с.
17. Войтасик, Л. П. Психология политической пропаганды [Текст] / Л. П. Войтасик. – М.: Прогресс, 1981.
18. Волкогонов, Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина [Текст]. В 2 т. Вторая мировая война. Два взгляда / Д.А. Волкогонов. – М., 1995.

19. Гайнутдин, Р. Ислам в современной России [Текст] / Р. Гайнутдин. – М.: Фаир-Пресс, 2004.
20. Гишинский, Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм [Текст] / Я. Гишинский // Радуга. – 1990. – №9. – С. 29-35.
21. Голомшток, И. Н. Тоталитарное искусство [Текст] / И. Н. Голомшток. – М.: Галарт, 1994.
22. Грешневиков, А. Информационная война [Текст] / А. Грешневиков. – М.: Галарт, 1994.
23. Гриняев, С. Н. Интеллектуальное противодействие информационному оружию [Текст] / С. Н. Гриняев. – М.: Синтег, 1999.
24. Громов, Е. Сталин: власть и искусство [Текст] / Е. Громов. – М.: Республика, 1998.
25. Грушин, Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования [Текст] / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987.
26. Гусева, Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья) [Текст] / Ю.Н. Гусева. – Самара: ООО «Офорт», 2013.
27. Данилов, А. А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы [Текст] / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. – М.: РОССПЭН, 2001.
28. Джемаль, Г. Освобождение ислама [Текст] / Г. Джемаль. – М.: Умма, 2004.
29. Джилас, М. Лицо тоталитаризма [Текст] / М. Джилас. – М.: Новости, 1992.
30. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953 [Текст]: моногр. / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999.
31. История мировой журналистики [Текст] / А.Г. Беспалова [и др.]. – М., 2003.
32. Куроедов, В.А. Религия и церковь в Советском государстве [Текст] / В.А. Куроедов. – М.: Политиздат, 1982.
33. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии [Текст] / Н.Б. Лебина. – СПб.: Нева: Летний сад, 1999.
34. Набиев, Р.А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке [Текст] / Р.А. Набиев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002.
35. Нехорошев, Ю. Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов [Текст] / Ю. Нехорошев; оформ. А. Г. Малахова. – Л.: Изд-во «Художник РСФСР», 1968.
36. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания [Текст]: моногр. / Э. Ноэль-Нойман. – М.: Прогресс-Академия, 1996.

37. О'Коннор, Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры [Текст] / Т.Э. О'Коннор. – М.: Прогресс, 1995.
38. Ольшанский, Д. В. Психология масс [Текст] / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2001.
39. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991 [Текст] / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск, 2000.
40. Саунин, В. П. История Спасского края. Очерки по истории Богданова, Спасска, Беднодемьяновска [Текст] / В.П. Саунин. – ГУП РМ: Ковылкинская районная типография, 2003.
41. Смирнов, В. П. Ленинские принципы партийного руководства печатью [Текст] / В. П. Смирнов. – М., 1975.
42. Смирнова, Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы [Текст] / Т.М. Смирнова. – М.: Изд. дом «Мир истории», 2003.
43. Сталинское десятилетие «холодной войны»: факты и гипотезы [Текст] / редкол. А.О. Чубарьяна [и др.]; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 1999.
44. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999.
45. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город [Текст] / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2001.
46. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня [Текст] / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2001.
47. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994.
48. Чунаков, А.В. Коммунистическая партия в борьбе за культурное строительство деревни (1927-1937) [Текст] / А.В. Чунаков. – М.: Наука, 1981.
49. Шамбаров, В. Государство и революция [Текст] / В. Шамбаров. – М.: Терра, 2002.
50. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием [Текст] / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980.
51. Шкуратов, В.А. Историческая психология [Текст] / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997.
52. Юнг, К.Г. Архетип и символ [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: Наука, 1991.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
1. История и культура Пензенского края в 1920-1930-е годы	4
2. Культура Пензенской области в послевоенный период	71
3. Мусульмане Среднего Поволжья	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	187

Научное издание

Вазерова Алла Геннадьевна
Королева Лариса Александровна
Мику Наталья Валентиновна

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ XX ВЕКА
Монография

В авторской редакции
Верстка Н.А. Сазонова

Подписано в печать 27.05.15. Формат 60×84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 12,0 Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 194.

Издательство ПГУАС.
440028, г.Пенза, ул. Германа Титова, 28.